

ЖРЕБИЙ ПЕРВОГО АРКАНА

II

БРАВОНА

После казни беременной жены по ложному обвинению, Баи Финч, в прошлом — ремесленник и просто славный парень, вынужден бежать из родного города в поисках той силы, которая поможет ему свершить своё собственное правосудие. Ради этого он готов шагнуть во тьму и столкнуться лицом к лицу с прошлым, от которого он отрекался всю жизнь. Но возможно ли это, умереть и переродиться иным, и в то же время остаться верным самому себе? Пройти до конца и сохранить собственную душу и рассудок? Разгадка скрывается в конце пути, за тянущимся с болот туманом. Но дорога туда не близкая, а карты предостерегают: придёт час и за всё придётся держать ответ.

Валлейский лес остался далеко позади, ровно как и границы герцогства Аддерли. Это очень чётко ощущалась из-за отступления леса, который герцог Уайт, местный пэр, вырубил под корень. Высокий обрывистый берег смотрелся плешивым и убогим. Мёртвые корни срубленных сосен все еще сдерживали земляной вал, но желтоватая почва все равно мало помалу осыпалась в реку, делая дно илистым, а воду — мутной. Тем не менее бесчисленные колонии щурков гнездились в этой почти отвесной стене, а свободные от деревьев территории бодро осваивала молодая кленовая поросль.

Жизнь возвращала себе то, что принадлежало ей.

Я смотрел как миля за милей мимо меня проплывают поля, перелески, рыбацкие деревушки и новенькие пилорамы с водяными колёсами. Они велись бесконечной чередой, оставались за спиной и сливаясь в памяти в единый однообразный фон.

Смотрел и греб, вместе со всеми. Погода установилась пасмурная, и ветерок был не очень-то попутный, поэтому капитан грузовой баржи, на которую мне удалось попасть, распорядился налечь на вёсла.

Взяли меня на удивление легко.

— Беглый чтоль? — спросил меня высокий худошавый человек, возраст которого на глаз было сложно определить. Волосы тёмные с проседью, длинные и засаленные, а борода — щёгольская. Одет в старый, выдавший виды кожаный колет поверх некогда белой льняной рубахи с зарукавьями — шмотьё, которое было явно ему не по статусу, будь оно не настолько старым. А в глазах его играла лихая чертовщинка. Или пьяная. Бес его разберёт.

В миру звали его Бенджамин Эйнсли, но в определённых кругах он был больше известен как Чёрный Бен. Или просто Чёрный, не знаю уж почему.

— Не беглый, но убегающий, — честно сказал я.

— Ну-ну, — заговорчески улыбнулся Бен. — А за что ищут?

— За убийство, — и это фактически была правда. Что-то подсказывало что убийцу на борт такого судна возьмут охотнее чем парня которого ищет инквизиция.

Впрочем, судя по лицам людей, таскающих на борт бочки и ящики, убийц среди них было немало, и я чувствовал себя на их фоне почти невинным.

— Убийство? — собеседник оглядел меня недоверчиво. Видимо тоже ощущал эту разницу.

— Вчера. В лесу, — благо мельник загодя предупредил что лучше говорить как есть, иначе б язык не повернулся. — Не факт что нашли уже, но мне в любом случае нужно убираться отсюда.

Если б я был тем капитаном, то ни за какие деньги не стал бы связываться с новоиспеченным убийцей. Впрочем, я и с командой такой связываться не стал бы ни за что, и мысль о том что мне придется плыть с этими людьми какое-то время меня нервировала.

Но капитаном был не я, а Чёрный. И то ли алкоголь делал его безрассудным, то ли он сам по себе был напрочь отбитый, но взгляд его просветлел и смягчился, сделавшись похожим на взгляд настоятеля монастыря, к которому пришел просить пострига заядлый грешник.

— Ну, тогда добро пожаловать на борт, сынок! — он почти по отечески (и как-то излишне панибратски) приобнял меня за плечо. Перегар всё-таки имел место. — И слушай

сюда, если хочешь чтоб всё было тихо-гладко. Правило первое: делать то, что я говорю. А если я не говорю — то делать то что говорит мой старпом Михал. Второе — деньги деньгами, а лежать прохлаждаться не выйдет: будешь работать как остальные. Ты сам кто, говоришь?

— Подмастерье. Скорняк.

— Подмастерье? Ты не старшего цехового там грохнул от обиды, а?... — он весело посмеялся собственной шуточке. — Слышь, а сапоги зашить сможешь? Чтоб хорошо?

— Надо посмотреть, — ответил я, невольно изучая рваные дырки на его колете. Если сапоги в таком же состоянии, то «хорошо» точно не выйдет. Дай-то боги чтоб получилось «абы как», а не развалилось прямо под иглой.

— Славно, — ответил капитан, буквально таща меня к пирсу. — Значит пригодишься.

— Так что на счёт коня? — уточнил я.

— А на счёт коня — это как раз третье. Взять мы его возьмем, приходилось уже сплавлять, но за дополнительную плату. Ну и сам понимаешь: твоя лошадь — твоя проблема. Сам ее корми-пой, и чтоб навоза на палубе не задерживалось! Это ясно?

Я облегченно вздохнул и согласился. Работы-то я не боялся никогда, наоборот — она сулила стать противоядием от мрачных мыслей, а уж о коне то я позаботится смогу.

Так что теперь бедняга Серый стоял в своем закутке, жевал овёс, прикупленный для него ещё на мельнице, и несколько нервно переминался с ноги на ногу. А я — сидел на веслах, как и все остальные.

Чёрный и его люди дело свое знали, и вели судно вниз по течению уверенно и слаженно. Мне в целом оставалось только подстраиваться под них, и это было легко. Грубые и обветренные мои попутчики гребли и гребли под негромкий ритмичный напев, к которому я вскоре настолько привык, что перестал его замечать. Зато руки двигались словно бы сами — в такт, точно как надо, вместе со всеми остальными, подталкивая баржу вперёд по течению, вытесняя из головы тяжелые думы и слишком живые воспоминания.

К наступлению вечера я почти не чувствовал ни рук, ни плечей, ни даже спины. Причалили мы на ночь к небольшому рыбацкому поселению, существовавшему, видимо, не столько за счёт рыбы, сколько за счёт того что находилось оно ровно в дне пути от Дайнспорта. Тут же стояла и вторая баржа груженная лесом. Поменьше нашей, видать, прибывшая сюда немногим ранее. При взгляде на неё капитан скорчил кислую мину.

— Таак... Вилдор, Зак и Бонза, сегодня ваше дежурство. С барки не шагу, и смотрите чтоб крысы Салливана даже близко не подходили. Ты! — он выразительно ткнул пальцем в меня — Ты тоже сидишь тут и не высовываешься. А это тебе, чтоб не скучно было! — Чёрный снял побитый жизнью колет, свернул мотком и швырнул мне. — Глянь, что там можно сделать.

И ушёл. Сошёл на берег, и остальные матросы вслед за ним. Только дежурные и остались. Чёрный отдал им уходя пару распоряжений — в том числе, видимо, присматривать за мной на всякий случай, судя по тому как они на меня поглядывали время от времени. Мне было все равно — пусть присматривают, я и не собирался делать ничего эдакого. Впрочем, ровно как и не собирался присоединяться к ним, предпочтя общество своего коня.

Пристроившись на ящиках рядом с Серым и наскоро поужинав из собственных запасов, я попытался оценить объем работ.

Всё было плохо, просто из рук вон. Разнесчастный колет за свою тяжёлую жизнь, судя по всему, то отсыревал, то иссушался под палящими лучами солнца, и кожа — козлиная, да

ещё и дубления халтурного — стала хрупкой и легко рвалась от любого неосторожного движения.

С моей точки зрения спасти там было уже нечего, и это старье, сколь любимым и привычным оно ни было, стоило с достоинством похоронить в ближайшей мусорной куче. Из этой кожи даже шнурки нарезать бесполезно, настолько ветхой она была. Латать — затея заранее безнадежная.

Вызов моим способностям, проще говоря.

Только нужны будут ситец и воск.

И в идеале — нормальная мастерская, но ведь вызов на то и вызов, что условия наипаршивейшие.

...спать пристроился там же, у тех же ящиков, завернувшись в плащ. Уснул почти моментально, едва ощутив что лежу наконец и мне относительно тепло. Спал почти без снов, только ближе к утру вроде как пригрезилось что-то бессвязное, но в памяти не отложилось. И это было скорей хорошо.

Проснулся от холода. Рань была несусветная, но я впервые за последние дни ощутил что выспался.

К возвращению Черного с командой из местного постоянного двора, успел позавтракать тем что у меня осталось, задать корма Серому, вычистить его закуток и даже зашить несколько небольших дыр на многострадальном колете. Чувствовал себя, надо сказать, превосходно: мало что так благостно сказывается на настроении, как раннее, наполненное делами утро.

Впрочем, судя по лицам моряков, они это утро почитали каким угодно, но уж точно не добрым. И на меня поглядывали с откровенным раздражением.

Я на рожон не лез. Хотя с сожалением отметил что пока наши «речные волки» просыпались и похмелялись, вторая баржа уже снялась с места и скрылась вдалеке, влекомая размеренной Бравоной вниз по течению.

Мы же отплыли поздно, утро успело перетечь в унылый пасмурный день. Серое небо хмурилось, то и дело грозя пролиться дождём, но всё никак не проливалось.

Капитан Эйнсли опять усадил всех за вёсла. Он надеялся добраться до следующего перевалочного пункта до захода солнца, а вот Бравона наоборот, кажется никуда не торопилась. Напротив — она немного обмелела и расширилась, и водная гладь ее была такой ровной, что казалось течения нет и вовсе. Со стороны пологого берега раскинулись заливные луга пестрящие полевыми цветами — рай для пасечников, чьи хутора виднелись вдали на холмах. Им на беду противоположный отвесный берег заселили ласточки. Большие и процветающие колонии ласточек, самые настоящие птичьи города в крутой земляной осыпи. Пернатые истребительницы пчёл сновали в воздухе едва не врезааясь друг в друга, так много их было. Сразу видно, что недостатка в еде у них нет.

Иногда встречались и небольшие рыбацкие поселения, чаще всего при мельнице или пилораме. К таким местам как правило вели торные дороги, и у каждого речного подворья был собственный паром, на котором всякого желающего, за всё ту же звонкую монету, могли переправить через реку. Это был единственный способ сухим перебраться с одного берега на другой на многие десятки миль вперёд, так как мосты через Бравону строить запрещалось.

Заинтересованный в результате капитан раздобыл по моей просьбе воск и полоску тонкого льна, а ещё — освободил от гребной повинности. Так что я самозабвенно нырнул в свою стихию, ненадолго возвращаясь к привычному любимому делу. Ушёл в ремонт с

головой, с таким тщанием и пристрастием, словно бы это занятие могло обернуть время вспять и вернуть мне Бригги.

На деле же оно просто помогало не думать о ней хотя-бы какое-то время. Скорбь, кажется, так нисколько и не ослабла с того проклятого дня, когда все случилось. Стоило хоть немного отвлечься — и память немедленно затмевала голову сценами казни. Просто бессмысленной и болезненной чередой воспоминаний, зацикленных в бесконечный круг.

Как правило люди, спасаясь от подобных вещей, заливают горе алкоголем, до состояния когда думать становится невозможно. Что до меня — я знал другой проверенный способ справиться с собой: работу на износ. Чем ответственнее и тяжелее, тем лучше. И этот сложный случай подошёл мне не хуже вчерашней гребли.

Настолько, что Чёрный глазам своим не поверил.

— Но это не панацея, кожа всё равно своё отжила, — предупредил я. — Лучше прикупите себе новый.

— Новый не этот, — ответил капитан, с пьяной теплотой в глазах застёгивая спасённый колет. — А ты точно подмастерье?

— Точно, — я невесело усмехнулся. — Я для мастера несколько родословной не вышел.

— Жёстко у вас, — согласился он. — То ли дело на реке! У нас тут, знаешь ли, ты тот кем ты достоин быть, без всех этих ваших цеховых условностей. Настоящая свобода! Плынешь куда хочешь, делаешь что пожелаешь, никто тебе не указ!

Да уж, кем хочешь. Расскажи это судходной Гильдии на которую ты работаешь!

Чёрный со своими романтическими идеями намного естественнее смотрелся бы в море. Река, как мне думалось, была для него тесновата. Но что-то в его рассуждениях было верное: чем ниже сословие, тем больше у тебя на самом деле свободы. Правда при этом — сильно меньше возможностей ею распоряжаться. Такой вот сословный парадокс.

Остаток дня я провёл за починкой сапог, сначала капитану, потом старпому.

А к вечеру леса вновь подступили к реке с обеих сторон. Где-то за свинцовой пеленой туч солнце покидало мир, а под ними и без того тусклый дневной свет растворялся в разрастающихся тенях. Однако Чёрный всё так же настойчиво вел нас вперёд, хотя все до одного уже валились с ног от усталости.

Я несколько нервничал — не похоже было на то что здесь вообще есть человеческое поселение. Даже нормального берега не было — чащоба по обе стороны спускалась к самой воде, а из-за густого кустарника да камыша к земле было не подобраться. Мы что, до утра будем плыть? Ещё полчаса и темень будет хоть глаз выколи. А капитан будто и не придавал этому значения. Только старпом зажёл несколько масляных ламп и повесил их на носу судёнышка. Толку от них было не слишком много, разве что заметить мель или корягу какую за минуту до столкновения, не более.

Однако вскоре река немного свернула, и я понял что сомневался в капитане зря. Посреди реки чернел на фоне угасающего неба поросший ивами островок, на котором заманчиво мелькали отблески костра или нескольких.

Команду это зрелище почему то не обрадовало.

— Салливан чтоль? — спросил кто-то из матросов.

— А кто ж ещё? — старпом Михал, кряжистый низкорослый мужичонка, вынул трубку изо рта и смачно сплюнул за борт. — Вот сукин кот, с опережением же шёл, не мог, паскуда, до Лоутона догрести и там заночевать?

Капитан Эйнсли досадливо потёр лицо рукой.

— Таак... слушай сюда, ребята! С Саливановским отребьем драк не начинать, на подначки ихние за ножи не хвататься! Если кто первый свару начнёт — про жалованье может смело забыть. Это ясно?

Матросы недовольно загомонили между собой, но грести стали бодрей. Впереди маячил какой-никакой, но всё-таки отдых.

К острову, что приметно, даже были пристроены несколько пирсов. У одного из них как раз покачивалась та самая баржа гружённая лесом, уплывшая с предыдущей ночёвки прямо перед нами. Мы пристали по соседству с ней, и команда с видимым облегчением стала сходить на берег.

На сей раз никто меня не останавливал — капитан как-то вообще обо мне забыл. Так что я подождал когда все кроме дежурных покинут корабль, отвязал своего коня и не спеша последовал за ними. Бедняга Серый шёл за мной с превеликой охотой, и едва он оказался на берегу — жадно принялся щипать свежую травку. Ощущалось насколько он на самом деле устал без дела стоять на одном месте.

А я наконец мог осмотреться как следует.

Оказалось, что если пройти от берега немного вглубь острова, то можно попасть на небольшую прогалину, на которой стояла пара наскоро срубленных сараев. Судя по посеревшей древесине, им был уже не один год. Видимо, отважные покорители реки из Бравонской Судоходной Гильди некогда позаботились сами о себе, устроив на этом клочке земли в какой-никакой ночлег, чтоб можно было при желании укрыться от ветра и дождя.

Тут же, у одного из навесов, жгли костёр и громко гоготали матросы со второй баржи. Завидев команду Чёрного они подняли радостный ор, словно приветствовали вышедших на сцену в борделе куртизанок. Их старшой рявкнул на них, веля заткнуться, а сам поднялся с места чтобы пожать Чёрному руку.

Что ж, пока всё выглядело мирно. Оставалось только придумать чем поужинать и где пристроится спать, так чтобы ор и шум не мешались — судя по разговорам среди нашей братии, сами они ложиться собирались не раньше чем отметят хорошенько еще один удачно прожитый день. Что ж, подумал я, может стоит устроится под навесом? Они ведь явно для этого и поставлены. В крайнем случае — ну разбудят они меня, тогда — вернусь на корабль. А то чёрт его знает как тут у них заведено...

— Эй, слышь, парень! Пошли, с готовкой поможешь.

Я с отвычки не сразу понял что обращаются ко мне. Фразу произнёс высокий, крепко сбитый кучерявый матрос из наших, кажется, один из тех что давеча оставались на дежурстве. Смотрел он на редкость доброжелательно, как-то не очень укладываясь в образ разудалого речного волка. В его руках характерно благоухала большая корзина.

— Ну пошли, — я пожал плечами, привязывая Серого за узду к небольшому деревцу. — Сегодня рыба на ужин?

— Ага. Её почистить надо, а за одно морковь и лук, — ответил кучерявый. — Почистить, порезать, и в котёл. Чем скорее управимся, тем скорее все пожрём.

— Это запросто, — воодушевился я, охотно следуя за ним. — Что это будет, уха?

— Я тебя умоляю! — на лице парня появилась самодовольная ухмылка. — Уха хороша из карася, а у нас сегодня форель... О. Закари! Эй, Зак!

Проходящий мимо нас с бочонком эля матрос повернул голову в сторону товарища.

— Жрать хочешь? Тогда ставь это куда-нибудь и пошли рыбу чистить. И Бонзу с собой прихвати, а не то ужин будет только на завтрак.

Зак кивнул и пропал в толпе, а мы отправились под навес у сарая, к грубому столику, на который мой спутник и водрузил корзину со свежей, только что из сетей форелью. Рыбы все ещё трепыхались и беспомощно разевали рот.

— Держи вот, — передо мной на стол лёг целый букет из кухонных ножей. — Можешь начинать, а я за овощами.

И мигом исчез среди суетливо разжигающих ещё один костёр людей.

Зак явился в компании мрачного лысого типа едва я успел обезглавить вторую рыбину. С ними дело пошло быстрее, а вскоре вернулся и организатор действия с мешком в руках.

— В идеале бы филе снять и кости выбрать, — мечтательно произнёс он, ставя на стол котелок.

— Так сожрём, — отозвался приведенный Заком матрос.

— С костями наваристей будет, — с энтузиазмом поддержал Закари. Был он, кстати, явно не из наших краёв, длинные светлые волосы и голубые глаза выдавали кровь не то берингов, не то уроженцев Йормарка. Правда для последних он был, пожалуй, слишком изящно сложен. Север не терпит хрупкости.

— Это вы просто никогда не пробовали правильно приготовленную рыбу, — ответил тот, который нас собрал. — Когда без костей, тушёная на свежих сливках с фенхелем и диким укропом.

— Я пробовал как-то, когда был проездом в Валехии, — признался я, всё-таки снимая филе с третьей рыбины. — Если вам лень, то давайте её мне, хоть позвоночники повиытащу.

— Долго возиться, — фыркнул заков приятель.

— Не очень, — возразил я, решив всё-таки побороться за ужин без костей.

— Ну раз тебе охота — возись, — лысый не чинясь прямо локтем сдвинул ко мне то что успел начистить. Делал он это, кстати, быстро и небрежно, так что на одну мою рыбину приходилось три его.

— А где пробовал? — заинтересовался здоровяк.

— Давно ещё, если мне память не изменяет — где-то в верховьях Рены. Чуть ли не на Ренском озере.

— Значит точно там. Это наш рецепт, из Горце.

— А ты оттуда? До Горце мы не добрались, но пока мы были в Миасте, то баек про ваше селенье наслушались. У вас там красиво до безумия. И вода в реке прозрачная как стекло.

— Не то слово. А тебя как занесло в наши края?

— С купцами много ездил когда был младшим подмастерьем. Мне лет десять было, наверное.

— А, ну если с купцами, то и понятно почему до нас не доехали. Красота красотой, а кроме рыбы ловить в Горце нечего... — парень сноровисто чистил крупные луковицы, то и дело протирая глаза рукавом. — А ты сам кто и откуда, раз уж на то пошло? И как тебя к нам занесло?

Зак и его лысый товарищ с каким то излишним любопытством уставились на меня. Я невольно почувствовал себя глупее некуда. Наверное потому и сбился с панталыку, выдав вместо привычного “Джона Смита” своё настоящее имя:

— Баи Финч, из Нордвика. Был до недавнего времени подмастерьем в скорняжном цеху.

...а ещё — состоял в столичной гильдии свободных мастеров, борющихся с цеховой монополией, имел право голоса в городском совете и был соучредителем мануфактуры

«Эванс и Финч», но это всё явно лишнее.

Вот кстати с последней теперь неясно что будет, потому что Свен Эванс ни черта не смыслет в организации производства, даром что знает как делать деньги. А написать доверенность на имя наставника я так и не успел, слишком быстро и неожиданно пришлось бежать из города.

Черт... пропадут рабочие места. И моя идея со школой-интернатом при предприятии тоже. И договорённости, и всё о чём я мечтал и над чем работал. А ведь я даже успел почувствовать этот сладкий вкус победы, будто мне всерьёз всерьёз по силам делать мир вокруг лучше...

Боги, почему все вот так?....

— Ну а занесло не от хорошей жизни, что очевидно.

— Убил кого-то? — спросил Зак.

— Ага, — мрачно ответил я я.

Лысый ткнул Зака локтем в плечо.

— А я говорил. Гони десятку.

— Ты говорил что каторжник, — возмутился Закари.

— Я говорил что убийца.

— За то я говорил что явно городской, и на каторжника не похож.

— И что? Все равно я выиграл. Гони десятку.

— Тогда требую проценты от сделки, — вмешался я, несколько задетый тем что стал объектом спора.

— О как. А ты что, бессмертный чтоль? — поинтересовался победитель и в его тёмных глазах мелькнул характерный огонёк.

— Судя по последней паре недель — возможно.

— Ну так это легко проверить! — с нездоровым энтузиазмом отозвался лысый, демонстративно резким, отточенным движением вспарывая брюхо очередной рыбине.

— Бонза, остынь, — флегматично бросил здоровяк из Горце, даже не удостоив того взглядом. — Сначала ужин, а потом хоть поубивайте друг друга.

Бонза беззлобно фырнул что-то про недостаток чувства юмора.

— А у тебя имя есть? — всё-же поинтересовался я.

— Вилл.

— Вильям?

— Вилдар, если на то пошло. Но лучше просто Вилл. Для ясности.

— А я — Зак! — дружелюбно ответил Зак. — И я из Грауэрштайна.

Действительно, беринг. Угадал.

— А я откуда был, там меня уже нету, — Бонза играючи крутанул нож в руке, словно красуясь, прежде чем с размаху отрубить следующую рыблю голову. — И упаси меня тьма туда вернуться.

— Ага, — насмешливо согласился Зак. — Тебя, дурака, если третий раз поймают, то повесят сразу.

— А тебе руку отрубят. Давно напрашиваешься.

— ...или не повесят, а сошлют в форт, на Драконью Пустошь. В целом, один фиг подыхать.

— ...и ты мне тоже, дружище, очень дорог.

— Ножом работать не забывайте, ага? — терпеливо напомнил товарищам Вилл,

принимаясь за нарезку моркови. — А то обоих потушу и скормлю остальным вместо ужина! — он ссыпал овощи в котёл и вздохнул. — Эх. Жаль что сливок нет. В сливках тушить — вообще сказка...

По правде сказать, меньше всего я ожидал в этом путешествии таких вот уютных посиделок за столом. Вдобавок какой-то заботливый матрос явился из тьмы с четырьмя кружками эля в руках. Для ребят и для меня. И тогда я подумал, что погорячился в своих суждениях об этих людях.

Последние кусочки филе полетели в котёл, который наконец подвесили над огнём. Команда встретила его возгласами радости — видно, Виллову стряпню тут любили и уважали. Мои новые знакомцы уселись с товарищами у костра. Сам я пристроился немного поодаль от их тесного круга с чаркой эля в руках. С одной стороны пить хотелось очень, с другой — внутренний голос напоминал что эль на голодный желудок — такая себе идея. Как, впрочем, и на сытый. Но кипятить воду, видимо, никто не собирался, а пить из реки, чтоб потом прохватило как следует... Пожалуй, всё-таки лучше потерпеть это пойло разок.

Кто-то предложил спеть. Его поддержали ещё несколько голосов, и все наперебой стали требовать Зака принести лютню пока все ждут жратву. Того долго уговаривать не пришлось. Играл Закари просто отлично, во всяком случае — на мой любительский вкус. И голос у него был звонкий, с лёгкой хрипотцой. Подумать только, настоящий менестрель! Интересно, что его на грузовую баржу занесло? В удачный день пением можно заработать столько, сколько и за месяц не наплаваешь по реке туда-сюда. Впрочем Бонза, кажись, упоминал что-то про отрубленную руку. Вор что ли?...

Запах тушёной рыбы вскоре разнёсся над поляной, одновременно обостряя голод и пророча неземное блаженство грядущей трапезы. Зак пел, а матросы дружно подпевали невпопад, налегая на эль. А вот у ребят из команды Салливана своего менестреля не было, и они, как мне показалось, были немало раздражены нашим весельем.

Менестреля не было, зато джина — в избытке. Зря я расслабился и не принял это в расчёт.

Серого я решил проверить чтоб скоротать время. Ну и посмотреть как он хоть, не боится ли этого шума, и нет ли места поудачнее куда его можно было отвести. Конь при виде меня встрепенулся, и потянулся обнюхивать — не принёс ли я ему чего послаще травы?

— Прости приятель.... Но на следующем ночлеге непременно добуду, — пообещал я, размышляя, большой ли наглостью будет попросить Вилла купить яблочек у местных. У нас то их и бесплатно обычно рады сбегрить, а тут...

...а тут меня резко дернули за плечо, и я с размаху впечатался спиной в дерево.

Вокруг стояли трое. В полумраке лиц было не разобрать, а вот запах сивухи чувствовался очень отчетливо.

— Слышь, ты! Вы какого чёрта все наши дрова перетаскали, крысюки? — грозно уставился на меня тот, что стоял посредине. Это было забавно, учитывая что он был на голову ниже меня. Двое других, повыше, расположились по флангам, видимо чтобы отрезать мне путь к отступлению.

— Какие к черту дрова? — не понял я. Впрочем, опыт подсказывал что дело не в дровах вовсе, а в том что я имел неосторожность отойти от своих. И что меня сейчас будут бить. Или, во всяком случае, попытаются это сделать.

Ничто не ново под луной...

— Которые в общаке лежали! — пьяно прошипел тот что был слева.

Мне стало смешно.

— Это те которые тут припасены были, что ли? Я так понял они как раз ничьи.

— Мы первые приплыли, и это были наши дрова, слышь! — распетушился низкорослый, характерно набычивышись. Не помогло. Не получалось у меня воспринимать его всерьёз, Ну не выходило и всё, настолько потешно смотрелся этот недомерок на фоне храмовых паладинов, следопытов инквизиции или телохранителей герцога Аддерли.

— Если на то пошло, то там их осталось больше половины. Вам хватит за глаза.

— Слышь... ты чего дерзкий такой?

— Не дерзкий, а трезвый. А теперь давайте расходится по хорошему, ребят.

— А то что? — поинтересовался тот что справа. Он демонстративно поигрывал кинжальчиком, лезвие которого ловило блики от ближайшего костра. Серьёзно? Даже так?

— Ты не хочешь это проверять, мужик, — ответил я, изображая надменное хладнокровие. Внешне. На самом деле это бы чистойшей воды блеф. Трое, мать их разёдак! И драки во что бы то ни стало нужно избежать. Да и будет это уже не драка, а избиение. Еще чего не хватало.

— А если захочу?

Я уловил в его голосе едва заметную заминку. Крохотная трещинка в обороне. Что ж...

— Навлечешь на свою голову гнев Императора.

На сей раз заминка была дольше.

— Я чёт не понял, ты мне карой небесной угрожаешь, что ли?

— Я чёт не понял, тебе документы, что ли, показать?

Оппонент замешкался. Хорошо. Теперь держать маску до тех самых пор пока он не отступит. Давай же, уходи. Уходи вместе со своими друзьями. Документы-то у меня есть, но одним богам ведомо какую беду они на навлекут на мою голову. Так что давай. Ну же...

— Эй, как там тебя, Баи? Там щас наши все сметут и тебе ничего не перепадет!

Кажется, голос Бонзы. Это уже более неожиданно...

— О, ещё один! — низкорослый развернулся, и снова набычился, на это раз в сторону моего лысого знакомого. — Слышь, каторжник, вы какого чёрта все наши дрова перетаскали?

— Ты что, Ёрш, в конец охренел? — оторопел Бонза. — Общак же!

— Так мы первые сюда приплыли! — снова завёл низкий, которого видимо звали Ершом. — И это наши дрова были!

Двое, контролирующие меня с флангов перегруппировались, угрожающе встав клином за спиной товарища. Это они не подумали, хотя о думаньи речи сейчас не шло. Парни явно просто хотели получить по морде, и я, честно говоря, уже желал поспособствовать воплощению этой мечты.

Пользуясь тем что обо мне забыли, я тихо скользнул в сторону от злополучного дерева, ближе к нежданному соратнику. Эх, не уверен что мне не прилетит в зубы уже от него, но нечто подсказывало: если стычка будет, то добром точно не кончиться.

— Интересно, когда вы хоть одну щепку завезли сюда последний раз, а, Ёрш? — судя по виду, Бонза вызов принял и очень ему обрадовался. Его пальцы сжались на рукояти ножа. — Я вот чёт не припомню. А вот дров после вас никогда нет, и все схроны пустые,

— Мы всегда завозим, а вот вы, крысюки...

— Бонза стой! — я без церемоний сгрёб приятеля в “замок”.

— Ты что творишь, гнида? Руки убери! — тот рванулся со всей дури. Благо по сложению и силе мы оказались примерно равны.

— Не надо, не убивай их! Потом проблем с капитаном не оберемся.

Секундная заминка. Новый рывок.

— Пусти, миротворец хренов или после них я примусь за тебя!

— Мужики, валите лучше, я его долго не удержу.

— Пусти я сказал!! Убью!!!

Трое отпрянули в нерешительности. Боевой пыл у них несколько поутих, и я на секунду даже поверил что они свалят наконец и мы спокойно пойдём ужинать. Но вместо этого на шум привлёк внимание всех остальных.

— Какого дьявола тут происходит? — рявкнул наш старпом. За ним подоспели ребята Чёрного, почти полным составом. У костра остались только уже изрядно хмельной Зак и наш юнга, слишком юный для таких разборок.

- Убью тварей! — кричал Бонза все ещё пытаясь вырваться из замка. Он был опасно близок к этому, но вовремя подоспевший Вилл сообразил прийти на помощь. С ним держать буйного товарища стало в разы проще.

— Вы, раки болотные, на кой чёрт трогаете чужие дрова? — по третьему кругу запел Ёрш.

— А, теперь ясно всё, — закатил глаза Вилл. — Каждый раз одна и та же песня...

— Выпотрошу как рыбёх, и вас обоих следом!! Руки убрали! — надрывался наш буйный каторжник, однако уже несколько менее рьяно...

— Цыть! — шикнул Михал. — Что опять не так с дровами, Бэйтс?

— Это были наши...

— Он всегда такой оригинальный? — спросил я.

— Всегда, — поморщился Вилл. — И не он один, они там все буйные. Вот же понаберут отребья задёшево...

Кстати об отребье: привлеченная шумом команда баржи Салливана почти полным составом подтянулась к месту событий. Силы сравнялись. Воздух почти звенел от напряжения и нарастающего гомона, хотя орущего Ерша перекричать оказалось сложно.

— А капитаны где? — любопытствовал я.

— Бухают где-то за встречу, как всегда, — ответил Вилл. — Так что я бы на них не надеялся.

— А где вражеский старпом?

— Дык это... Ёрш и есть старпом.

— О как... Стало быть дело безнадежное?

— Скорее всего. Проклятье, а я так надеялся просто натрескаться и спать лечь...

Не он один надеялся. Я слышал как скрипят зубы и сжимаются кулаки. Как не крути дело выходило скверное.

Не знаю чем бы всё обернулось, если бы свара началась.

Если б мы таки сошлись в пьяной драке в неровном свете костров.

Если б не раздался над поляной задорный голос Зака.

— О. Ёрш. Здрава, д-рогой!

Наш менестрель, уже откровенно пошатываясь, шел через толпу прямо по направлению к зачинщику всего этого бедлама.

— Здорова, ребят! — он приветственно помахал рукой команде Салливана. — А чо эт тут твориться?

— А то ты не догадываешься, — язвительно произнёс кто-то из наших.

— А! Муж-ики, вы п-драться хотите? — лицо менестреля озарилось пониманием. Он панибратски приобнял Ерша за плечо и обратился к его соратникам: — Так нет проблем! Давайте подер-мся! Пр-сто так! От души! В рук-пашку ток, без ножей. А потом нормальнс выпьем за встречу! А то чо вы как не родные, в самом деле?

Салливанские молодчики, казалось, налетели на невидимую стену. Причем все разом, на полном скаку. Вместо пьяной жажды кровушки на их лицах появилась растерянность.

— Или нет, давайте сначала выпьем за встречу. А потом подеремся. А потом споём! — Зак импульсивно взмахнул лютней. — Не, ну а чо? М-жем, ес-сли хотити, и сначала спеть!...

— Что здесь, мать вашу, опять творится? — послышался требовательный окрик Бена Эйнсли.

— Бэйтс, какого хрена? — не менее резко рявкнул спешащий за Чёрным капитан Салливан, обращаясь к своему старпому — Вас что, ни на секунду одних оставить нельзя, демоны вас раздери?! А ну быстро разошлись, сукины дети!

Не дожидаясь особого приглашения, Вилл коротким кивком дал мне понять что Бонзу нужно оттащить отсюда подальше. Тот правда больше не вырывался, только сжался комком и сильно трясся от... хохота. Едва сдерживаемого хохота, который очень скоро превратился в почти истерический конский ржач, настолько громкий и натуральный, что Серый удивлённо посмотрел в нашу сторону.

— Ах ты чертов притворщик! — Вилл облегченно отвесил товарищу подзатыльник.

— Да лаадно, они же почти повелись. Ты их рожи не видел... — продолжал ухахатываться Бонза, игнорируя удар. — Они ж чуть не обделались прямо там где стояли... Уууу, ради этого стоило целый день грести....

Он одобрительно хлопнул меня по плечу.

— А ты ничего, соображаешь! Задумка то что надо была, я оценил! И выгорело бы, кабы прочие не припёрлись.

Я не разочаровался. Это действительно было божественно на вкус. Даже вкуснее чем в Миасте, пожалуй.

Так я и сказал Виллу. Тот небрежно отмахнулся.

— Ерунда, без сливок всё-таки не то.

Но видно было, что ему приятно.

Теперь я сидел у костра вместе с Виллом и Бонзой, и, надо сказать, чувствовал себя намного более своим чем полчаса назад. Их миролюбивый друг-менестрель всё еще продолжал громогласно развлекать публику, успевая невероятным образом закидывать в себя рыбу и эль в перерывах между песнями.

Да... опыт на лицо.

— В первый раз что ли? — спросил Бонза.

— Что в первый раз?

— Ну это. Того, — лысый красноречиво провел большим пальцем по шее...

— Ага, — я постарался сказать это как можно более небрежно, хотя на душе что-то продолжало скрести звериными когтями. И никакие увещания о том, что у меня, мол, не было выхода, не помогали.

— Я так и подумал. Ты, может, и неплохо наловчился людям голову морочить, но у тебя

на лбу написано: честный работяга из каких-нибудь столичных предместий. Тут уж меня не проведёшь.

Да уж, в пронизательности ему не откажешь...

— Кого грохнул хоть?

— Не того, кого следовало бы.

— Случайно еще поди?

— Как раз нет, очень даже специально.

— И, закономерно, теперь бежишь, — заключил каторжник.

— И докуда тебе с нами плыть-то? — спросил Вилл.

— По-хорошему — до самого Креймора. А там — посмотрим.

— В Блэкшир? — почему то удивился Бонза.

— Ну да.

— Ну ты нашёл куда от закона убегать, конечно... — он презрительно фыркнул. — Дыра дырой, поверь мне как человеку, который там родился и вырос.

— Серьёзно? Ты из Блэкшира? — вот это было уже любопытно.

— Даа... И моя старушка живёт там по сию пору, если не померла ещё. — Бонза как тоскливо уставился на угасающий уже костёр. — Расстались мы с ней скверно, и она теперь меня знать не желает. А живёт, поди, по прежнему не ахти как. Хата-то наша ещё лет десять назад на ладан дышала. Как батя в трясине сгинул, так некому стало за хозяйством смотреть.

Я про себя недовольно отметил, что лучше б этот парень вместо разбоя остался присматривать за пожилой матушкой. И был бы дом при хозяйской руке — у Бонзы наличествовали обе.

Потом устыдился, ведь я был ни на йоту не лучше. Где-то там, в Нордвике, осталась покинутая мною приёмная мать, о которой некому позаботиться. Боги... матушка Финч. Моя бедная, сухонькая и старенькая. Как же она теперь, что с нею будет, без меня? Как так вышло что я должен был её бросить? Я ведь уже всё закупил чтоб дом починить основательно, давно было пора. А если балки не заменить и кровлю не пересобрать, то лет через пять наш скромный домишко просто рухнет.

А она сама с хозяйством как? Совсем плоха становится, память уже не та, и за последний год она всё чаще по рассеянности называла меня «Джоном», именем своего родного сына. Волею судеб он был мой ровесник, но к тому моменту когда я впервые переступил гостеприимный порог дома Финчей, его уже два года как унесла в мир иной эпидемия оспы. Его и его отца. И безутешная пожилая женщина осталась безрадостно доживать свой век в одиночестве.

Вернее осталась бы одна, как бы не принесло однажды в Нордвик столичных цеховых, которые, по своему обыкновению, взяли меня с собой в качестве подай-принеси. Тогда была весенняя ярмарка, трактир был переполнен, потому мы остановились у нее.

Мне было двенадцать. В большинстве провинций это уже считается совершеннолетием. И к тому времени я уже ясно представлял себе, чего мне хочется от жизни и знал как это получить. Я уже не был беззащитным мальцом, и наивно считал себя взрослым, серьёзным человеком, которому не до всяких там глупостей. Смешно вспоминать.

Матушка Финч же годилась мне скорее в бабушки, чем в матери. Однако в те дни, неведомо почему, она окружила меня бесконечными теплом и заботой — всем тем что она припасала для покойного сына, а отдать теперь было некому. Сначала я растерялся было, а потом понял, что не хочу уезжать. Что ждало меня там, в Столице? Чопорные господа,

презрительно глядящие сверху вниз, красивые и холодные белокаменные улицы, работа на износ, а ещё — жизнь в подсобке при швейной мануфактуре с товарищами по несчастью, которые в последнее время больше интересовались друг другом, чем мной. У меня с ними и без того были натянутые отношения, а теперь я и вовсе стал лишним. Только раздражение и равнодушие. Равнодушие, равнодушие и снова равнодушие. Как же я чертовски устал от равнодушия... По этому, наверное, и сдался так быстро, едва почувствовав что, оказываться, могу быть кому-то нужен.

Вскоре я и перебрался в Нордвик. Не в тот же приезд, где-то через месяц — но так быстро как только сумел. В немалой степени — к ней и из-за неё. Мы были нужны друг другу, и, постепенно, что-то давно пустовавшее в душах мальчика и старушки вновь наполнилось до краёв.

Я стал звать её «матушкой Финч», хотя первое время испытывал муки совести перед своей покойной матерью — как же так, не предаю ли я её память, называя так кого то иного? Но позже смирился: до изнеможения хотелось вспомнить каково это слово на вкус.

Она же довольно быстро перешла на обращение «сынрок», не испытывая никаких моральных терзаний. Приняла и всё.

Так и жили, и я был искренне счастлив все эти девять лет, в нашем старом доме. Мне ведь и правда ничего большего не требовалось. Дом, куда можно вернуться. Где тебя ждут. Любят. Если у тебя ничего за душой нет, быстро начинаешь ценить малое.

— Слушай, — спросил я, как бы из праздного любопытства. — А верно ли говорят, что в Крейморе по ночам из дому выйти нельзя, потому что восставшие из могил покойники прямо по улицам ходят?

Бонза прыснул со смеху и немедленно поперхнулся элем.

— Чушь собачья. Почти как рассказы про то что в Столице аристократия оргии прямо среди бела дня на улицах устраивает. Seriously, не устраивают! Я лично ходил посмотреть когда там был.

— На улицах — нет, — тактично согласился я. — Но поверь мне на слово, о том что творит столичный цвет общества лучше никогда не знать. Грязи более густой и ароматной, чем то, что творится в “верхах” ты во всей Империи не сыщешь!

— О, а ты, видимо, повидал всякое дерьмо? — хихикнул Бонза. — Ну-ну... А нежить... нежить попадается иногда, да. Тут не сказки. По улицам, конечно, не гуляет, но ближе к границам с Пустошью в лесу на ночь лучше не оставаться, если тебе жизнь дорога.

— То есть правда. И как же вы там живёте тогда?

— Да как столетиями жили так и живем: заборы высокие ставим, на ночь все двери запираются. Ну и набожные все через одного, конечно. Это как в лесу жить: если живёшь в лесу — всегда помни про волков. Ну а если живёшь в Блэкшире — всегда помни про нечисть.

— А инквизиция, кстати, чего? Или там серые братья совсем мышей не ловят?

— Да тут как... вроде как делают они чего-то там: зачистки какие-то регулярно проводят, на дорогах да на болотах. Колдунов выискивают, казнят кого-то регулярно. Вроде как иных и за дело, но как по мне — все больше показательно, чтоб людей в узде держать. Да и толку с этих казней, если большая половина графства — топи непролазные, а за ними — рифт и Драконья Пустошь? Вот откуда-то из Пустоши и лезут всякие гули и покойники, если верить слухам. Не толпами, тут, что не говори, гарнизону форта низкий поклон, но всё же нет-нет, да проползет какая-нибудь мерзость. А уж там, на Драконей, этих неуспокоенных

полно! Ходят-бродят, на форт нападают, а кого убьют — то тело с собой уносят. А потом возвращаются, а павшие фортяне в их рядах идут, мёртвые, да не до конца. И стрелы их не берут, и клинки — только если на куски порубить или огнём жечь.

— Смахивает на байки которые мне в детстве дед травил, — флегматично заметил Вилл, раскуривая трубку.

— Ты про байки-то аккуратнее, — Бонза недовольно покосился на товарища. — Мой батя, пока жив был, снабжением гарнизона подрабатывал. За стены, конечно, не заходил: дурная примета, невозможно, мол, покинуть форт Ван Лайке, единожды в него зашедши. Но уж поверь, батя мой даже издали такого насмотрелся, что поседел раньше времени.

Судя по лицу Вилдара, он не впечатлялся.

А вот я как раз услышал то, что хотел.

Интересно, насколько вообще реально проскользнуть мимо легендарного форта и спустится в долину? Наверняка ведь должен быть какой-то способ, и я не я буду, если не найду его.

— Стало быть, где-то в этой самой вашей пустоши живёт какой-то могучий колдун и некромант?

Бонза посмотрел на меня недоверчиво.

— С чего ты взял?

— Ну, это логично, разве нет? Нежить-то сама по себе не поднимается.

— А пёс его знает, — махнул рукой каторжник. — Может и есть. Говаривают, в те места в разное время много всяких гадов уползло, так что кто не подох — видать по сию пору там. Только это не наши проблемы, а тех, кто в Ван Лайке службу несёт, — он зевнул. — Ладно, демоны с ними со всеми. Я — спать, а вы как хотите.

Поспать как раз стоило. Тем более мои новые приятели гребли весь день как проклятые, а на утро мне предстояло присоединиться к ним в этом нелёгком деле.

Впрочем, это по прежнему было скорее хорошо.

...и к слову: интересно, а насколько уверенно эти ребята держаться в драке? И куда они меня пошлют, если я попрошу у них показать мне пару боевых хитростей?...

В первые дни после её казни я видел только арбалет на стене.

За сутки на жаре ожог и раны от плети воспалились, и теперь лихорадка то и дело сталкивала меня в болезненное беспомощие. Стоило закрыть глаза — и я видел огонь. Он был повсюду, поглощая мир вокруг, уничтожая стены, висящие на них картины, испепеляя возникающие образы. Всё что я знал и любил — сгорало в нём.

А когда я приходил в себя — реальность оборачивалась большим кошмаром. Ничего не горело. Всё было как раньше. Та же комнатка на втором этаже, те же стены, те же вещи, те же запахи с кухни и те же звуки из окна.

Но её рядом не было, и больше не будет. И этого уже не изменить. Не изменить...

Столь слабым и бесполезным я не чувствовал себя никогда в жизни. И ненавидел себя за это, всеми фибрами души.

Я не смог. Ничего не смог. И изменить ничего не мог. Пойти и убить эту гадину — не мог. Даже встать не мог.

Но в своём воображении я бесконечно целился и нажимал на спуск. Точно и холодно. Слышал глухой звук воткнувшегося в плоть болта. Видел как тело ненавистного сановника валится на землю. Всё словно наяву. Как только смогу встать. Как только смогу дотянуться. Убью его. Убью. В этом был единственный смысл продолжать дышать. Единственный ориентир позволяющий забыть о том как теперь пусто и бессмысленно всё вокруг.

...приходили друзья. Что-то говорили. Я и слышал, и нет. Не помню ни одного лица в те дни. Мне казалось что все эти голоса звучат из-за какой-то неведомой грани, и в целом не поручился бы в том, что они не пригрезились мне в горячке.

Все.

Кроме одного.

...Там, внизу, Агнес говорила с матушкой Финч. Вполголоса, но я слышал каждое слово: — Жар спал, хвала Императору. И воспаление почти прошло. Ну что вы, в самом деле! Я не вру, ему правда лучше! Он обязательно поправится! Он же у нас сильный, справится со всем... Всегда справлялся. Я дала ему отвар, боли быть не должно... Тётушка, ну не плачьте, пожалуйста, всё будет хорошо...

— Если теперь у него вообще хоть что-то может быть хорошо, — мрачно произносит кто-то. Кажется это Адам. Судя по всему он и его собеседники стоят у самой лестницы: говорят тихо, но я слышу каждый вдох. — Я не удивлюсь если у него действительно поехала крыша. Он так до сих пор ни слова не произнёс?

— Нет, — это Мари, и голос её звенит от напряжения. — Ощущение что не слышит. Не реагирует ни на что, не ест вообще. Смотрит всё время в одну точку.

— Знаю я эту точку, — ворчит Адам. — И я бьюсь об заклад что знаю, о чём он думает.

— Да всем мы знаем, — а это, кажется, Дэнгейр. — И чтоб мне провалиться, если лорд-защитник не догадывается об этом.

— Ежу понятно, — снова Адам. — Так что я бы на вашем месте боялся того момента когда Баи на ноги встанет. Пропасть, хоть дежурь возле него по очереди! Он ведь непременно выкинет что-нибудь, черт бы его побрал! И вот тогда беднягу арестуют, полноправно и по закону, и ничто уже не поможет.

...О нет, Адам, дорогой мой друг. Не бойся. Я попадусь им не раньше чем Орф будет смотреть в небо моим же арбалетным болтом, торчащим у него из глазницы. А как только это случится — будет уже всё равно, повесят меня или четвертуют. Абсолютно всё равно.

— Да что же это? Как так?! — это снова Мари, и чувствуется, что её переполняет гнев, столь же сильный сколь и безысходный. — Вот так взять и сжить со света людей, просто за то, что они счастливы?! Они оба за всю свою жизнь и мухи не обидели! Почему?! Почему с ними так?...

— Люди порой доходят и до более страшных вещей, — это опять Дэнгейр. — Особенно те, что наделены властью. А Баи с Бригиттой сама знаешь как по гордости его дворянской прошлись. Кто он, а кто они? Дочка купца среднего достатка, которая ему, дворянину, отказала, и подмастерье — сирота, который во всем лучше его оказался.

— Это ведь против закона! Он для всех един, вообще-то! Должен же быть способ призвать Орфа к ответу? Хоть бы и всем народом жалобу на него написать, отправить в Синод. Орф вроде как поставлен нас защищать, но что, теперь хоть кто-то чувствует себя в безопасности после того что случилось?

— Плохая идея, — резко произносит Адам. — Очень плохая, Мари. Ради всего святого даже думать забудь об этом. У Орфа — деньги и связи, он наверняка отбрехается от всего. А когда отбрехается — ничто не мешает ему вернуться и покарать недовольных. Ты видела, он уже себя показал во всей красе.

— Но он же в немилости!...

— А может это просто слухи? И даже если да, то насколько? Никакой гарантии нет. Мариша, послушай доброго совета: хочешь помочь Баи — не ставь себя под удар. Ты и так уже дерзнула за него заступиться, и сдаётся мне господин Орф тебе этого не забудет.

— Как скажешь, — отступает поникшая Мари.

Вот и славно. Не вмешивайся в это. Просто подожди немного: один точный выстрел, и ты будешь в безопасности. И Адам тоже. И все здесь живущие. Просто один точный выстрел... Один выстрел — и мир станет лучше и светлей...

...Я сосредоточенно перебирал болты. Бережно проверял остроту каждого, расцарапав пальцы в кровь.

Смазанный спусковой механизм "Матильды" теперь активировался бесшумно и мягко, словно та была живым существом плоти и крови. Продолжением моей руки.

Кожаная куртка. Не по погоде, жарко, зато худо-бедно может уберечь от лишних царапин.

Окно было открыто. Скоро на город опустится ночь. Луны нет, улица с этой стороны не освещена. Если перебираться по крышам, то при должной осторожности можно остаться незамеченным.

— Баи?

Он будет ждать меня? Чудесно. Я тоже очень хочу встретиться, но уже на своих правилах. И ты ответишь мне за всё, чёртов сукин сын. За каждую её слезинку, за каждую каплю крови, за каждую секунду на костре. Я своими руками оборву твою жалкую жизнь. Буду смотреть в твои испуганные глаза. Любоваться твоей агонией, наслаждаясь каждой секундой...

— Баи, ты куда это?...

Осталось собрать болты в подсумок. Дождаться бы только темноты, а терпение подводит. Нельзя спешить. Успеется. Все уже рассчитано. Надо только аккуратно

высмотреть где эти хвалёные наблюдатели...

— Баи! Всеми богами тебя заклинаю, хватит!

...ты известный педант, и у тебя устоявшийся распорядок жизни, который наизусть знает каждая дворовая шавка в этом городе. Завтра вторник. По вторникам ты, как правило, совершаешь конные прогулки по нордвицкому лесу, который я знаю как свои пять пальцев. Получше чем ты. Осталось выбрать место. Старый дуб? Поворот у озера? Мост через ручей? Нет, пожалуй лучше то место где дорога проложена через овраг, разрезающий холм надвое. Идеальное место, просто для засады, дорога как раз на расстоянии выстрела...

— Баирон, сын Оуэна, приди в себя и говори со мной, демоны тебя раздери! — голос Мари словно разбил стену, отделяющую меня от происходящего вокруг. — Иначе, клянусь, ты выйдешь отсюда только через мой труп!

Мариша Ормин, самый старый мой друг, стояла напротив меня, спиной к окну, и смотрела так, словно вот-вот порвёт меня на куски.

— Ты... — перед глазами яркой вспышкой пронеслась сцена после казни и невысказанная ярость прорвалась на ни в чём не повинную жертву. — Ты рехнулась, женщина? Какого дьявола ты высунулась одна из толпы?! Чтоб я ещё и тебя потерял для полного счастья?

— Это я рехнулась? — она едва не задохнулась от возмущения. — После твоего почти самоубийства?

— Да, ты! — я вцепился в её плечо, напрочь забыв о том что это может быть больно. — Ты совсем с ума сошла?! Тебе голова совсем не дорога?! Они запомнят тебя, они припомнят тебе это, даже не сомневайся! А у тебя сын. Что с ним будет без тебя? Ты об этом подумала?

— А без тебя что станет с нами? Со мной, с тётушкой Финч, с твоими учениками, с мануфактурой? — не отступила Мари. — Ты сам об этом подумал? Приди в себя уже, тебя не арестовали именно потому что ты ничего не сделал! Но если сделаешь — то вот тогда и правда всему конец, и мы с Адамом рисковали напрасно.

Я невольно разжал руку и отступил к окну. Не бежать — просто опереться на раму, вдохнуть прохладного вечернего воздуха в отчаянной попытке сделать невозможное: успокоится.

Там, снаружи, привычный мир. Соседи завершают вечерние дела, в окнах зажигаются огни масляных ламп и свечей. Жизнь текла своим чередом. И только я знал что всё это — прохладный летний вечер, спокойствие темнеющего безоблачного неба, уют узкой улочки, идущие по домам люди — всё это ложь. Обман, жестокий и циничный. Привычного мира на самом деле больше не существовало. Осталась только эта иллюзия будто ничего не изменилось.

— Я не призываю сдаться и всё простить, — Мари словно оправдывалась. — То что произошло... это... это... у меня не найдётся слов. Я плачу о ней сама. Она ведь была моим другом, почти таким же близким как ты. Думаешь, я сама не хочу увидеть как Орф болтается на виселице? И именно поэтому сейчас нужно успокоиться. Подумать головой как сделать так, чтобы он ответил перед законом за то, что преступил черту. Я верю, это возможно. Сложно, но возможно. У тебя ведь есть знакомый законник в Столице? Он ведь должен знать что делать в таких случаях? Пожаловаться в Синод? Написать Императорской Семье? Говорят же что они рассматривают такие прошения! Помнишь же, пару лет назад...

— Что «пару лет назад»? Императорская семья расчетливо отвоевала любовь народа, снизойдя до парочки престарелых ветеранов легиона? — мне стало смешно. Смешная

наивная женщина. Уж сколько лет, а всё верит в сказки. — И сколько им таких приходят в день? Сотни? Тысячи? Очнись уже! Всем этим высоким сановникам наплевать на то что происходит с простыми людьми. Нет, дорогая Мари. Чудес не бывает. И единственный способ восстановить справедливость — это взыскать по заслугам самому.

— Ты... ты понимаешь, что ты сейчас говоришь?... — она посмотрела на меня почти умоляюще, — Баи, пожалуйста, успокойся! Что бы ты не задумал — это чистой воды самоубийство!

— Успокоиться?! Ты серьёзно? Как я по твоему должен успокоиться?! Печёшься за меня? А она? Где ты была когда нужна была ей? Где все вы были? Где, черт вас дери? Как вы допустили такое? Почему никто ничего не сделал?!

Мари опустила взгляд, словно и правда была хоть в чём-то виновата.

— Мы... когда выяснилось про арест, было поздно, — слова давались ей тяжело. — Мы так и не поняли, как это вообще произошло. За пару дней до твоего возвращения Орф пригласил её обговорить детали росписи свода в храме. Помнишь же, он всё собирался переделать капеллу на столичный манер? Мне с самого начала казалось что затея эта не столько ради капеллы, сколько для того чтобы подбить под нее клинья. Но Бригитта... сам знаешь, она посчитала что это — вызов её талантом и шанс наконец заявить о себе. Вот и пошла, без задней мысли. Скрылась за дверями храма, и никто ничего не знал до самого... самой... — она запнулась и поспешно потёрла лицо ладонями, стараясь скрыть слёзы. — А мы... Мы пытались. Правда пытались. Нам долго говорили, что с ней всё в порядке, небольшое выяснение кое-каких вопросов, и ее отпустят. Потом господин Льюис стал требовать встретиться с дочерью. Ему сказали что Бригитте выдвинуто обвинение в ведьмовстве, и сейчас её... её дело... всесторонне изучается. Так они сказали. А господин Льюис... ну, ты его знаешь. Он пришёл в ярость, за что был бит храмовой стражей и арестован якобы за нарушение общественного порядка. Его... его поэтому не было на площади.

Я вновь отвернулся. Опёрся руками на подоконник.

Проклятье. Никто ничего не мог сделать. Маленькие бессильные горожане. Мы можем плакать, вопить, умирать сколько угодно — власть имеющим будет всё равно. Они могут творить нами всё что хотят. Безнаказанно, не чувствуя никаких угрызений совести, будто бы между нами и бездомными псами нет никакой разницы.

Мы ничего не можем. Только оплакать. Только смириться. Только ждать когда придёт наш черёд удобрить землю под ногами господ, и преисполниться благодарности за высочайшее снисхождение к нам, презренным.

Смирись.

Падай ниц.

Возноси хвалу.

Падай ниц.

Возноси хвалу.

Падай ниц.

Возноси хвалу.

Возноси хвалу.

Возноси хвалу...

Старое дерево не выдержало и треснуло. Мари вздрогнула от неожиданности, изумлённо глядя на вырванный с мясом кусок подоконника в моих руках.

— Орф ответит мне за это. Я именем отца клянусь, и пусть боги будут свидетелями: он ответит мне жизнью. Мне всё равно в какой ад мне придётся шагнуть, до какой тьмы докатиться, сколько придется перетерпеть. Неважно. Клянусь, я доберусь до него любой ценой, даже если для этого мне придется сдохнуть и восстать из мертвых. И я не успокоюсь до тех пор пока голова Жакомо Орфа не будет лежать у её могилы!

Повисло молчание. Я не видел, но чувствовал спиной, как Мари отступила на шаг. А ещё — ощутил ее взгляд. Такой, словно она увидела меня впервые. И испугалась.

— Баи... нет... нет, не надо! Пожалуйста, не надо! Мы же с тобой оба это уже слышали.

— Да. И я чертовски понимаю теперь, как Кейн докатился до жизни такой.

— А не ты ли сам тогда сказал ему, что его сгубит его же ненависть? Ты сам говорил, что никогда не станешь таким же как он! И ты ведь прав был на счёт него, до последнего слова! И его больше нет. Нас только двое осталось. А теперь я должна стоять и смотреть как всё повторяется снова? Прошу, прекрати! Я знаю, тебе невыносимо больно, но пожалуйста, не надо! — в голосе её звучала мольба. — Не вставай на эту тропу! Я не переживу это опять!

...

— Нет, дорогая сестрица, — отвечал я, зло и ядовито. — Нет никаких «нас». Ничего от нас не осталось. Никто не выжил. Огонь и песок поглотили всех до последнего. И Баирона, сына Оуэна, и Маришу, дочь Талиса тоже. А мы — лишь искалеченные их тени. Не те, кем не должны быть.

— Я да, — она дрогнула и сникла. — Я всего лишь женщина, которая так и не научилась сводить концы с концами. И каждый встречный-поперечный норовит напомнить мне, что я должна сидеть и не высовываться. Слабая. Нерешительная. Малодушная. Рожденная для жизни в золотой клетке, но выброшенная во внешний мир. Что я могу? Да ничего не могу. А вот ты...

Она резко изменилась в лице и посмотрела в упор.

— А вот ты — можешь. Ты-то всё можешь, стоит тебе задаться целью. Ты не сгинул на столичных улицах, не опустился до воровства. Нашёл достойное дело за которое не стыдно, сделал себе доброе имя, столького достиг! Мануфактура, право голоса в городском совете, гильдия вольных мастеров! Все и каждый в этом городе тебя знают как человека слова и того, кто никогда не останется в стороне. Ты для многих — герой и пример для подражания. Настолько, что люди не побоялись выступить против инквизиции чтоб заступился за тебя!

— Люди любят, говоришь?... — я холодно посмотрел в упор. — Знаешь, что это на самом деле? Это плоды одной большой лжи. Лжи о том что я — хороший человек. А вот так ли это? И не от того ли я так о себе думал, что просто не желал видеть сокровище внутри? А теперь я смотрю туда, вглубь, и вижу только одно желание: убить. Убить больно и медленно. Так чтоб насладиться каждым мгновением. Я хочу этого сильнее, чем когда-либо желал её. Сильнее, чем в детстве — чтобы отец нашёл нас и забрал домой. Эта жажда сильна настолько, что мне кажется я схожу с ума от каждой секунды промедления. И Кейн был прав тогда, говоря что нам не будет покоя. Что рано или поздно я пожалею о том что избрал простую жизнь. И я жалею. Теперь я жалею. Надеюсь, если он смотрит из-за грани, то доволен теперь.

В ответ Мари сделала шаг ко мне и порывисто обняла. Крепко сжала в объятиях, словно пыталась таким образом укрыть от чего-то. Я даже растерялся от неожиданности.

— Не говори так. Ты всё сделал правильно, — произнесла она, уткнувшись лбом в моё плечо. — И ты ни в чём не виноват, ты понимаешь это? И если мои слова тебя не трогают, то

подумай, что сказала бы она? Понравилось бы ей то что ты сложил голову вот так? Или может быть стоит хотя бы попытаться жить дальше? Ради нее же. Ради того что она хотела бы чтоб ты жил. А она хотела бы. И можешь убить меня на этом самом месте, если я ошибаюсь.

Я не смог ничего ей ответить из-за подкатившего к горлу кома. Это было слишком. Она бы хотела. Она бы кричала и плакала. Умоляла бы не делать глупостей. «Как я смогу жить без тебя?» — говорила она.

А я как смогу?...

— Пойми ты, я не сомневаюсь в тебе, — продолжала Мари. — Более того: я, как и ты, желаю расплаты. И я уверена, есть способ сделать это так, чтоб не подставлять себя под удар. Ты обязательно его найдешь, этот способ. Обязательно! Но пока ты в бешенстве, ничего не выйдет. Так что ради всего святого: успокойся. Хотя бы и потому, что идти на лорда-защитника и его двадцать человек охраны с одним арбалетом наперевес — это чистое самоубийство. Сколько раз твердили миру, что месть — это блюдо, которое нужно подавать холодным. И кроме того ты еще не вполне здоров.

— Я в порядке. У меня больше ничего не болит, — возразил я.

— Конечно не болит, после всего того что Агнес в тебя силой вливала полторы недели! — Мари даже глаза закатила. — Мужики... Ну почему вы все такие одинаковые? Если, мол, копьё в боку не мешает спать, то к лекарю можно и не обращаться. И я ещё понимаю селяне и солдатня, но ты-то! Ты! Вроде бы не дурак, а всё туда же.

— На счёт «не дурак» — это спорный вопрос...

— Прекращай. Завтра Майлз должен вернуться из Аддерли-холда. Мы собрали денег, ктс сколько смог, и просили его привезти от тамошнего аптекаря заживляющую мазь.

— Вы что, с ума сошли? Это же дорого!

— Так с миру по нитке и набрали, — Мари пожалала плечами. — Твои друзья, равнодушные соседи, ну и цеховые, конечно. Мастер Эмрис едва ли не больше всех отдал. Хочет чтоб ты быстрее встал на ноги и вернулся к работе. Считает что это для твоей же пользы, мол, когда работа есть, то и пережить потерю проще, и не до глупостей. А там — время залечит.

— Время? — это слово вдруг выдернуло меня из ступора. — Нет. Времени у нас нет.

— Почему нет?

— Орф сказал что знает кто я. Там, на площади, во время казни.

На миг повисло тяжелое молчание.

— Что? — Мари отстранилась и испуганно заглянула мне в глаза. — погоди, в каком смысле знает? Как? Откуда?!

— Понятия не имею, — мысли и догадки вдруг лихорадочно стали сменять друг друга в моей голове, но правдоподобного ответа не находилось. — Не мог же он вдруг ни с того ни с сего приметить моё сходство с моим отцом или братьями, которых он не факт что вообще видел живьём? А я ведь столько лет был у него под носом, невольно — в фокусе внимания. И ничего. Что сейчас изменилось?

— Ты уверен, что он именно это имел в виду?... Может это какая-то ошибка?

— Не знаю.

— А она? Она знала?

— Я ничего не говорил ей, но она кое-что поняла и так. Догадалась. Сказала однажды, что никакой я не сын кузнеца и мои поступки и принципы меня выдают. Кровь, мол, не

водица. Я не стал ей врать. Но имён я не называл. Объяснил что нельзя, и что кроме беды это знание ничего не принесёт. Она и не спрашивала больше.

— Боги... Это все меняет... — Мари закрыла рот ладонью. — И объясняет, почему Орф так в тебя вцепился. Почему пытался тащить в застенки, не смотря на то что это было по авторитету храма, почему ваш дом под наблюдением... Я-то думала — да все думают! — что он просто тебя ненавидит...

— Ненавидит. Это ты не сомневайся.

— И тогда, выходит, Орф не успокоился, а просто ждёт официального повода. Или когда все уляжется, и вокруг не будет толпы свидетелей. Боги... - она схватилась за голову. — Тогда и правда времени нет. Ты должен бежать отсюда!

— Я? Бежать?! Куда, скажи на милость?!

— Не важно куда, главное — подальше! — её взгляд наполнился решимостью. — И как можно скорее. Я обещаю, мы присмотрим за тётушкой, как-нибудь справимся тут, с нами всё будет в порядке! Беги. Беги, спаси себя самого. Прошу тебя, — предательские слёзы снова покатались из её серых глаз. — Если с тобой что-то случится я... я останусь совсем одна. Я знаю, что мы друг другу седьмая вода на киселе, но ты, по сути, единственный мой родственник в целом свете. И я лучше буду знать что ты где-то далеко, жив и свободен, чем... чем...

— Чем повешен за колдовство, которым не занимался?

— Или чего похуже, — она совладала с собой, и голос её вдруг стал отстранённым и тихим. — Например, доставлен живым в Синод, к совету кардиналов. Ведь таким образом Орф запросто может вернуть себе расположение Её Преосвященства.

Меня невольно передёрнуло.

— И что там с тобой сделают — вопрос спорный, — Мари ещё понизила голос, так что я едва мог её слышать. — Не факт ведь что казнят. Не забывай кем ты был изначально. Может, заставят пробудить ото сна какую-то из древних реликвий вашего рода. Наверняка же они всё вывезли тогда? Или попытаются с твоей помощью найти путь в Великую Метафизическую Библиотеку. Уж не знаю где она, но если им вдруг это удастся — это будет катастрофа. Или ещё хуже: сделают из тебя политическую марионетку в войне с эмирами юга. Твой отец был духовным лидером не только для народов пустынь, но и за их пределами. Для всех, кто не принял Императора богом. И, думаю, для многих простых людей в тех краях имя архимага до сих пор не пустой звук. Ты — его сын. И поверь, Империя найдет как этим воспользоваться.

— Политической марионеткой? — тупо повторил я, чувствуя гнев и отвращение. — И куда мне бежать по твоему? Если и в самом деле вскрылось кто я такой, меня не оставят в покое. Я снова один против целого мира, только на этот раз никто уже мне не поможет. Разве что чудо.

Чудо.

Я запнулся на этом слове и замолк.

Чудо. Волшебство. Магия.

Разве это не то, чем я должен владеть по праву?

И разве это не то, что свело с ума и погубило Кейна?

Ему было шестнадцать. Молод, неопытен, слишком импульсивен для того чтобы управиться с могуществом, которым он пытался овладеть. У него не было глубины знаний, на которые он мог бы опираться. У него не было наставника, который мог бы направить его.

Только то, что он успел узнать сам, пока наш мир не разрушился. За то у него была ненависть, которая заставляла его идти вперёд. Эта ненависть оттолкнула нас с Мари, и заставила его совершать поступки одновременно чудовищные и необдуманные. И итог был закономерен: его вычислили и арестовали, а после — казнили.

Я был малолетним безмозглым глупцом, считая что он получил по заслугам. И сейчас готов был бы попросить прощения, если бы только мог. Ноша безысходной злобы почти невыносима, и, не в силах пролиться куда следует, просто разрывает тебя изнутри.

Тогда я не знал каково это.

Теперь — знаю.

Но мне не шестнадцать. Мне двадцать один, и я по прежнему — не он.

— Слушай, Мари, — произнёс я наконец. — Пока мы ждём Майлза, ты можешь попросить сына аккуратно разведать — кто, где и как наблюдает за домом? А так же, если это возможно, загляни в библиотеку к брату Эштону и спроси, что за настроения сейчас в храме и под ним. Мне нужно знать абсолютно всё что только удастся выяснить, до незначительных мелочей. А ещё — уговори мастера Эмриса заглянуть завтра в обед. Скажи что это очень важно. Если кто будет спрашивать как я — отвечай что без изменений.

Мариша посмотрела на меня с надеждой.

— До чего бы ты ни додумался, таким ты мне нравишься больше, — она робко улыбнулась, будто не была уверена уместно ли это. — Я всё устрою.

— Спасибо тебе, — когда родился план действий, на душе стало ощутимо легче. — Матушка Финч спит?

— Когда я поднималась к тебе, еще сидела на кухне. Да и мы с тобой были довольно шумными. Так что вряд ли.

— Ну и хорошо. Пойдем, спустимся вниз. Должен же я ее успокоить.

Поселение это едва ли можно было считать городом, хотя меж тем было оно отнюдь не маленьким.

Земли в этом владении были обширные и некогда считались неплодородными, потому до недавнего времени малочисленные местные жители разводили здесь скот. Однако, с тех пор как лет двадцать тому назад имперские колонизаторы привезли из-за моря семена картофеля, холмистые пустыри превратились в возделанные поля.

Здесь всему было место и всем было привольно. Земельные наделы были большие, а урожай даже в голодный год был что надо. Фермеры из окрестных провинций перебирались в этот крестьянский рай на земле в поисках сытой размеренной жизни. И обретали её здесь, что в целом не удивительно для людей, у которых в почете умеренность и честный труд.

Ну а тут, у излучины, где Бравона резко поворачивала к западу, словно сами боги велели воздвигнуть городок. Селились здесь в основном рыбаки и владельцы ближайших наделов, но, судя по количеству основательных домишек с каменным фундаментом, их здесь собралось немало, и жили они в достатке.

Не было тут ещё ни храма, ни стражи, ни ратуши, ни даже постоянного двора, но я отчего-то был уверен, что всё впереди. Когда-нибудь, через несколько десятков лет, здесь непременно будет стоять самый настоящий город, с городской стеной, церковью и городским советом. И я искренне пожелал этому будущему городу оставаться таким же светлым и привольным, вопреки всему.

Чёрный счел это место безопасным достаточно чтоб позволить мне и Бонзе сойти на берег. Чем мы и воспользовались, плохо скрывая облегчение, потому как безвылазно сидеть на барже битую неделю буквально остапаскудило.

Из-за того что нас обоих разыскивали официальные власти, во всех мало-мальски крупных селениях капитан нам сходить запрещал. Я не спорил с ним, прозорливо полагая, что всевозможных злоключений у меня впереди — выше крыши, и дополнительные мне совершенно ни к чему. Бонза тоже не рвался в человеческое общество, разве что время от времени сетовал на отсутствие баб. Поэтому нас с ним всё время оставляли в ночь дежурными по кораблю, пока остальные отмечали удачное завершение дня в очередном постоялом дворе.

Правда, мы в конечном итоге нашли свободному времени лучшее применение из возможных: Бонза учил меня обращению с ножом, и ещё кое-каким трюкам, по мелочи. После инцидента с Ершом на том памятном островке я сам просил у своих новых приятелей показать мне пару боевых хитростей. Просто потому, что если я и дальше буду не в состоянии убедительно дать в грызло очередному наехавшему на меня мудаку — то меня просто порвёт изнутри на тысячу кусочков.

Вилл поддержал нашу затею, и вскоре стал составлять нам компанию, находя это более интересным занятием нежели квасить самогон до первых петухов с остальными.

Так и протекали теперь наши вечера.

Бонза на деле оказался лихим сорвиголовой, ни во что не ставящим ни свою жизнь, ни чью-либо ещё. Верный кинжал ни раз и не два спасал ему шкуру, и поучиться у него было чему.

Вилдор же наоборот, был одним из самых рассудительных и честных людей на корабле, с наиболее чистой совестью. Зато жизнь помотала его везде, где только могла и не могла. Свой боевой опыт он получал в самых разных местах, от уличных драк до серьезных боевых столкновений во время службы в Легионе. Да и наставник из него оказался что надо.

Частенько к нам присоединялся и Закари, который тоже не прочь был поразмяться. Ну или поглумиться, аккомпанируя нашим тренировочным поединкам на своей лютне, которая в его умелых руках то создавала напряжение, то смеялась над нами. Что не говори, Зак был очень талантливым менестрелем, умел импровизировать, даже сам сочинял музыку. Мне, как бывшему ремесленнику, было абсолютно непонятно, почему парень в итоге предпочел зарабатывать себе на жизнь воровством, а не пением? Всё хотел спросить, да только никак к слову не приходилось.

На место мы прибыли ещё до обеда, и в ближайшие пару дней никуда не собирались плыть. Эйнсли благосклонно сообщил команде, что все мы славно потрудились, и заслужили отдых. Можно сойти на берег и делать всё что нам будет угодно. Только желательно при этом не создавать неприятности, обойтись без поножовщины и не портить местных девок если те будут сильно против.

Сегодня земледельцы встречали праздник урожая, и на излучину стеклось столько народу, словно это и правда городская площадь. Были здесь не только обитатели окрестных хуторов, но и какие-то мелкие купцы, паломники, которых праздник застиг в дороге, странствующие музыканты и прочие бродяги. Поодаль даже пестрели цветастыми покрывалами крытые повозки гитанского табора.

А, ну раз даже эти здесь, то инквизиции точно бояться не стоит. Но кошелёк на всякий случай стоит перепрятать.

Было непривычно шумно, звучала веселая незатейливая музыка свирелей и бубнов. Аромат свежего хлеба и всевозможных копченостей наполнял воздух. Люди говорили. Люди танцевали. Люди громко смеялись, радуясь встрече со старыми друзьями. Праздник этот был таким солнечным и искренним, что я невольно проникся им.

Та жизнь, которая мне нравилась. Которую я любил и ради которой так много и усердно работал. Вот она, она продолжается. Пусть уже без меня, но продолжается. Стайками с визгом бегают дети, на скамьях греются старики, люди улыбаются друг другу, и на лицах их написана открытость...

Может я просто видел то, что хотел видеть, уж не знаю... да и не важно. Просто пусть сегодня будет солнце и будет праздник. Пусть я сам на мгновение поверю, что всё произошедшее за последние недели — просто дурной сон.

На центральной поляне, подле одиноко стоящего молодого ясеня, расположилась ярмарка. Просто составленные рядом фермерские повозки, в которых местные и заезжие торговали кто во что горазд: овощами с нового урожая, традиционными пирогами, медом, копченостями, всевозможными настойками. Продавали горшки и кувшины с прочей кухонной утварью, одежду, украшения, инструмент, всяческое сырьё вроде шерсти и шкур. Помимо простых бесхитростных вещиц встречались и изящные, привезенные из мест побогаче, что лишний раз говорило о перспективности этого края: на милые маленькие предметы роскоши, вроде гребешка из кости с точеной ручкой, или невесомого платка из тончайшего хлопка, был удивительный спрос среди местных.

Лично капитан Эйнсли, наплевав на то что ему пристало или не пристало делать, распорядился соорудить на поляне стол и теперь во всю распродал редкие специи.

Видимо, те самые, из «личных» запасов, за которые не заплатил ни монеты пошлины. И это ещё неизвестно откуда он их взял, но гвоздика и шафран явно не с соседского огорода собраны.

Впрочем, до мутных делишек Чёрного мне дела не было. Пёс с ним. Тут нашлось кое-что поинтереснее: красивые шерстяные платки, на которые я невольно засмотрелся с профессиональной точки зрения.

Крашенная шерсть, простое добротное ткачество. Судя по данским мотивам — промысел, привезенный поселенцами из Хартленда.

В целом здесь, как и везде, народные орнаменты повторяли ту самую затейливую вязь, которую древние даны, населявшие эту землю задолго до того как сюда явились ремы, беринги и галлейцы, высекали на камнях менгиров и кромлехов. Узор этот изображал затейливое переплетение линий и полос — не то косы девичьи, не то тканое полотно, не то сплетающиеся меж собою корни и ветви.

Сам я, если заказчик требовал подобный орнамент к изделию, по сию пору прежде чем рисовать эскиз — плёл образец узора из верёвок или шнуров, иначе немудрено было запутаться в этих лабиринтах линий. Но не смотря на сложность исполнения, я нежно любил орнаменты данов и тот тайный язык, которым те говорили с людьми.

Вот данский крест, древний символ мироздания, соединяющий в себе противоположные друг другу силы: жизнь и смерть, порядок и хаос.

Тройная спираль, символизирующая тройственную природу человека.

Вплетенное в идеальный круг дерево с кроной и корнями — Древо Жизни.

Вьющиеся линии, изображающие духовные дороги которыми ходят люди, от земного к высшему. Дороги эти переплетаются, пересекаются, сплетаются в единую картину.

Всё в мире связано, говорит древняя вязь. Всё соединено. Всё проистекает одно из другого. И всё пребывает в гармонии, уравновешенное и вечное.

Память о данах истёрлась, превратившись в легенды и краткие упоминания в многотомной истории Империи. Их чистокровных потомков в мире не осталось; разве что жители Дунрога могли похвастаться тем, что их кланы происходят от переселившихся в горы малых племён. Но наследие этого исчезнувшего народа продолжало жить, не смотря на столетия бесплодных попыток завоевателей и духовников предать его забвению. И пусть простой люд давно уже слабо себе представлял, что означают эти линии и узлы, редкого невежду не пленяла их таинственная красота.

И вот она, эта красота, играет новыми красками на тканых и вязаных платках всевозможных цветов и размеров.

Я поймал себя на мысли о том, что стоило бы непременно купить такой платок в подарок матушке Финч. А этот, светлый, стоило бы подарить Мари, и тщательно проследить чтобы она выкинула старый. Вот что с ней делать, скажите на милость? Видят Боги, сбегрю замуж при первой же возможности. Как только — так сразу!...

А вот этот удивительный, зелёный с нежной желтой отделкой, словно создан для Бригги. Её любимые цвета. Как она бы сказала — солнечное утро в сосновом бору. Она оценила бы по достоинству всё — и пряжу, и узор, и тонкое изящное ткачество. И ей бы к лицу был этот тёплый зелёный цвет, так похожий на цвет её глаз...

Я запоздало понял, что лезу за кошельком, чтобы непременно купить ей эту красоту.

И тут же вспомнил, что дарить больше некому.

Печаль осознания разрушило нечто маленькое, со всей дури влетевшее в меня слева.

— Простите... — послышался тоненький голосок.

— Не страшно, смотри просто куда несёшься, — я увидел растянувшуюся на траве девочку в простом платье. Едва рассмотрев моё лицо, она резко побледнела, и, прежде чем я успел хоть что-нибудь сказать, почти на четвереньках пустилась наутек.

Это она из-за шрама что-ли? Вот ведь... Впрочем, пора привыкать. Теперь так будет всегда.

Крошка скрылась в толпе, а прямо передо мной возник широкоплечий румяный коробейник из местных.

— Яблочки! Яблочки! Налетай, угощайся! Всего за четвертак!

Я охотно купил у него пару фунтов. Серый наверняка обрадуется. В отличие от нас, людей, бедный конь просто изнывал со скуки, ежедневно тоскливо смотря как заливные луга с сочной свежей травкой проплывают мимо него. Сегодня у него тоже был выходной, и он блаженно пасся недалеко от берега под бдительной охраной дежурного по кораблю.

Вслед за гостинцами для коня я пополнил запасы собственного провианта. Мало ли что? Затем пересчитал оставшиеся деньги и прикинул хрен к носу. Пока их оставалось достаточно много, но рано или поздно они закончатся, а жить на что-то нужно. Как бы теперь заработать-то? В скорняжной цех не сунешься. Даже если меня и возьмут подмастерьем, то не факт что мне не придётся рано или поздно просто бежать, бросив работу полуготовой. Возможно, в Блэкшире найдётся что попроще, не требующее особых знаний. Строить там, копать, таскать что-нибудь. И желательно подальше от храма.

Ну и да, дело-то к осени идёт, стало быть — холода не за горами. А я, как назло, понятия не имею, где окончится моё путешествие, и будет ли в этом месте возможность спокойно перезимовать?...

— Эй, красавчик! Да, ты, тёмненький! — глубокий женский голос завлекательно окликнул меня со стороны гитанской повозки. — Не хочешь узнать свою судьбу?

Я обернулся на зов. Моё внимание пыталась привлечь пышногрудая смуглая красавица с длинными косами. Пёстрый платок на голове, платье из цветастой ткани, крупные золотые серьги в ушах...

Зря она это. Ой зря.

Меня и эту женщину разделяла глубокая классовая ненависть.

Как ненавидят друг друга знать и беднота, преступники и стражи порядка, так испокон веков ненавидели друг друга честные ремесленники и вольные гитане.

Гитане считали себя обособленным народом, проклятым богами кочевать с места на место. Не смотря на здоровье и наличие всех конечностей, зарабатывать на пропитание они почему-то предпочитали музыкой, гаданиями и прочим шарлатанством. Да и воровством не гнушались, само собой. Если кого-то из них заносило в ремесленные ряды, себе дешевле было отправить такого покупателя восвояси. Даже если попадался оседлый гитан, на первый взгляд приличный и платежеспособный, то он умудрялся измотать нервы мастерам до такой степени, до какой далеко не всякий столичный аристократ довести способен.

В свою очередь гитане презирали и жалели нас, как они сами считали, прикованных к месту и обреченных всю жизнь работать как проклятые, только ради того чтоб сдохнуть в старости, а не раньше.

— Судьбу невозможно предсказать. Человек сам её творит, — ответил я.

— Ты так уверен в этом? А где тогда корона твоя и башни белокаменные? Или откуда взялся этот шрам на твоём лице? Это ты сам сотворил, или все же кто-то другой?

Я невольно замешкался, хотя изначально собирался просто уйти. Да нет, совпадение. Говорят же, что боги одарили этих вечных бродяг сверхъестественной интуицией, сравнимой, разве что, с их же наглостью. А уж наглости было хоть отбавляй, и спустить это я уже не смог:

— Скажи честно: эта манера дерзить людям что, как-то увеличивает поток желающих дать тебе денег за пустой трёп?

— Не «трёп», а за совет и предостережение! — невозмутимо ответила девушка. — Ведь кто предупреждён — тот вооружён. Скажешь нет?

— Скажу, что вряд ли твой хваленый хрустальный шар, дорогуша, может всерьёз хоть что-то предсказать. В эту чушь даже сельские простаки уже не верят.

— Я ничего и не говорила про хрустальный шар. У меня есть нечто намного надёжнее... В её руках буквально ниоткуда появилась толстая колода карт.

— Чем шарлатанство с картами отличается от всего остального шарлатанства? — спросил я пренебрежительно.

— Тем, что это не шарлатанство, — гордо ответила гитана. — И ты сам, своей рукой, тащишь карту, а я лишь трактую её значение. Человек в мире — как щепка упавшая в реку. И радуйся тому, что можешь наперёд узнать куда тебя течение вынесет!

— Мда? На вроде «ждёт тебя дорога длинная, любовь страстная и богатства несметные», как вы всем это говорите? И пока я буду тебя слушать разинув рот, мой кошелек меня покинет.

На симпатичном личике гитаны появилась гримаса оскорбленного достоинства.

— Да нужен мне больно твой кошелек! Но чтоб ты знал: предсказывать судьбу — это, между прочим, ремесло и оно отнюдь не из лёгких! И этот труд, как и любой другой, достоин оплаты.

Если бы речь шла о чём угодно кроме гадания, я бы даже, возможно, с ней согласился. Но речь всё-таки шла о гадании. И, видимо, у меня на лице настолько хорошо читалось всё что я об этом думаю, что гитана взорвалась:

— Ладно, черт с тобой! К чёрту деньги, это уже дело принципа! Давай на спор, раз ты такой неверующий: тяни из колоды карту. Спросим у аркан, что они могут сказать о тебе. Давай, тяни, это бесплатно! Более того: я сама тебе доплачу золотом, если моя колода вдруг ошибется.

На небольшой переносной столик легла выдавшая виды колода Таро.

— Себе оставь, пригодится, — я аккуратно потянул карту из середины стопки.

Девушка скрестила руки на груди — смотри, мол, я даже ничего не трогаю! — и выжидающе наблюдала за мной. Явно отсчитывала мгновения, когда я рассмотрю выпавшую карту и расскаюсь.

И я рассмотрел.

Невольно улыбнулся.

За тем усмехнулся.

За тем стал показываться со смеху, не в силах остановиться, или хоть что-то сказать. Смеялся долго, почти истерически. Такая здоровенная стопка карт — сколько их там? Восемьдесят? Сто? А я с первого раза вытащил именно эту.

— Ладно, твоя взяла! — я вернул ей выпавшего мне "дурака". — Возможно, в твоей колоде действительно что-то есть.

— То-то! — удовлетворенно ответила гитана. — И так же, на спор, могу разложить тебе

карты на твоё будущее.

— И на что спорим? На щелбаны?

— Можно и на щелбаны, скупердяй.

— Даже если и на щелбаны, то как тогда сочтёмся? Назавтра твои предсказания явно не сбудутся, а после ты своей дорогой пойдёшь, а я — своей.

— Значит в Бездне встретимся и посмотрим, чья взяла. Всё одно нам всем туда дорога!

— А чёрт с тобой, раскладывай!

В самом деле, почему бы и нет?...

Гитана пристально посмотрела на меня, словно прислушиваясь к собственным ощущениям. За тем быстро и прицельно стала перебирать карты, раскладывая на две стопки.

— Младшим арканам нечего тебе сказать, красавчик, — пояснила она.

— Это ещё почему?

— Это потому что жребий твой таков, — девушка бросила на меня лукавый взгляд. — Ты-то сам, как я погляжу, птица крупная, и расклад на тебя, стало быть, должен быть под стать.

— Птица я самая обычная, не больше и не меньше любого на этом празднике, — отвечал я.

— Значит одно из двух, — девушка безразлично пожалала плечами. — Либо ты мне бесстыже врешь, либо сам себе врешь, ещё более бесстыже.

Гляди-ка, а способности-то у неё, судя по всему, и правда есть! Может и в её предсказании будет какой-никакой смысл? Так я подумал тогда, перед тем как вытащить первую карту.

В итоге на стол рядом легли «Отшельник», за ним — «Справедливость» и третьей — «Смерть».

— Что ж, во всяком случае вторая внушает некоторые надежды, — усмехнулся я невесело.

— Попридержи коней, — предупредила гадалка. — Первым идёт “Отшельник”.

— И к чему он?

— К тому, что впереди у тебя время духовного отрешения от мира, когда ты должен заглянуть внутрь себя самого.

— В себя? И что я там не видел?

Девушка поджала губы. Мне на секунду даже показалось что она разочарованна.

— Вот в этом то и беда, голубчик. Причём не только твоя — всех и каждого. Все думают что всё про себя знают. Оно и немудрено, ведь внутри каждого из нас есть мрачный тёмный уголок, в котором живёт тьма. Наши тайные желания. Пороки. Злоба. Жадность. Похоть. Зависть. Конечно же никто не хочет знать этого про себя-любимого, такого хорошего, порядочного, уважаемого и почти праведного. А правда в том, что от этой внутренней тьмы не сбежать. Можно прятать её всю свою жизнь ото всех и каждого, даже от себя самого, да. Но рано или поздно наступит день, и она вырвется наружу, одержав над тобой верх.

— И что с ней делать, с этой внутренней тьмой? — спросил я пренебрежительно, при этом явственно ощущая неприятный холодок, пробежавший по спине.

— Признать её существование для начала, — усмехнулась гадалка. — Тот кто не знает своей неприглядной стороны — не знает и собственной силы. Того на что способен. А Отшельник говорит тебе: остановись и слушай внимательно. Мало кому удаётся услышать

то, что нашептывает тьма, и лишь немногим из немногих дано по-настоящему понять услышанное. Зато те, кто этим путём прошёл, ты уж мне поверь, все до единого вошли в легенды. Ты ведь наверняка слышал в храме на служении, что Господь наш и Император, прежде чем войти в силу и изгнать богов, на три года удалился от мира, уйдя в бескрайние пески пустыни Начал? Или быть может ты знаешь сказку о том как легендарные братья Арун оделись в лохмотья и пешком обошли пол мира в великом паломничестве, испытывая свой дух на прочность?

— То есть эта карта говорит, что мне нужно уйти жить в глухие леса, поститься, молиться и ждать откровения свыше? — мне не по вкусу пришлось то, что в ход пошли старые сказочки. Особенно про братьев Арун. Это ведь сказание юга, не местное. Храм такие не одобряет. Зато нянька в детстве пересказывала мне её бесчисленное количество раз. С чего бы сейчас случайно встреченная на ярмарке гадалка сослалась именно на неё?

— Нет. Но если представится шанс быть от людей подальше — воспользуйся им не раздумывая. И желательно ограничь себя в излишествах и соблазнах — они будут сильно мешать. То, что тебе сейчас нужно — это самому понять кто ты и куда ты идёшь. Не по тому что так правильно, не по тому что кто-то одобряет или не одобряет это, а потому что ты сам это решил. Примирись с самим собой, и сможешь идти дальше. А если не примиришься — то так и сгинешь ни с чем.

— Занятно, — честно признался я, разглядывая расклад. Он никак не походил на обычный гитанский обман, скорее наоборот. — Буду иметь это в виду. А «Справедливость» к чему?

— К тому, что тебе придётся нести ответ за свои дела, прежде всего.

— За свои — всегда. А ещё кое-кого призвать к ответу удастся? — кажется, мой голос помимо воли наполнился предвкушением. Слишком уж сладко выглядел расклад.

— Может да, а может и нет, — девушка неопределенно покачала головой. — «Справедливость» советует задуматься, а так ли прав ты сам? Действительно ли правда на твоей стороне, или всё же ты идёшь на поводу у собственных чувств?

Мне чудом удалось проглотить вспышку ярости, от которой на секунду помутилось в глазах.

— Кхм. Нет. К сожалению все предельно однозначно.

— Ну, если это и впрямь так, то «справедливость» будет на твоей стороне, когда придёт время. А оно придёт. Будет впереди развязка, когда по справедливости получат все. И ты в первую очередь. Так что я повторюсь: будь осторожен в суждениях. Ибо всё что с тобой произойдет в назначенный час — будет лишь следствием твоих решений и поступков.

Справедливость... Да что она знает о справедливости?! Она видит меня впервые и просто разъясняет что выпало на картах. Но правда-то за мной. Ни я, ни Бригги ни в чём не были виновны, и справедливости ни в её казни, ни моём аресте не было ни на гран!

И тем не менее, похоже, мне стоит отсыпать гитане монетку в благодарность.

— А что же «Смерть»?

— Смерть... Эта карта обозначает конец пути. Обычно она говорит об...

Её перебил истошный детский писк.

Гитана вздрогнула и посмотрела на меня перепугано, явно пытаюсь понять что теперь делать.

А вот моё зародившееся было расположение мигом испарилось. Впрочем, я ожидал чего-то подобного.

— Больно! Пусти, пусти! — хныкал мальчонка лет семи от роду, только что пойманный мною за руку в моей же поясной сумке.

Последовала немая сцена.

— Ты что-то говорила про «Смерть», — напомнил я скептически, продолжая держать паренька за запястье.

— То что это смерть, дорогуша. Она каждого в конце ждёт. А ты как хотел? — ответила поскучевшая лицом гитана.

— Ясно всё с вами, — я поднялся из-за стола. — А что касается тебя, малец, я бы на твоём месте лучше научился этими руками делать что-то полезное, вместо того чтоб совать их в чужие карманы. Иначе рискуешь их лишиться.

Уходя я чётко услышал как кому-то мелкому отвесили подзатыльник.

— Лави, ну за что-о?...

— Балда ты...

Конец перепалки поглотил гомон толпы.

Не понимаю я этих людей, вот хоть убейте меня! Жить честным трудом что, действительно настолько сложно?... Хотя по-правде и не знаю уж сколько столетий этого “честного труда” потребуется гитанам, прежде чем люди снова начнут им верить. Да и по чести, они сами свой путь выбрали, и теперь пожинают плоды. Горькие, в основном. Какое удовольствие неприкаянным колесить по миру, не имея своего угла в который можно вернуться? Я вот третью неделю в пути, и что-то никак не могу насладиться пьянящей свободой идти куда хочу.

Потому что на самом деле хочу домой, и чтоб ничего этого не было.

Зак возник передо мной из толпы будто из воздуха, невольно оборвав ход мыслей.

— О, вот ты где! Я как раз тебя ищу. Там такое происходит, Вилл сказал тебе непременно надо посмотреть!

Как оказалось, я непременно должен был посмотреть на кулачные бои.

На песчаном берегу топталась уйма народу — не протолкнуться. Многоголосый гомон перекрикивал чей-то зычный голос, призывающий всех отступить на несколько шагов назад, дескать, чтоб круг стал шире, и видно было всем.

А посмотреть было на что.

С одной стороны поля боя стоял и разминал кулаки здоровенный молодец из местных, почти семи футов ростом. С другой находился старпом с нашей баржи, который на фоне соперника смотрелся едва ли не карликом. Оба были уже без рубах и босиком, так что разница в массе и силе была видна невооруженным глазом.

Исход грядущей схватки на первый взгляд был предсказуем.

— Ты позвал меня посмотреть на то как Михал уделает этого бедолагу? — спросил я у Вилдора, когда наконец смог к нему подобраться.

— Не факт, но скорее всего и правда уделает, — ответил Вилл, флегматично наблюдая за бойцами. — Здоровяк не промах, и в своём весе оказался лучшим.

— Михал опытнее.

— Да. Но он порядком устал, да и солнце ещё печёт неслабо. Так что ещё неизвестно чья возьмёт. Но посмотреть в любом случае стоит.

— Да он и усталый может любого забороть! — вмешался Зак. — Ставки принимают?

— Принимают, но я бы всё же не рисковал, — ответил Вилл. — Смотри.

Седовласый жилистый дед, исполнявший, видимо, роль судьи, махнул рукой в знак начала поединка.

Бойцы пришли в движение.

Сначала они под нарастающее улюлюканье зрителей описали круг по полю боя, не сводя друг с друга глаз. За тем местный крепыш с грацией откормленного кота сорвался с места, стремясь обрушиться всей своей массой на нашего старпома. Выглядело это пугающе даже со стороны. Михал увернулся, но буквально чудом, едва удержав равновесие, и тут же получил мощный удар кулаком в грудь, сбивший его с ног.

— Такое нападение — это разумно? — уточнил я у Вилла, глядя как наш старший откатывается и поднимается на ноги. — Выглядит как излишняя трата сил.

— Вполне, — ответил тот. — Здоровяк-то тоже не дурак, знает, в чем его слабость. Чем дольше они топчутся, тем больше он устанет, а Михал наоборот, успеет за это время приспособиться. Так что его шанс на победу — смять силой как можно скорее.

Словно иллюстрируя слова Вилла, местный боец сделал новый рывок в сторону противника. Причём явно обманный: замахнулся для удара кулаком, но вместо этого сделал подсечку. Михал, к неудовольствию наших, снова упал на песок. От следующей атаки — добивающей — он ушёл немного перекатившись в сторону, причём настолько быстро, что я едва уловил это движение. Затем он подскочил, и, пользуясь ситуацией, с силой ударил открывшегося противника куда-то в бок. Здоровяк отшатнулся.

— Ладно, мужик действительно неплох, — снисходительно заметил Зак. — Но бьюсь об заклад, таким же ударом по почкам всё и завершится.

— А это был удар по почкам? — с интересом уточнил я.

— Он самый. С пяток раз пробить и противник выбывает из игры, плевать насколько он крупный, — Вилл небрежно махнул рукой на поле боя. — Смотри, исход почти определён. Разве что местному повезёт.

После первого удара боец стал изрядно сдавать. Было видно, что он запыхался и ушёл в глухую оборону. А вот наш старпом, как и предсказывал Вилл, приспособился и теперь чувствовал себя ощутимо увереннее. Не смотря на усталость и ручьями текущий с него пот, Михал буквально танцевал вокруг здоровяка, то и дело дразня того ложными выпадами. Вскоре запыхавшийся противник выбился из сил достаточно, чтобы пропустить второй и третий удары.

Четвёртого не последовало: парень поднял руку, признавая себя проигравшим. Матросы с нашей баржи подняли радостный ор. Сельские разразились разочарованными возгласами.

Игнорируя шум, противники пожали друг другу руки и вроде как обменялись парой реплик, которые при всём желании невозможно было расслышать. Но, судя по их лицам, боем они остались довольны.

— Э, господа хорошие! — Бонза буквально выпорхнул на наш бережок из-за ближайшего дома. Вид у него был настолько довольный и надменный, что невольно вызывал укол зависти.

— Где тебя носит с утра? — спросил Зак.

— Да так. Ходил повидать старую знакомую, тут недалече.

— И как?

— Повидал уже раза четыре, но тут к ней подружки решили заглянуть. Очень даже ничего такие, между прочим.

— И ты решил, что один не справишься?

— Нет, я решил поделиться. Так что не ёрничай и пошли! Там на всех хватит. Ещё и обедом накормят.

— О, а заночевать там можно будет? — заинтересовался Вилл. — А то к вечеру может дождь случиться, я б лучше под крышу.

— Да вообще не вопрос, — небрежно махнул рукой беглый каторжник. — За доброе слово и поколотые дрова тебя здесь любая одинокая вдова накормит и приласкает. А если ей ещё и помочь крышу залатать, то будет любить и ждать всю оставшуюся жизнь. Так что пошли.

Да уж... Нравы тут явно самые простяцкие... И вот объясни это Бонзе с его невинной мужской солидарностью.

— Извините ребят, я — пас.

— А что так? — удивлённо спросил Зак.

— Настроения нет.

— Зря, — сказал Бонза. — Нам с тобой до самого Креймора путь в бордель заказан. А тут ещё и бесплатно!

— Спасибо, но правда нет.

— Ну и дурак. Моё дело — предложить, — пожал плечами Бонза. — Надумаешь — там на окраине дом травницы.

На том мы и разошлись. А я ещё на раз прошвырнулся по ярмарке, проведаль Серого, и отправился в небольшой прибрежный ивняк, растущий чуть поодаль от поселения.

Скрывшись под сенью деревьев я вдруг остро осознал, как давно хотел просто побыть один.

Местечко было удачное, погода — что надо. Наконец можно было не спеша залатать дыру на куртке и собственные сапоги, а за одним постирать остальные вещи и искупаться. Когда ещё доведётся?

Пока всё сохло, рука сама потянулась к бумаге и грифелям. Я просто сидел в тени дерева и бесцельно зарисовывал всё что приходило в голову. В основном, конечно, эскизы орнаментов для изделий, как привык, хотя сейчас уже сильно сомневался что когда-либо снова встану за верстак. Но занятие это затягивало и уносило тревоги прочь. Как, впрочем, и всегда.

Пару раз, правда, я в несколько штрихов всё же пытался изобразить реку и склонившуюся над ней старую иву, но результат был довольно жалким. Нет, не стоит и пытаться. По сравнению с Бригги и её мастерством, я — всего лишь жалкий подражатель, без понимания и навыка.

Она бы, конечно, стала спорить. Она бы сказала что длинный путь начинается с первого шага, и шаг этот — как и все последующие — не обязан быть образцом совершенства. И была бы права. Я ведь помню как робко она сама держала кисть в двенадцать лет. Как переживала, что у неё ничего не выходит. Но ведь это я убедил её продолжать, и не зря. Стала бы она собой, если бы сдалась и всё бросила?...

В такие моменты начинало казаться, что она сейчас здесь, рядом, словно живая. Погруженная в себя, она пока молчит, но вот-вот засмеётся или что-то скажет. Оставалось протянуть руку. Всего лишь протянуть руку. Нащупать хрупкое плечо, подтянуть к себе, обнять...

Она ведь здесь.

Рядом.

Совсем рядом, как всегда была...

— Бригги? — наваждение было столь сильно, что её имя буквально сорвалось с губ помимо воли. Я даже не сразу понял, что произношу его вслух.

В ответ я не ощутил ничего. Только собственное недоумение и тишину.

Рядом никого не было.

...К вечеру небо действительно заволочило дождевыми тучами, и идея заночевать прямо в лесу, вдали от людей, перестала быть удачной. Пришлось вернуться в посёлок в поисках места для ночлега. Обрёл я его в небольшой хижине старого рыбака, которому в качестве оплаты за постой заготовил дров и помог с починкой сетей. Словоохотливый дед, как и все одинокие старики, травил байки без умолку до тех пор пока сам не уснул, привалившись спиной к поленнице. Благо весил он немного, так что перетащить хозяина на топчан оказалось нетрудно.

Сам я спать устроился на соломе в сенах. Мягкая подстилка и крыша над головой — фактически предел моих мечтаний последние несколько недель.

Однако заснуть не удавалось долго. Мысли мешались. Этот уютный местный праздник был так похож на те, что устраивали фермеры у нас, дома. Вспоминалось как мы с Бригг бывали на ярмарке по случаю сбора урожая каждый год. Её смех и горящие глаза. Как она тащила меня за руку сквозь толпу посмотреть на очередную диковинку.

Светлый прекрасный образ её, живой и настоящей, стоял перед глазами так явно, словно она была из плоти и крови. Словно ничего не случилось. Словно если бы я мог прямо сейчас вернуться домой, она бы встретила меня там, как всегда встречала.

Память вновь издевалась, но на сей раз я был этому рад.

Последний раз когда я видел ее такой, был перед проклятым отъездом.

Был вечер, и всё о чём я мечтал — это поскорее вернуться домой. Но, как назло, именно в этот последний день в городе я был чертовски нужен, казалось бы, всем и каждому:

— Сосед, будешь в столице — купи, пожалуйста, у тамошнего аптекаря лекарств? Спасай, отец совсем плох, деньги я дам, не жалко, главное поскорее бы...

— Уважаемый мистер Финч, не затруднит ли вас передать письмо моей сестре в Лоскутный Квартал? Вы ведь всё равно туда собираетесь, верно? Это по поводу завещания, дело срочное, сами понимаете. Буду у вас в неоплатном долгу, просите что хотите...

— Баи, дело есть, кроме тебя помочь некому! Я сыну тут посылку собрала, из одежды кое-что и солений. Помогите пожалуйста! Я доплачу, ты скажи сколько! Ладно бы он там устроился, так он же студент, и сам еле сводит концы с концами. Никто не берётся передать, а ты же с экипажем! Помогите, ради всего святого умоляю! Пропадёт же...

Кроме того наставник спихнул на меня трёх новоиспечённых подмастерий, которым срочно требовался мастер-класс по горячему тиснению.

Потом пришлось встретиться с мужиками и договориться по поводу ремонта дома, с которым нужно было разобраться как можно скорее.

После — заглянуть к матушке Финч, помочь по хозяйству, убедиться что всё хорошо и очередной раз пообещать что скоро всё устрою и мы все снова будем жить под одной крышей. Матушка, естественно, притворно доказывала мне что ей, мол, главное чтоб у меня было все хорошо, и не важно где я при этом буду, будто я не знал как сильно она боится одиночества. На самом деле старушка жаждала моего возвращения домой, вместе с супругой. И появления внука, которого она уже считала своим родным.

Что с ней делать если всё же придётся перебираться в Столицу, я боялся даже думать.

Старовата она для переездов, а оставить её без присмотра я не мог и не хотел.

Солнце почти село, когда я наконец переступил порог дома Льюисов, тщетно надеясь просто попасть в объятия любимой жены.

Вместо этого прямо в холле меня поджидал её отец.

— Вот, — на стол передо мной легла стопка бумаг. Теодор Льюис с чрезмерно серьёзным выражением лица начал перебирать их одну за другой. — Это для мастера Виля в Лоскутном квартале. Это — передашь ростовщику Эрлиху Леви, он должен будет выдать тебе денег вот по этой доверенности. То что он тебе отдаст переведи в банк, на мой счёт. Вот для этого другая доверенность. В столичном банке передашь её господину Энтони Стерлингу, и далее будешь работать с ним.

— Знаю я господина Стерлинга, — кивнул я, просматривая обе доверенности. — Эвансы ведь тоже с ним ведут дела.

— Действительно... Тем легче для тебя. Проследи, чтоб Леви отдал всю сумму, если заартачится — выбивай силой. Как именно — твои проблемы, но чтоб всё до последнего медяка оказалась в банке. С этим понятно?

— Более чем.

— Тогда дальше: вот список моих поставщиков. Пройдётся по всем поимённо. Нужна партия змеиной кожи для экспорта в Йормарк, там у них мода на это дело случилась. За тем, естественно, специи, шёлк, партию чёрного чая и дальше по списку. Если тебе попадётся ещё что-то, что ты сочтёшь выгодным для продажи в Йормарке — бери пробную партию. За одно и посмотрим, есть ли у тебя чутьё на такие вещи.

Тесть глянул на меня так, словно ожидал моего панического бегства. Тоже мне, нашёл чем пугать! Я за последние годы решал задачки и посложнее. Однако вся эта куча дел значительно увеличивала время моего пребывания в Столице, что невольно действовало мне на нервы.

Впрочем, мы со старым Теодором играли в эту игру довольно давно: он бросает мне вызов, а я отвечаю на него, выполняя условия «с горкой». Частенько — в ущерб собственному комфорту, просто чтоб очередной раз доказать тестю что мне не слабо.

В целом, я был благодарен ему теперь. Как бы не его вечная требовательность, кем бы я сейчас был?...

— Ясно. Ко всем загляну, всё сделаю. Деньги найду как выбить если что. Только на счёт пробной партии я вам ничего не обещаю, — предупредил я. — Моя специальность всё-таки — сырьё и галантерея, если вы помните.

— А придётся начать разбираться, молодой человек! — излишне картинно вспыхнул Льюис. — С этим и с многим другим! Раз ты всё-таки набился мне в родственники и живёшь под моей крышей, то теперь, хочешь ты того или нет, тебе придётся быть в курсе моих дел и уметь с ними управляться!

Тесть был человеком эмоциональным, и частенько перегибал палку, по поводу и без. Часа через пол он остынет и будет пытаться делать вид что ничего такого вообще не говорил. Я это прекрасно знал. Но спустить не мог.

— Господин Льюис, позвольте напомнить что я с самого начала был против того чтобы жить здесь, даже первое время. А так же что у меня есть собственный дом, вполне пригодный для жизни втроём и пожилая матушка, которой нужен присмотр.

— Да чтобы я отпустил свою единственную дочь жить в эту ветхую халупу? Да никогда! Хочешь жить отдельно — торопи своих дружков — строителей. Иначе ноги её там не будет!

— Чтоб вы меня и дальше носом тыкали в это и гоняли как мальчика на побегушках?!

— Да. Именно так! — взорвался Льюис. — По этому ты возьмёшь чёртовы бумаги и сделаешь всё то, что я сказал! Кому, по твоему, я оставлю все плоды трудов своих когда отойду от дел? Бригитте? Она далека от купеческого дела почти так же как и от реальности в принципе! И даже если бы и не витала в облаках, её никто не воспримет всерьёз. В отличии от тебя. И раз уж ты клялся заботиться о ней до конца своих дней...

— ...то и сам справлюсь с этим делом. И ваши подачи мне не нужны!

— Ах «подачки»? Да я тебе...

— Пап, а можно вы доругаетесь завтра утром, и так чтоб я этого не слышала?

Бригитта стояла на лестнице держась за перила, и в глазах её застыл укор. И если была в мире сила, которая могла поставить нас с тестем по одну сторону баррикад, то, несомненно, скрывалась она за этим взглядом.

— Мы не ссоримся, все хорошо!

— Просто обсуждаем дела, только и всего!

— Да. Прямо как отец с упрямым гордым сыном.

— Строптивый требовательный отец с сыном, да.

— А ты чего не отдыхаешь? Выглядишь бледной.

— Правда, как ты себя чувствуешь сегодня? Тебя не тошнит больше?

— Тебе надо уже поесть что-нибудь существенное, а то одни сухари целый день. Может куриного бульончика сварить? Давай я сейчас разбужу кухарку...

— Может тебе стоило бы прилечь? Мы сейчас закончим, и я тебе принесу что-нибудь. В твоём положении...

Нас перебил её звонкий, залиvistый смех, который я так любил. Казалось, что все мои тревоги разбиваются вдребезги под его переливами.

— Я не могу! — хохотала Бригги. — Ну вы даёте! Я беременна, а не больна! А вы... вы оба такие милые когда ссоритесь... Вы бы только слышали себя со стороны... Вот уж воистину нашли друг друга...

Мы с господином Льюисом недовольно обменялись взглядами. И оба, без слов, согласились что она, естественно, глубоко заблуждается и ничего не понимает. Никого мы не нашли, мы вообще друг друга терпеть не можем. Ну он меня — так точно! Но то что она смеется — это хорошо, пусть. В последнее время её настроение менялось быстрее чем погода в апреле, и нам повезло что сейчас она весёлая, могла ведь и плакать начать, как позавчера. А уж что делать с женскими слезами по сию пору не знали ни я, ни её отец.

— Ох... всё... — Бригги потёрла глаза, стирая выступившие от смеха слёзы. — Пап, можно вы правда утром договорите? Верни мне мужа, пожалуйста. Я и так ждала целый день.

— Конечно-конечно! Я и не держу его, вообще-то! — пасовал господин Льюис.

— Да мы вроде и правда закончили, — я максимально вежливо кивнул, обозначая конец разговора. Теодор снисходительно ответил мне тем же, но на прощание всё же поймал за плечо и буквально прошипел на ухо:

— Убеди ее съесть что-нибудь, а то она совсем зачахнет. Может хоть тебя она послушает.

— Ты сегодня совсем поздно, — печально сказала Бригги, когда мы скрылись от взора её отца на втором этаже.

— Да уж, денёк суматошный выдался, — я устало потёр виски. — Уж и сам не рад.

Всего подряд навалилось, да еще и полгорода одновременно решило что им жизненно необходимо что-то передать в Столицу.

— Конечно, — недовольно скривилась она. — Полгорода знает, что если разыграть убедительную драму, ты просто не сможешь им отказать. Знают и нагло пользуются.

— Ну эй, кое-кому и правда больше не к кому обратиться, — я невольно пошёл на попятную. — И мне правда не сложно. Отдал и дело с концом. А вот вникать в торговые дела твоего батюшки тяжелее будет. Мне так-то своих много.

— Это вы по этому сейчас шумели?

— И поэтому тоже. Чёрт... меньше всего я хочу задерживаться в Столице хоть на минуту дольше положенного. Я вообще в этот раз никуда не хочу ехать. Ещё не запустились, а я уже устал от всей этой суеты.

— Не удивительно, — пожала плечами Бригитта. — Потому что ты занимаешься не тем, чем тебе стоило бы. Что ты так смотришь? Я не раз тебе это говорила. Ты у меня, конечно, большой молодец и я горжусь тобой, но вся эта официальная торговая ерунда просто пьёт из тебя силы, ничего не давая взамен. А то что наоборот придавало тебе сил, ты совсем забросил. Нельзя так, милый, правда нельзя. Ты ведь сам никакой не купец и не воротила. Бесспорно да, это тебе под силу, но ты — художник, творец и всегда им был.

— Ну, будем считать что я сотворил мануфактуру. Тоже своего рода творчество.

— Да, но это все не то.

— Сердце моё, нам ведь нужно на что-то жить. Потерплю немного, ничего страшного. Рано или поздно вся эта суета кончится, дела встанут на поток, и тогда у меня будет больше времени. Непременно будет.

— Надеюсь что так... Очень надеюсь что так...

О том, что надежда на это была ничтожной, мы оба знали и оба предпочитали не говорить. Но я не собирался отступать. Рано или поздно придумаем как всё устроить. Всё ведь хорошо теперь. Мы вместе. Мы победили. Преодолели всё — упрямство её отца, человеческие предрассудки, да весь мир, который, казалось, на нас ополчился. Добились своего сказочного “долго и счастливо”. А значит мы что-нибудь обязательно придумаем, как делали это всегда.

В комнате были настежь открыты окна, и прохладный вечерний воздух развеивал резкое амбре скипидара. Не люблю его, а вот запах масляных красок — наоборот, очень. Раньше так пахла она, и никакие столичные парфюмы не в состоянии были перебить этот аромат. Теперь так пах мой дом. И вдыхая этот запах я ощутил что вернулся домой, и день наконец закончился. Все дела остались за порогом.

Дом... одна единственная комната, но раза в три больше моей, в доме матушки. Как не скверно было это признавать, прав был господин Льюис: мы с Бригги в ней просто не поместимся, ведь все эти бесконечные холсты и краски мы возьмём с собой, и места просто не останется. А без них... нельзя ей без них. В этом вся её жизнь.

— Вот! — с гордостью произнесла она, указывая на стоящий в окружении десятка свечей мольберт. — Я всё-таки закончила. Очень хотелось, чтоб ты увидел её перед отъездом. Что скажешь?

Я бережно обнял её со спины, стараясь сконцентрироваться на картине, а не на том что её нежная прозрачная кожа всё ещё скрыта от прикосновений под тканью платья. Вторую неделю ей дурно, она с трудом засыпает вцепившись в меня руками, словно утопающий в борт лодки. Какие уж тут ласки? Впрочем, сегодня выглядит лучше чем вчера. Смеётся вон,

в глазах снова огонёк зажётся. Как знать, может распогодилось таки? А то неделю-полторы в разлуке, я же с ума сойду...

— Если ты хотела передать буйство красок в последние минуты заката, то тебе это удалось, — я честно был восхищён. И говорил то что думал. Но слова сами собой произносились вкрадчиво, невольно обретая второй подтекст. — И мне нравится этот контраст освящённой скалы и темнеющего неба над ней. Вот здесь ты очень смело положила краску, и выиграла. Ущелье как настоящее, и река тоже. Не знай я что ты всё это придумала, я спросил бы где это место.

— Правда? — Бриггита с осязаемым удовлетворением облокотилась на меня.

— Правда. Хотя в этом ущелье узнаются очертания оврага, который за фермой старика Одли. Так что...

Бригги звонко рассмеялась, откинув голову мне на плечо.

— Аaaa, ну всё! Ты меня раскусил!...

— Так давно уже. Я тебе больше скажу, вот эта сосна на переднем плане растёт за городским архивом. И ты её уже раз пятый наверное используешь.

— Но она же шикарная! Как можно её не рисовать?

— Никак нельзя.

— А мост? Как тебе мост? — вдруг встревоженно спрашивает она. — Насколько он вписывается сюда?

— Выглядит немного фантастически, — всматриваюсь. — Я в жизни подобные не встречал, но этот написан очень реалистично. В него вполне можно поверить, ровно как и в город вдаль. А если по чести, откуда взялся этот мост?

— Да как и всегда, — пожала плечами Бригги. — Мне всё казалось что там что-то должно быть, что-то соединяющее обе стороны ущелья. Сначала я думала что это нечто вроде естественной каменной арки, но потом стало ясно что это мост. Старый, построенный очень давно. Через него пролегает дорога, которой почти никто уже не пользуется. Ну а город... я тоже изначально не планировала его рисовать, но он как-то взял и нарисовался. Мне кажется он сам по себе хмурый, этот городок, и его жители не видят как он бывает красив порою. Вот как здесь.

— Ну, это болезнь известная, — невольно улыбаюсь. — Видеть красоту надо уметь, а это удел тех кто смотрит дальше собственного носа. Так что не удивлён. В этот город тоже запросто можно поверить.

— Тогда хорошо, — мурлычет она. — Значит, всё получилось.

Получилось. И с каждым разом получалось всё лучше и лучше.

Мне всегда нравилось угадывать её замысел, видеть так как видит она. Вместо вышивания, чтения романов и иных, более подобающих юным бюргерским дочерям занятий, Бриггита рисовала, посвящая этому каждую свою свободную минуту. В её папке можно было найти всё что угодно: городские улицы, дома, вещи, людей, птиц, зверей, лес, реку... Коллекция пополнялась ежедневно. Она посвящала себя этому занятию настолько, что иным казалось что в девушку вселился демон, не дававший ей ни минуты покоя.

В городе она слыла странной, и соседи неодобрительно смотрели ей вслед, качая головой и приговаривая что «это не дело». Какой смысл бесцельно зарисовывать все подряд? Картинки на зиму не засолишь, толку с них разве что печь растопить.

А мне она с самого начала была ближе и понятнее. И я знал, для чего ей жизненно необходима эта куча набросков. Вечерами, когда её батюшка отсутствовал по торговым

делам, она раскладывала на столе множество рисунков разных мест и лиц, а за тем садилась за холст и деталь за деталью собирала их в одну картину, изображающую сцены которые никогда не происходили, города которых никто не видел и леса каких нет на земле. Она обладала удивительной способностью видеть невероятное в своём воображении, а после — собирать кусочек за кусочком, бережно перенося пойманные образы на грунтованный холст.

— Как по мне — это какая-то магия, — говорю и бережно обнимаю её. — Ты удивительная. Никогда не устану восхищаться тем что ты делаешь.

— Сказал человек, способный бесформенный кусок кожи превратить в парадный доспех, — она смеётся, проворачивается в моих объятиях и прячется от мира на моём плече. — Милосердные святые, как же я не хочу тебя отпускать... И вообще не помню чтоб мне когда-либо было так мучительно тоскливо. Тебя не будет всего неделю, а у меня ощущение будто мы навечно прощаемся.

— Это просто ощущение, солнышек, не бойся. Всё будет хорошо. Худшее что со мной может случиться — это столичная бюрократия, которая, разве что, выведет меня из себя.

Она попыталась посмеяться, но ткань рубашки уже начала намокать. Ну вот, как знал что без слёз не обойдется...

— Бригги, милая, ну чего ты опять?

— И-извини, — сказала она виновато, словно стыдясь того что с ней происходило. — Это... Это всё беременность на меня так влияет. Говорили же не раз что это нормально, плакать без причины или придумывать себе какую-то несусветную чушь когда ребёнка ждёшь... Не бери в голову. Просто... Просто постарайся вернуться поскорее.

— Сердце моё, я ведь не в первый раз куда-то уезжаю.

— Я знаю... но... в последнее время мы так мало времени бываем просто вместе... А так хочется снова сбежать от всех на пленэр к реке! Похитить тебя у твоих бесконечных дел, утащить в лес и больно щипать за бок если только посмеешь думать о всей этой торговой мути.

— Ты не забыла, что эта самая мусть — ради нас с тобой?

— Я знаю... знаю... Просто... Просто мне, именно мне, не важно мастер ты или подмастерье, и есть ли у тебя свое дело или нет, — она прижалась ко мне так, словно я собирался исчезнуть. — Это всё для отца. А мне... Мне нужен только ты. А остальное — не важно. Пожалуйста, возвращайся скорее. Я не знаю, как переживу эту проклятую неделю.

— Я очень постараюсь побыстрее, — улыбнулся я, бережно поглаживая ее по волосам. — А когда вернусь, то так и быть: пошлю все дела дня на три и мы вместе сбежим в леса, в любую самую дремучую глушь. Ты будешь рисовать в своё удовольствие, а я — героически отгонять от тебя волков и медведей. И даже твоего батюшку, если понадобится.

Бригги утёрла слёзы и подняла на меня глаза.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Погода была ни к чёрту: небо всё время было затянуто тучами, то и дело моросило, а по ночам поднимался туман, из-за которого одежда и паруса отсыревали ещё сильнее. Надеяться что распогодится не приходилось: лето понемногу уступало место осени: начинало холодать, а на деревьях всё чаще пестрели одинокие жёлтые листья, предтечи грядущего увядания.

После Излучины места пошли намного более дикие и необжитые. Прибрежные поселения встречались реже, и больше походили на небольшие форты окружённые частоколом, чем на мельницы и пилорамы центральных провинций. А с лиц местных стёрлось дружелюбие, уступая место откровенно враждебной неприязни. Мол, платите за свои припасы и проваливайте отсюда. Ни о каком тёплом очаге и крыше над головой речи не шло.

Две ночи к ряду на отдых мы останавливались на островах, навроде того, памятного по тушённой форели и несостоявшейся драке. Здесь так же стояли наспех построенные навесы защищавшие от дождя, так что поспать худо-бедно удавалось. А вот дров в запасниках не осталось ни на одном из них (команда, естественно, грешила на ребят Салливана, в настоящий момент опережающих нас на сутки), поэтому оба раза пришлось вылавливать из заводи плавник, чтоб было из чего разжечь костёр. Разгоралось такое топливо долго и плохо, и то при помощи крепкого самогона и какой-то там матери, а потом ещё и чадило так, что глаза разъедало от дыма. Но зато было тепло, можно было согреться и обсохнуть.

Я воспринимал это философски. Не худшее что могло случиться. Единственное, что по прибытии в Тэйл-Бэй, ближайший городишко на нашем пути, я всерьёз подумывал махнуть на всё рукой и переночевать на постоялом дворе. Чтоб было тёплое одеяло, сухая простынь и нормальная подушка. Предел мечтаний, особенно в сочетании с горячим ужином, который не придётся перед этим самому ловить в реке, потрошить и жарить. Мысли об этом позволяли держаться на плаву, и я то и дело обещал себе что так и сделаю. Тем более мы уже давненько оставили позади не только владение Аддерли, но и весь Хартленд. Не факт что здесь меня кто-то ищет. Расслабляться, конечно, не стоило, но и бояться каждого шороха я устал.

А Тэйл-Бэй, похоже, носил такое имя не зря. Третий день он был у всех на устах, словно земля обетованная или ворота в рай. Этаким сказочный город, в котором у огромного очага всем найдётся место, эль будет течь рекой, а женщины — исполнять любое желание утомлённых дорогой путников. Поэтому гребли мы туда с утроенным энтузиазмом. Если верить Виллу, завтра к обеду уже будем сходить на берег. Эту ночь, правда, снова придётся ночевать на острове, но зато после мы все сможем отдохнуть по-людски.

К вечеру, впрочем, даже разговоры прекратились. Хотелось просто добраться уже до заветного острова, и если не по-людски, то уже хоть как-то дать отдыха рукам и вздремнуть.

— Капитан! Баржа на мели! — крикнул кто-то.

— Не понял, это как они так? С перепоя чтоль? — озадаченно произнёс Вилл, всматриваясь вдаль.

И правда: там, впереди, в неприятной близости от берега стояла знакомая посудина, принадлежащая капитану Салливану. Её команда растерянно слонялась по палубе.

— Нет, ты посмотри на них... — раздражённо сказал Чёрный. — Да что за непруха?! Ведь специально ж давали им фору чтоб они уплыли подальше. Ан нет...

— Как их угораздило? — Михал задумчиво почесал затылок.

— Сейчас подплывём и спросим, — ответил капитан. — Эй, ребята, налегай на вёсла! Будем вытаскивать этих пропойц. Свои, как-никак.

При нашем приближении команда конкурентов явно взбодрилась. Матросы прекратили переговариваться, все как один уставившись на наш кораблик. Я буквально спиной ощутил некий неприятный холодок.

— Эй, Салли! — крикнул Чёрный что есть мочи. — Салли, ты трезв?

— Трезв! — послышалось в ответ. — Чего тебе?

— Помощь нужна?

— Что?

— ПО-МОЩЬ! НУЖНА?

— А сам-то как думаешь?...

— Как ты умудрился брюхом-то сесть? — капитан даже не пытался скрыть лёгкого злорадства.

— Долгая история, — отвечивал Салливан. — Подплывай, расскажу!

— Тогда стой там, никуда не уходи! — продолжал глумиться Чёрный. — Щас поглянем что там с вами...

Мы почти поравнялись с баржей. Пострадавшие матросы столпились у левого борта, словно дети у клетки с диким зверем на ярмарке, только что пальцем не тыкали. Я устало пробежался по ним взглядом, и отметил что не вижу Ерша. Впрочем, он был единственный кого из их числа я запомнил в лицо.

Наверное, это меня и извиняет. Я устал. Не почувал подвоха. Все мы не почували.

А когда дюжина абордажных крюков с хрустом вцепилась в наш борт, было поздно.

— Кэп, это не Салливан!... — запоздало крикнул кто-то из наших, за миг до того как метко пущенная стрела пробилла ему рёбра. Вслед за ним упал второй наш товарищ, с такой же в бедре. Не дожидаясь когда придёт наш черёд, мы с Виллом перемахнули через деревянные ящики с товаром. Вовремя, судя по гулкому стуку с той стороны.

— Твари!.. Мразота пиратская!.. — злобно ругался Бонза, нырнувший в укрытие следом за нами. — Что ж вы все не передохните никак? И чем чёртов береговой патруль занимается когда он так нужен?

— Это что, разбойники? — ошалело спросил наш юнга, сжавшийся в комок за соседней бочкой.

— Нет! Это, мать их, труппа Императорского Театра на гастроли приехала! — Вилл взвесил в руках лежавший поблизости багор. — Вот это мы попали! У них там с десятков стрелков. И ответить им нечем.

— Есть чем, — возразил я. — Эй, малой! В закутке, где стоит конь, лежит чехол с арбалетом! Быстро тащи сюда!

Мелкий торопливо закивал и пополз вдоль ящиков в нужную сторону.

— Уважаемые господа! — донёсся голос лже-Салливана. Теперь настал его черёд глумиться. — С прискорбием вынужден проинформировать вас, что вы стали жертвой вооружённого налёта! Ваши товары теперь принадлежат нам, а вам всем, коль скоро вы видели нас, придётся умереть.

— Мы никому не расскажем! — откликнулся Чёрный.

— Однако, шансы у вас есть, — продолжил главарь. — У меня в команде имеются свободные места для пяти жизнелюбцев, которые первыми успеют заявить о своих намерениях! Но только для пяти, господа! У вас есть полминуты на размышления, и если желающих не найдётся — то храни Император ваши пропащие души!

Где-то ближе к носу за баррикадами послышалось шевеление, возмущённый вскрик и звук гулкого удара кулаком по морде. Больше желания присоединиться к разбойникам никто не выказал.

За то юнга уже полз обратно, волоча за собой мой нехитрый арсенал.

Первым же делом я вручил Виллу трофейный самострел и болты к нему. За тем кинул Бонзе чехол со вторым. Тот успел рассмотреть маркировку на обухе и глаза у него на миг округлились.

Впрочем, вопросы он благоразумно приберёт на потом.

— Чтож, на «нет» и суда нет, — с притворным сожалением сказал главарь. — Эй, ребята! На ножи их всех!

Мостки с грохотом ударились о борт, и оголтелые бандиты ринулись на штурм нашего укрытия.

Ну что, Матильда, настало наше время?...

В таком крупном бою я участвовал впервые в жизни. Он не походил на нянюшкины истории о завоевательных походах деда или зрелищные театральные постановки. По правде сказать я вообще едва понимал что происходит вокруг. Понял только, что наши, явно не намеревались стоять и ждать пока всех перебьют, схватились за бортовой инструмент.

Жаль только превосходство в числе и оружии было не на нашей стороне.

Первый из головорезов, так лихо вскочивший сверху на наше укрытие тут же откинулся назад с арбалетным болтом под рёбрами. Я поймал себя на том что рука не дрогнула. Следующего снял Вилл, давая мне время на перезарядку.

Если бы!...

— Эти стреляют! — сообразили с той стороны, и вместо следующего смертника через ящички перелетела небольшая бутылка с зажжённым фителём.

— В стороны! — успел крикнуть Виллар за мгновение до того как раздался взрыв.

Я среагировал, но позже чем следовало бы. Меня оглушило и отшвырнуло в сторону борта. Каким чудом ничем не ранило — ведомо только богам, однако ушибся я знатно.

За то остался жив.

Первой осознанной мыслью было то что мне чего-то не хватает. И это очень, **ОЧЕНЬ** плохо.

Руки! Пусто! Я выпустил арбалет!.. Заряженный!...

Зрение лихорадочно пыталось поймать фокус, но от спешки становилось только хуже. Какая-то фигура быстро двигалась в мою сторону, поудобнее перехватывая булаву. Здоровенную такую булаву с вбитыми в нее гвоздями. Один удар такой по голове, и череп превращается в крошево.

Нет. Нет! Я не для того отправился в это путешествие, чтоб вот так бездарно умереть!

Эта мысль яростно пульсировала в моей голове пока я пытался подняться, а громила делал замах. Однако опустить булаву он не смог: откуда-то сбоку в него прилетел метко брошенный Бонзой абордажный топорик.

Дружище, за мной должок. Выбраться бы только отсюда живыми...

Выигранного времени хватило лишь на то чтоб добыть из сапога трофейный

следопытский кинжал и воткнуть его под рёбра тому мудаку, который как раз выбил багор из рук Вилдара. Плевать что со спины и без предупреждения. Плевать на то кем был этот человек и как дошёл до разбоя. И на ценность каждой человеческой жизни тоже плевать. Жизнь Вилла была мне в десять раз дороже.

— Сзади! — крикнул мой приятель вместо благодарности, резко отталкивая меня в сторону.

Вовремя. Та самая булава обрушилась на палубу с такой силой, что доски дали трещину.

Эй, урод, у тебя же топор в боку торчит, ты почему на ногах?! Как это возможно?...

Во второй удар раненый враг вложил всю свою ярость, но я был легче и целее. Увернуться не составило труда: теперь-то я его видел и стоял на своих двоих. Да и долго ли он сможет махать дубиной с такой раной? По моим расчётам, оставалось ему немного.

Однако это «немного» нужно было ещё продержаться, что в общей толчее это оказалось непросто. А вот противник, кажется, вообще не собирался выбиваться из сил, чего нельзя было сказать обо мне. Пришлось немного потанцевать прежде чем здоровяк оступился, подставляя под удар незащищённое пузо.

Инквизиторский нож вошёл в плоть словно в кусок сливочного масла.

И я поймал себя на том, что мне нравится это ощущение.

Дубина с грохотом упала на палубу.

Мой ошарашенный противник что-то прохрипел, судорожно сгребая в горсть моё плечо, и совершил последний в своей жизни рывок: за борт.

Я едва успел вдохнуть поглубже.

Почти ледяная вода сомкнулась над нами, и мы камнем пошли на дно. Я рвался что было сил, но смертельно раненый громила, видимо, задался целью во что бы то ни стало прихватить меня с собой на тот свет.

Внутри всё скрутило до боли от невыносимого желания вдохнуть поглубже. Немудрено было просто впасть в панику.

Нож! Нож же!

Удар пришёлся по сухожилиям, и хватка ослабла. Достаточно чтоб вывернуться и оставить поверженного противника рыбам.

Пара рывков к поверхности, и я снова смог дышать. Это было такое блаженство, что я даже не сразу вспомнил что тут происходит. Зато этих мгновений хватило чтоб течение успело отнести меня вперёд, к носу нашего кораблика, за который я чудом успел зацепиться.

Бой над моей головой шёл полным ходом, а вот меня, похоже, сбросили не только за борт, но и со счетов.

Зря они это. Очень зря...

Отсюда хорошо был виден их главарь, действительно в одежде с Салливанова плеча. Он стоял на носу баржи, словно адмирал командующий штурмом. Это, к слову, было довольно странно для разбойничьего люда. Насколько мне раньше казалось, они больше напоминают звериную стаю, которая следует за сильнейшим. И этот сильнейший едва ли не первый лезет на рожон, иначе его просто перестанут уважать.

Возможно, я просто ничего не понимаю в разбойниках.

А возможно это не просто разбойники.

Пришлось вдохнуть поглубже и снова нырнуть, чтоб преодолеть расстояние между кораблями незамеченным. Сложнее всего было вынырнуть так чтоб не наделать лишнего

шума. За то теперь я прямо под ним. Была не была.

Берег по эту сторону баржи был пуст, тут уж удача была на моей стороне.

Пусть, если, конечно, не считать лежащие рядом тела.

Вот они, все двадцать человек. Сапоги и одежда сняты, тела вскрыты. Тут же стеклянные сосуды, в которых влажно поблёскивали добытые из трупов потроха.

Забытые Боги...

Наверное увидь я такое с часок назад — меня наверняка стошнило бы. Сейчас же я не почувствовал ничего кроме холодной ярости. Эта ярость заставила забыть об усталости, об окованных от плавания в ледяной воде руках. Она верно и бесшумно вознесла меня на нос корабля, прямо за спину потерявшему бдительность атаману. Пара кошачьих шагов, и сталь трофейного кинжала прижалась к пульсирующей артерии на его шее.

Мерзавец в первую секунду попытался дёрнуться, но добился лишь того что лезвие оставило глубокую царапину на незащищённой коже.

Запах крови. Её вкус. Алая пелена перед глазами. Рука напряжена, и всё существо требует нажать на лезвие сильнее. Сдерживать себя требует сил.

Этот человек не заслуживал ничего кроме расправы. Все они. И чем раньше тем лучше.

— Отзови своих, и будешь жить.

Зачем я говорю это? Это не то чего я хочу. Не то что стоило бы с ним сделать.

— Все назад! Опустить оружие! Отступаем! — послушно прокричал главарь.

Вошедшие в раж разбойники ступевались на мгновение, а заприметившие что происходит наши пошли в наступление.

— Я сказал «отступать!» — повторил главный. Голос его звучал убедительно, но я едва ли не кожей чувствовал его страх. — Кто ослушается, ни капли больше не получит!

Про что бы не шла речь, налётчики повиновались. Множество взглядов устремилось на нас. Нечто дикое, звериное было в этом, и ясно было как белый день что будь их воля, эта стая волков скорее порвала бы показавшего слабость вожака, нежели стала его слушать.

Однако, видимо, было какое-то «но». Какое?

И до того ли мне?

Я уже видел как Вилл перерубил одну из верёвок бортовым топориком. Остальные не заставили себя ждать.

— Чтоб меня в Бездну засосало! Это что, следопыт?! — прозрел кто-то из нападавших, видно рассмотрев мой кинжал.

— Да. И у меня нет на вас времени, — холодно предупредил я, сам почти безумно веря в этот новый блеф.

На сей раз дурная слава, которой окутали себя имперские следопыты, сыграла мне добрую службу. Речные пираты замерли в нерешительности, не представляя себе что от меня ожидать.

А баржа Чёрного пришла в движение. Абордажные мостки полетели в воду.

Не упустить бы момент...

— Пусть сваливают! — сдавленно проговорил мой пленник.

— Да с какого перепуга? — возмутился кто-то.

— С такого что сдохнешь в мучениях завтра к утру! Отступить, я сказал!

Скрипя зубами, ему вновь повиновались.

— Уберите нож, — глухо прохрипел главарь, так чтоб слышал его только я. — Именем Императора клянусь, я не знаю имен нанимателей, но всё расскажу, всё! Я лиц не видел, но

это было в корчме, которая в Стрилдинге! Искали исполнителей... да уберите же нож! Они...

В эту секунду корма нашего судёнышка уже проплывала мимо нас. Ещё минута промедления — и они уплывут без меня. Поэтому осёкшийся на полуслове главарь полетел в толпу своих подчинённых, а я — прыгнул за борт.

Пришлось выплыть подальше от берега, чтоб попасть в течение. Оно делало своё дело, но обрадовался я явно рановато. Холод сжал хватку почти насмерть, и с каждым ударом сердца шанс что ноги просто отнимутся становился всё реальнее и реальнее.

Иди наши полным ходом — не было бы никаких шансов их догнать.

Но они всё-таки ждали.

Обратно на палубу меня втащили мои же товарищи и лично капитан со старпомом. Все на вид в порядке, хотя явно побиты и поцарапаны.

— Жив? Цел? — спросил Михал.

— Вроде, — едва я успел это произнести, в доски кормы воткнулась горящая стрела. Ещё две с шипением исчезли в водах Бравоны. Чёрный с непроницаемым лицом поднял початый бочонок эля и робко разгорающееся пламя исчезло в потоке янтарного пойла.

— Все в сборе! — крикнул Михал. — Гребём отсюда!

Матросы, кто был в состоянии налегли на вёсла.

Что до меня, то я просто облегченно растянулся на палубе, пытаюсь поверить что все позади.

— Ну ты отчаянный! — с уважением сказал Зак.

— Сам не ожидал, — рассеянно ответил я, отмечая, что темнеет уже, и небо такого фантастически глубокого серого цвета, что в нем запросто можно утонуть. Наверно пойдёт дождь. Определенно пойдёт. А холодно-то как...

— Держи. Тебе надо, — Вилл настоятельно вручил мне в руки фляжку с джином. — Иначе сам дуба врежешь от холода. Ещё чего не хватало...

Спорить с ним не было резона. И алкоголь пришёлся как нельзя кстати. Во всяком случае меня перестало трясти, а расщедрившийся Михал выдал мне капитанское шерстяное одеяло — отогреться.

Бравона быстро уносила нас прочь, оставляя место стычки позади. Стрелять в нас, конечно, стреляли, над водой то и дело разносилось громкое требование поджечь корабль, но Чёрный с его верным бочонком были на страже, а стрелы все реже достигали цели.

Потом всё стихло.

Остались только голоса суетящихся на палубе своих.

— Мы выбрались! Выбрались! Поверить не могу!

— Вот мрази... Откуда они здесь?! Десять лет тут тишь да гладь была...

— Отри! Отри! Помогите, кто-нибудь! Он же умрёт!

— Парень, ему стрелой лёгкое пробило навывлет. Он мёртв.

— Нет! Нет!!! Он же дышит! Он ведь ещё дышит, правда?...

— Продолжаем грести вперёд! Нужно убираться отсюда скорее!

— Капитан, раненые!

— АААА!!!

— Идиот, не трогай стрелу! Кровотечение откроешь! Это не так делается! — это, кажется, Вилл.

— Проклятье... Капитан! Тут целитель нужен! Йору и Лейфу так точно!

— Отлично, Флеминг, значит иди и гребь, мать твою, вместе со всеми! — а это уже Чёрный. — И вы тоже не стойте столбом! С ранеными осторожно! Кто хоть что-то соображает во всём этом лекарском дерьме — быстро сюда, остальные — на вёсла! Гребём отсюда! Отоспимся в Тэйл-Бэй.

— Нужно ещё фонарей на нос! Ещё полчаса и темно будет хоть глаз выколи!

— Это чистое самоубийство ночью тут плыть...

— Салага ты зеленый! Михал и Черный с закрытыми глазами могут по этой реке пройти до самой плотины...

— Выгребаем, выгребаем, не отвлекаемся! Нас так на середину реки вынесет!

— Эй, скорняк! Эй!

Меня, кажется, трягнули за плечо. Кто-то из матросов, не то Марвин, не то Мартин... У него, кажись, в этой свалке рукав рубахи оторвался.

Вот чего он меня трясёт? Чай не белошвейка. Да и не время сейчас...

— Вилл просил сказать что твоя помощь нужна, — Марвин указал в сторону мачты где уже укладывали пострадавших.

Я только кивнул, поднялся и как в тумане побрёл в указанную сторону.

Мыслей в голове не было никаких, только звенящая, почти блаженная пустота. Правда продлилась она недолго, стоило мне только увидеть истинные последствия стычки. Тела убитых. Четверо. У одного из них заливается слезами наш юнга.

А вот и раненые. Семеро. Двое на вид совсем плохи, остальные, во всяком случае, находят в себе силы язвить и отпускать неуместные шуточки боли вопреки. Тут же над ними хлопочут Михал, Вилдар с Заком на подхвате, и ещё двое ребят поцелее из тех что поцелее.

— Ты как, отогрелся? — спросил Вилл, непривычно сосредоточенный и серьёзный.

Я рассеянно кивнул.

— Шить сможешь?

— Смогу, — ответил не колеблясь, всё ещё подсознательно уверенный в том что речь, конечно, идёт о рубашке Марвина.

— Тогда тащи иголку и нить потоньше. Мужики, давайте сюда джин! И вообще всё что есть крепкое спиртное.

Пока я копался в собственных вещах в поисках скатки с иглами, до меня стало, наконец, доходить что он имеет в виду.

Бездна...

«Вилл, ты с ума сошёл?! Скорняжное дело и хирургия это две разные вещи! Я ведь понятия не имею как будет вести себя живой материал! Если я сделаю что-то не то? Это же больно! Им и так больно! Вилл! Вилл, мы не целители! Мы щас лезем в то, в чём не понимаем! Нужен кто-то знающий, не мы! Вилл! Если мы сейчас окончательно их погубим?! Это же не шутки какие...»

Примерно это мне хотелось ему высказать, встряхнув при этом хорошенько.

Вместо этого я уже протирал руки по локоть креплёной настойкой, а самая тонкая из прихваченных с собой игл и хлопковая нить отмокали в чарке под рукой. Запах спирта стоял такой, что от одного него впору было опьянеть, а множество царапин, неизменных спутниц всякой драки, немедленно как огнём обожгло.

Прямо передо мной возлежал на тюфяке и матерился на чём свет стоит задира Тимш, которого кто-то из нападавших успел полоснуть ножом по груди. Удар был размашистый, вспоровший кожу и плоть от плеча до низа живота. Выглядело жутко. Мне потребовалось

время чтоб взять себя в руки.

Спокойно. Присмотрись, эта рана не так страшна, брюхо-то цело! В этом ему несказанно повезло, чего не скажешь об остальных. Это поправимо. Это заживёт. Обработать, зашить и успокоиться. Ты справишься. Ты сделаешь это. Ты должен.

— Вилл, что дальше?

— Берёшь иголку с нитью и сшиваешь рану по краям, — почти огрызнулся Вилл, склоняясь над парнем со стрелой в ноге. — Тебе должно быть виднее, ты ж...

Он с явным усилием заставил себя проглотить конец фразы, неопределённо махнув рукой.

Кто «я ж»? Ремесленник? Следопыт?...

— То есть ты сам раньше этого не делал?

— Я видел как это делают целители пока в лазарете лежал. Тебе нужно промыть рану джином и сшить.

— Джином? Ты уверен?

— Если сомневаешься, возьми виски.

— Да лей уже и покончим с этим! — просипел Тимш.

— Ладно, — я сделал глубокий вдох, смиряясь с неизбежным. — Парни, держите его крепче, чтоб не дёргался. Не хватало ещё ткнуть иголкой не туда.

Настойка ручьём побежала по ране, омывая её края. Задира орал так, словно его уже резали живьём, а когда дело дошло до шитья, к крикам прибавился ещё и отборный мат. Тимш песочил на чём свет стоит весь мой род до седьмого колена, и сулил таким количеством изошрённых расправ, что я до этого за всю свою жизнь в свой адрес не слышал.

Ну и чёрт с тобой, ругайся сколько влезет. Видимо, так проще боль переносить. Живи главное.

Шов прокладывал осторожно. Старался как мог совмещать разорванные ткани, не представляя себе сработает ли это, и стоит ли вообще этим заниматься? Получалось всё одно абы как. К такому жизнь меня не готовила, и руки, не до конца отогревшиеся после безумного заплыва в холодной воде, теперь сводило от напряжения. Вдобавок сам Тимш ещё и дёргался, даром что его держали три человека.

Рядом вопил бедолага простреленной ногой. Сосредоточенный, но явно нервничающий Вилл перетянул бедро раненого ремнём и как раз сейчас проталкивал уже подпиленное древко вперёд, через сквозную рану.

Это зрелище меня слегка утешило: рана без обломков, и на том спасибо. Как не крути, а моя часть работы всё же не совсем чуждая. К концу шва я даже приноровился к ней, и дело пошло быстрее.

— Всё, готово! — не припомню чтоб когда-либо завязывал узелок с таким облегчением. — Что там дальше, Вилл?

— Вроде как чистой тряпочкой прикрыть и оставить отдыхать, — ответил тот, несколько ошалело глядя на следующего пострадавшего. — Честно, хоть убей не помню надо ли ещё сверху лить спиртыгу или нет.

— Только капли на меня ещё раз этой дрянью, и я тебе челюсть выбью к чертям! До конца жизни с перекошенной мордой ходить будешь! — посулил Тимш.

— Непременно выбьешь, — я всё-таки прошёлся по шву смоченной джином тряпицей прежде чем положить сверху отрез чистого льна. — Только срастись сначала, а то шов лопнет, и выйдет что ты страдал напрасно.

— Вот же ты паскуда... — поморщился Тимш, но кто-то из товарищей поспешил оттащить его в сторону, давая подступиться к следующему раненому. У этого мясо на руке было рассечено почти до кости. Боги... Это посложнее будет.

— Я придерживаю, ты сшиваешь, — деловито произнёс Михал, устраиваясь рядом. — Твоя задача чтоб хоть как-то продержалось до утра.

И мне ничего не оставалось кроме как приступить к делу.

...В какой-то момент я потерял счёт времени. Сколько мы с ними возились? Вроде старались делать всё как можно быстрее, а ощущение было что это не кончиться никогда.

Рана, ещё одна, ещё... Я даже не уловил в какой именно момент снова приложился к фляжке с пойлом. Алкоголь, как не странно, оказался кстати. Напряжение притупилось, мысли тоже, и вместе с пришедшей в тело лёгкостью появилось некоторое странное отрешение.

Я просто делаю то что могу. Если не сделаю — будет хуже. Рано или поздно мы доберёмся до города, и там уж местный целитель возьмётся за дело. Перешьёт, если надо будет. А это... это просто очередная работа. Чуждая и неприятная, но кто-то же должен её сделать?...

Пока мы пытались помочь тем кому ещё можно было помочь, Зак поил водой двух наших тяжелораненых. Один из них, Йор, бредил, а второй, парень по имени Лейф, сначала только тяжело дышал, а затем, собравшись с силами, тихо произнёс:

— Трубку...

Михал мгновенно раскурил свою и передал её товарищу. Закари аккуратно подложил под голову Лейфа свёрнутый плащ, и тот блаженно затянулся. Хватило его вдоха на три, после чего он затих.

— Ещё жив, просто сознание потерял, — пояснил Зак проверяя пульс.

— И вряд-ли в него придёт уже, с пробитым-то пузом, — мрачно ответил Вилл. — Я такое видал уже, когда служил у Лузиньяна. Лейф не жилец. И Йор, к сожалению, тоже. В лазарете, под присмотром хороших целителей у них, быть может, был бы небольшой шанс. Но не здесь. Мы ничем не можем помочь.

Ничем не можем помочь.

Да сколько можно?! Почему в этом проклятом мире чуть что — так сразу «ничем не можем помочь»!?

Почему я никогда раньше не интересовался медициной?

Почему я ничего не понимаю в алхимии?

Почему младшему сыну егеря дано с рождения исцелять прикосновением, а мне — нет?! Где это хвалёное семейное могущество? От чего оно не просыпается во мне когда оно так нужно?...

Уцелевшие члены команды гребли что было сил, напевая всеми любимую песню про пьяного матроса, но звучала она не задорно, как обычно, а напряжённо и тихо. Тимш метался на лежаке и требовал чтоб они немедленно заткнулись, но его мольбы остались без внимания. Я же догадывался что побитые и смертельно уставшие соратники нуждаются в пении просто чтоб не заснуть.

За то смертельно бледный Йор в бреду пел вместе с ними. Тихо, едва шевеля губами, но пел, вопреки подступающему концу. Я слышал его сбивчивый шёпот и думал, что может Вилл ошибается? Может он всё-таки дотянет до города? Может быть его еще удастся спасти?...

Это так странно... Йор мне никто, мы едва ли десятком слов перекинулись за всё это время. И тем не менее я отчаянно хотел чтоб он выкарабкался. Победил чёртов злой рок, оставил старуху-смерть ни с чем. И жил дальше. Жил, а я мог потом говорить всякому кто теряет надежду: чудеса случаются. Случаются! Бывает на свете так что происходит невозможное!

Но Йор вскоре затих, слегка приоткрыв глаза. Они уже никуда не смотрели, и больше походили на две намокшие стекляшки. На правый даже налипла упавшая ресница, почему-то отчётливо врезавшаяся в память. По его телу последний раз пробежала лёгкая судорога, и больше он не шевелился.

— Отмучился, — сказал Вилл, укрывая тело Йора куском холста.

Отмучился...

Лейф перестал дышать немногим позже. К тому моменту я уже сменил кого-то на вёслах в надежде на то что гребля как-то поможет забыться. Весть эту принёс непривычно печальный Зак, так же решивший что с него хватит медицины на сегодня.

— Мы там твой арбалет нашли, — добавил он тихо. — Он чудом за борт не улетел. Мы с ребятами его на место вернули, вместе с самострелами. Ну, чтоб у других вопросов лишних не возникало.

— Спасибо, — ответил я, уже догадываясь какие вопросы возникли у них самих. Да и вообще у всех кто был на борту. И позже мне их непременно зададут. Вот только что им ответить?...

Ночное небо слегка просветлело, когда вдали показались огни пристани Тэйл-Бэй.

Мы добрались. Даже не верилось. А казалось эта ночь никогда не закончится.

Закари выскочил на пирс едва ли не на ходу, и, пока остальные пришвартовывали баржу, он уже скрылся за поворотом улицы.

Вернулся он довольно быстро, ведя с собой целую толпу человек в десять, все в накидках храмовых целителей, которым я сам, забыв обо всякой осторожности, сбивчиво пытался объяснить что-то про разбойников и кривые швы. Помню, пожилой лекарь с аккуратной бородкой оборвал меня на полуслове и посоветовал идти и проспаться для начала, а утром — заглянуть в лазарет, где он с удовольствием выслушает подробности происшествия. А за одно — оторвёт мне руки за самодеятельность.

Потом помню как мы с Виллом облегчённо упали между ящиками, наблюдая как братья милосердия перекладывают наших раненых на носилки и тащат прочь.

Теперь это была не наша забота.

— Доброй дороги, Йор! И тебе, Лейф, хоть и был ты изрядной заразой, — сказал Вилл проливая несколько драгоценных глотков джина из фляжки прямо на палубу. «Богам», как говорили встарь. Ещё одна так и не изжитая Империей традиция.

За тем он приложился к флягу сам, и передал его мне.

Теперь в ясности рассудка больше не было смысла, и я позволил алкоголю просто забрать меня прочь.

Я не чувствовал больше ни угрызений совести, ни тревоги, ни гнева.

Я не чувствовал ничего, даже желания найти угол поудобнее.

Потом. Потом со всем этим разберусь, когда проснусь.

Если проснусь.

Впрочем и на это тоже уже наплевать.

...почему они орут так громко? Каждое слово отдаётся в голове вспышкой боли. Пожалуйста, заткнитесь, или отойдите отсюда подальше. Или добейте меня на худой конец, раз уж поспать мне всё-таки не светит. Я ведь и дремал-то всего ничего. Мутит, и сны бессвязные, как в бреду. В горле пересохло, и такое чувство, что я вот-вот выплуну собственный желудок. И голова раскалывается так сильно, что хочется снять ее с плеч и выкинуть подальше.

— ...тогда в общем драка завязалась, и они на нас попёрли как оголтелые...

Светло. Серо, моросит, но светло. Свет этот втыкается в приоткрытые глаза словно нож, заставляя срочно зажмуриться в поисках спасения.

Забытые боги, как хреново-то.... Это от чего? От волнения? От недосыпа? Нет головные боли у меня и раньше случались, но вот так, чтоб жить не хотелось — ещё ни разу...

А, вспомнил. Джин! Мы с Виллом на двоих допили проклятый джин!.. Это, стало быть и есть то самое похмелье от которого все так страдают? Если да, то я ничего в жизни не понимаю. Зачем? Зачем вообще пить, если на утро с тобой будет вот такое? Да чтоб я ещё хоть раз...

— ...ну мы клювом щелкать не стали, пока он атаману ихнему кинжалом угрожал, по быстрому порубили абордажные тросы и отчалили...

Кажется, это опять этот самый Марвин. Или Мартин. Или как его там...

Кому он всё это рассказывает, интересно?

Спина затекла и ныла. Пошевелиться было сложно, да и по чести говоря, не очень хотелось. А хотелось только чтоб Мартин заткнулся со своими рассказами, и не мешал спать. Или хотя бы просто не шевелиться в блаженной тишине. Тут, конечно, сыро и жёстко, но я не променял бы сейчас этот угол даже на царские хоромы, хотя бы и потому что переползти в них стоило бы невероятного количества сил и мучений. А тут вроде как даже уютно, что-то тёплое рядом... а, точно, это же Вилл. Интересно, он вообще как?...

— ...потом всю оставшуюся ночь гребли как проклятые. И вот мы здесь.

— А этот ваш «герой дня» где?

— Да вон он, спит ещё наверное.

Кто это? Не наши. Голоса незнакомые. Да и тон такой... характерный такой тон... где я такой слышал?

— Ясно, мистер Грин. Благодарим вас за подробный рассказ. Можете быть свободны.

...о, точно. Должно быть городская стража.

Интересно, насколько всё плохо? Доходила ли до стражи разрядка на меня? И если да, они ведь не откажут мне в такой малости как отрубить голову не сходя с этого места? Это почти невыносимо...

— Эй, парень, просыпайся! — меня даже слегка попинали сапогом для пущей убедительности. Удар был лёгкий, но бедной больной голове хватило и этого.

— Чего вам? — я всё-таки пересилил себя и приоткрыл один глаз. Вот ведь мудака кусок... почувствуй я себя хоть на гран лучше, я не поленился бы отбить кое у кого желание злоупотреблять полномочиями раз и навсегда. А так... не сейчас. Пёс с ними. Лишь бы ушли

поскорее.

— Тобеас Петерс, капитан городской стражи, — представился невысокий человек в кольчуге с характерной котой поверх неё.

— Юрген Беккер, старший лейтенант берегового патруля, — сказал его спутник, моложе первого лет на десять, в другой коте. — Как ваше имя?

— Джон Смит, — привычно соврал я. Теперь главное было не забыть откликаться на это имя.

— Мистер Смит, если мы все правильно поняли, вы тот человек который фактически решил исход дела.

— Мне просто повезло вовремя свалиться за борт, сэр.

— И тем не менее, — взгляд, которым одарил меня капитан Петерс был преисполнен характерного презрения ко всяким невнятным похмельным матросам рано по утру. — Вы видели главаря этой банды вблизи.

— В основном с затылка, сэр, но да. Видел.

— Можете помочь составить словесный портрет?

— За чарку с водой — всё что угодно.

— За две, — простонал Вилл, с великим трудом приподнимаясь на локте.

— Ясно всё с вами... — почти брезгливо произнёс стражник и отвернулся в сторону. — Эй, мистер Эйнсли! — мы с Виллом как по команде сжались от нового спазма головной боли. Чего он так орёт? Бьюсь об заклад что специально! — Мистер Эйнсли, у вас есть час на то чтобы привести ваших людей во вменяемое состояние, дабы они могли адекватно отвечать на вопросы.

— Вы смеётесь, сэр? — не очень-то почтительно (и столь же громко) отозвался Чёрный. — За какой, к демонам, час? Дайте людям поспать нормально, и они вам расскажут всё что захотите, и даже больше! Мы между прочим всю ночь глаз не сомкнули!

— И пили не просыхая, — язвительно бросил лейтенант патруля.

— Мистер Эйнсли, береговой патруль должен был отправить карательный отряд ещё на рассвете! — капитан Петерс, видимо, даже не собирался сбавлять тон. — А без внятных показаний это не имеет смысла. Вряд ли эти ваши бандиты остались дожидаться прибытия дозорных. Мы должны представлять кого мы ищем. Так что через час жду вас и всю вашу команду в патрульной управе. Не явитесь — пеняйте на себя: я вам устрою обыск корабля, в присутствии представителя Гильдии. Бьюсь об заклад, мы найдём очень много интересного если возьмёмся. Не испытывайте судьбу, мистер Эйнсли. Время пошло!

Ушли. Боги, наконец они ушли и перестали орать! Я сейчас даже осилю встать на ноги ради такого счастья, не знаю уж как, но осилю! Обыск, ещё чего не хватало! У Чёрного неучтённого товара воз и маленькая тележка, а ещё — бывший инквизиторский конь с клеймом и мои сомнительные трофеи.

Кстати о коне. Он ведь перепугался, бедняга, а мне этой безумной ночью не до него было. Надо встать. Проведать. Дать ему яблочек. Сейчас. Сейчас я поднимусь. Только пять минут посижу. Всего пять минут...

— Эй, вы как, бедолаги? — перед нами возник наш приятель-менестрель. В отличии от нас он был свеж и бодр, чем невольно вызывал раздражение и зависть.

— А то сам не видишь, — огрызнулся Вилл вторя моим мыслям.

Зак усмехнулся и протянул ему увесистый бурдюк. Вилл недоверчиво принялся к содержимому, а за тем припал к нему с такой жадностью, что я на секунду заподозрил что

мне ничего не достанется.

И зря.

Во фляге плескался божественно кислый, пряный рассол из под каких-то овощей. Кто бы мог подумать, оказывается нет на свете ничего желанней и вкусней! Уже с первого глотка внутри всё словно ожило. Ещё, ещё, ещё, дайте ещё! Я не помню когда в последний раз чувствовал такое блаженство.

— Спасибо, дружище. За мной должок, — искренне поблагодарил Вилл.

— Я сразу подумал что утром вас придётся спасать, — Зак с лёгкостью уселся на бочку с соленьями. Подумать только, вроде такая малость, а раздражение немедля сменилось благоговейной благодарностью, а сам Закари виделся теперь едва ли не ангелом из храмовых притч, сошедшим с небес. — Давайте, прочухивайтесь уже. И если это вас утешит, то как уладим дела — нас ждёт тёплый очаг на постоялом дворе. Михал уже обо всём позаботился, даже коня твоего горемычного в тамошние конюшни отвёл.

— А Бонза где? — спросил я. — Ему же нельзя перед стражниками мелькать.

— Да что ему будет? — беззаботно сказал наш менестрель. — Слиял с корабля ещё до того как я целителей притащил. А сейчас он в гостинице дрыхнет как ни в чём ни бывало. Так что дела у него получше нашего будут.

— Да уж... Не было печали... — Вилл медленно, с явным усилием поднялся на ноги. Я последовал было его примеру, но в глазах тут же потемнело, и меня едва не вывернуло. Каким чудом я успел уцепиться за край ящика и не упасть — одним богам ведомо.

— Совсем хреново? — сочувственно спросил менестрель.

— Твою ж мать... Он ж у нас идейный трезвенник! — прозрел Вилдар. — Вот же пропасть... Зак, тащи сюда воды. Придётся спасать парня.

Под «спасением» гордый сын ренских рыбаков имел в виду суровое промывание желудка. Процесс не из приятных, но сработал он верно. Дурнота отступила, даже задышалось нормально. Осталась только головная боль, которая так и продолжила словно огромный гвоздь вбиваться в череп при каждом громком звуке или резком движении.

И тем не менее, я снова мог стоять на ногах и смотреть по сторонам.

Итак, вот мы и прибыли. Значит этот насквозь провонявший рыбой порт и есть тот самый городок Тэйл-Бэй, предел наших мечтаний в последние три дня? Какой же он на самом деле мрачный и убогий... Деревянной набережной на вид лет больше чем мне раза в два. Доски серые, с характерными потёками ржавчины от древних железных скоб. Всё отсыревшее и гнилое, и судя по всему портовое начальство это обеспокоит только в тот момент, когда вся пристань просто обвалиться у кого-нибудь под ногами. Прилегающие к берегу амбары и склады были под стать: такие же ветхие и неухоженные. Кое-где, правда, виднелись следы ремонта, но и они больше напоминали неумело пришитые на рубище бедняка заплатки, и положение не спасали. Видимо управляющий порта решил что и так сойдет.

Народу на пристани было немного: пара стражников старательно делала вид будто неусыпно бдит за нашей баржей, побитые жизнью работяги вяло коротали рабочий день под навесом у одного из амбаров да одинокий старик удил рыбу в лодке недалеко от берега. Ещё была пара вульгарно одетых девиц не первой свежести. Дамы с явным интересом пялились в сторону пирса, видимо прикидывая на глаз нашу платёжеспособность.

— Лучше? — спросил Вилл.

— Ощутимо. Спасибо, ребят.

— Да нормально, не ты первый такой, и не ты последний. Единственное что тебе в следующий раз стоит начинать с порций поменьше. И не на пустой желудок.

— Я после такого лучше вернусь к идее не пить вообще.

— Ну, удачи тебе с этим, — хихикнул Зак. — Пойдём. Наши уже выдвигаются.

Логову берегового патруля повезло больше чем пристани: это было целое подворье в которое входили управа, казармы, конюшни, тренировочная площадка, медицинское крыло и даже купальни. Одним словом — ощущалось, насколько высшая имперская власть заинтересована в людях, охраняющих одну из важнейших торговых артерий страны.

Весь этот комплекс скорее напоминал маленький форт, ещё и вполне способный держать оборону в случае чего. Наверное здесь это было оправданно, пусть и непривычно до жути. В ближайших к Столице владениях, (а то и во всех землях Хартлэнда) проблемы междоусобиц не стояло уже лет сто: пэры давно приучились решать споры более тонко и между собой, а если кто и пытался махать кулаками, то Легион очень быстро появлялся у места конфликта и расставлял точки над «и». А здесь, в глуши, это было более чем оправданно, особенно учитывая насколько далеко сюда придётся тянуться карающей длани Императора случись что.

— Эх. Надёжнее б было тебя на постоянный двор отослать, — ворчал Чёрный, пока мы всей командой пересекали внутренний двор.

— Лишнее, капитан, — я потирал висок, словно это хоть как-то могло помочь. На фоне головной боли меня уже мало волновало, опознают меня или нет. — Всё равно они меня уже видели, и благодаря Мартину...

— Марвину?

— Да-да. Благодаря Марвину знают в подробностях что там произошло. Если после этого я начну от них прятаться, вот тогда это действительно будет подозрительно, вам не кажется? Тем более у меня есть что им рассказать.

— То есть полагаешься на «авось»? — неодобрительно поморщился Эйнсли. — Ну, смотри сам. Не знаю и знать не хочу что ты там на самом деле натворил, но мне не нужны неприятности.

— Никаких неприятностей не будет, сэр, — отвечал я. — Вы ведь и правда ничего обо мне не знаете, и преступления в том что вы взяли меня на борт никакого нет. Если вас спросят кто я такой, просто рассказывайте правду, и дело с концом.

— Я, должно быть, произвожу впечатление законченного проходимца, но ты будь уверен, свой кодекс чести есть и у меня, — ответил капитан. — И меньше всего мне нравится идея прилюдно отречься от человека, которому я обязан собственной шкурой.

— И тем не менее отрекайтесь если потребуется, мистер Эйнсли. Я точно так же меньше всего желаю втягивать в неприятности вас. Но, может статься, пронесёт. К тому же если меня и ищут, то не в этой дали и уж никак не светские власти.

— Вот это-то и пугает больше всего, — едва слышно проворчал мой собеседник и толкнул дверь.

...Просторный холл управы украшало знамя баронского берегового патруля: синезелёное полотнище, разделённое сверху вниз белой полосой, символизирующей реку, а поверх вышиты щит с имперским гербом и два меча за ним — общепринятая символика

стражей порядка.

Стяг этот делал атмосферу в зале чуть более торжественной. А вот громко орущий Чёрный — скорее наоборот.

— Я — честный человек, и, как и все, плачу чёртовы налоги! — он яростно тыкал пальцем в грудь невозмутимо стоящему напротив него офицеру патруля, представителю мужчине с идеальной выправкой и выдающимися усами. — Плачу, демоны вас раздери, именно для того чтоб вам и вашим соратникам выплачивали жалование! И что в итоге?

— Утомитесь, мистер Эйнсли, — холодно отвечал офицер. — Я прекрасно вас слышал с первого раза. Карательный отряд уже готов к отправке. Ждём только ваших показаний.

— Да уж, лучше поздно чем никогда! — ядовито бросил капитан. — Только Генри Салливану и его людям это уже не поможет.

— Мистер Эйнсли, — предупредительно рыкнул уже знакомый нам Тобеас Петерс. — Если вы не можете сообщить нам ничего нового, то не мешайте своим людям, — он обвёл нас строгим взглядом. — Итак, господа, а теперь я попрошу вас высказываться спокойно, по очереди, не перебивая друг друга, и желательно — по существу. Капрал, записывайте!

— Да, сэр! — отозвался сидящий за столиком юноша и обмакнул перо в чернила.

— Во первых и в главных, нападающие явно были под какой-то дурью, — спокойно начал Вилл. Ей-богу, на фоне разбушевавшегося капитана он выглядел настоящим оплотом здравомыслия. — Шли в атаку агрессивно и неосторожно, а ещё, похоже, не чувствовали боли. Один даже с топором в боку продолжил драться, и продержался неестественно долго.

— Да, было такое, — подхватил Зак. — Я лично воткнул нож в какого-то мудилу, а тот ещё долго не замечал что случилось. А потом капитан его за борт толкнул.

Остальные согласно загалдели, наперебой пытаясь выложить правосудию собственные подробности. Я невольно зажмурился от очередной вспышки боли.

— Почему вы так уверены что именно под дурью, а не пьяны, например? — уточнил патрульный.

— Знаете, видал я за свою жизнь немало хмельных бойцов, и эти больше всего походили на людей нализавшихся Йормаркской настойки на мухоморах, — Вилл скрестил руки на груди. — От неё так бывает что ты и на рожон лезешь, и боли не чувствуешь, а потом, как попускает, ещё пару суток жалеешь что на свет родился.

— Откуда такие познания? — поинтересовался капитан Петерс.

— Два года служил в Легионе, — коротко ответил Вилл.

Ответ был исчерпывающий.

— Ещё была другая странность, — подал голос я. — На счёт тех ребят, которых ограбили до нас. Их вскрыли и органы вытащили. Причём не просто выгребли наружу, а разложили по сосудам, насколько я смог рассмотреть.

— По сосудам? Вы уверены?

— В деталях полюбоваться не вышло, но я, считайте, носом в это воткнулся когда выплыл. Тут волей-неволей запомнишь всё в подробностях.

— Это уже кое-что, — офицер переглянулся с капитаном стражи. — Человеческие органы широко используются в алхимии. Стоят изрядно, и на них всегда спрос.

— И что? — возразил Петерс. — Это вполне могут быть просто предприимчивые головорезы с выходом на чёрный рынок.

— Кстати да! — припомнил Зак. — Их главарь им сказал: «не капли не получите и

сдохнете». Или что-то вроде этого.

— Вот как? — патрульный задумчиво пригладил усы. — Что ж, это уже интересно.

— Что вам интересно?! — вклинился Чёрный. — Нам вот, например, интересно не было. Мне сегодня ещё из за вашей халатности семерых хоронить! Где я, по-вашему, должен найти разом столько денег чтоб оплатить похороны?!

— Мистер Эйнсли! Ещё слово и я попрошу вас подождать ваших людей за дверью! — процедил патрульный. — Что ещё, господа?

— Ещё он нёс некую пургу про то что его якобы наняли для этого дела, — продолжил я. — Что он де не знает имён и лиц, но клялся что расскажет всё что сможет.

Теперь на меня с громаднейшим интересом смотрели уже все, включая моих же товарищей.

— Это когда ты ему горло чуть не перерезал было, чтоль? — ошарашенно уточнил Марвин.

— Зря не перерезал, — серьёзно ответил офицер. — Этот человек явно вне закона, то есть за его убийство вам полагалась бы премия.

Премия... Да даже и без неё я бы сделал это, и совесть бы только одобрила. Но я дал ему слово что сохраню его жалкую жизнь, а моё слово всё же кое-чего стоит. Он выполнил свою часть сделки, а я — свою.

Петерс нахмурился и посмотрел на меня в упор.

— Итак, мистер Смит, вернёмся к тому что вы видели их главаря вблизи.

— Видел, сэр.

— Можете его описать?

Я честно порылся в готовой расколотся надвое голове, тщетно подбирая слова.

— Ну... у него нос такой, крупный, немного кривой; и зенки бегающие, мелкие... такие... хм...

Нет, это бесполезно. Непосильная для похмельного задачка, словесный портрет составлять. Благо есть другой способ.

— Сэр, может лучше я просто нарисую как помню? Думаю, толку будет больше.

— Это было бы очень кстати, — с некоторым облегчением ответил усатый. — Вас устроят бумага и грифель?

— Более чем.

Портреты — это не моё. Вот Бригги умела, и очень хорошо. Но сейчас о художественной ценности речи не шло. Я старательно набрасывал по памяти черты лица, такими, какими успел запомнить, а команда во главе с Чёрным столпилась вокруг, излишне громко комментируя под руку:

— Нос похож, ага! Он вот такой у него и был, на спелую клубнику похожий!

— Точно! А брови погуще были.

— Да не, не! Брови самое оно!

— Не знаю за брови, но вот глаза точно такие, маленькие и мутные.

— И это, патлы у него рыжие с проседью. И усы такие тонкие, борода жидкая... Да не такая, длиннее!... Вот! Вот так лучше!

— Да, вот теперь и правда похож, — Чёрный посмотрел на получившийся портрет так, словно признал врага и уже готов был порвать его на клочки. — Я-то хорошо его разглядел, подонка...

— Ещё у него на левом ухе крупная круглая бородавка, — припомнил я, передавая

получившийся портрет стражу порядка. — Само ухо когда-то было порвано, а потом криво срослось. Ну и да, у него теперь порез от ножа на горле. Не слишком серьёзный, но метка верная.

— Следовало ожидать, — фыркнул патрульный, делая пометки прямо на портрете. — Ну как, капитан? Узнаёте?

— Похож на Хьюго Роджерса, который «Алхимик», — удивлённо ответил Петерс. — И улики к тому сводятся. Теперь ещё интереснее. Что он делает в наших краях?

— Вот и я об этом, — согласился офицер и вновь окинул нас взглядом. — Что ж, господа, благодарим вас за содействие следствию! А вы его оказали немалое. Сейчас можете быть свободны, однако мы настоятельно просим вас не покидать город до возвращения патруля. Возможно потребуются опознать арестантов.

— Свободны... — ворчал Эйнсли по дороге назад. — Кто свободен, а кто-то ещё пошёл на счёт отпевания договариваться! Не дай Император Гильдия зажмёт денег на похороны!...

— Дружище, прости за прямоту, но ты — дурак, — тихонько сказал Вилл поравнявшись со мной.

— Спасибо, я знаю, — ответил я.

— ...и теперь тебя здесь долго не забудут, — продолжил он. — Парней со шрамом на лице на свете много, а вот рисовать умеют далеко не все.

М-да... И правда дурак, ничего не скажешь... Проклятая головная боль!

— Ну что ж... Во всяком случае меня не одного повесят, а всю эту шайку за одно.

— Ага. Только их-то и правда повесят, а вот тебя перед этим, если я все правильно понимаю, ещё и выпотрошат в подвалах, так что будешь завидовать висельникам. Если только ты на самом деле не следопыт под прикрытием.

— Нет. Это точно нет.

— Тогда мы жаждем подробностей, — сказал Зак.

— Они в основном унылые и не очень оригинальные, — неохотно ответил я. — Баллада выйдет с очень заезженным сюжетом.

— Тоже мне отмазка! — с усмешкой сказал менестрель. — Знаешь почему сюжеты становятся заезженными?

— И почему?

— Потому что людям они близки. И про любовь неразделённую — запретную, что про ратные подвиги, героические походы, возмездие всяческим сукиным сынам и прочее в этом духе. Сколько их не сочиняй, народ всегда будет хотеть ещё, ещё и ещё! И я тебе зуб даю, что до самого скончания времён эти старинные сюжеты не перестанут трогать людских сердец по одной простой причине: в них — отражение их жизни, такой какая она есть. Ну или такой, какой они хотели бы видеть. Так что...

— ...так что ты от меня не отстанешь, — догадался я.

— Не совсем, — усмехнулся Вилл. — Мы оба не отстанем. Ну и Бонзе, я думаю, будет интересно.

— Ладно, ладно, сдаюсь. Только ради всего святого, не здесь!

— Дык, гостиница уже ждёт! — бодро сообщил Закари. — Можно неистово есть и спать хоть три дня к ряду, пока патруль не вернётся.

— Да. Но перед этим есть ещё одно важное дельце. Зак, ты же знаешь где здесь лазарет?

...

— Ну что вам сказать, — пожилой целитель смерил меня суровым взглядом, словно я пришёл к нему на экзамен не выучив ни строчки. — Для человека не проходившего никакого обучения зашто неплохо. Я, сказать по чести, ожидал худшего. Вы случайно не цирюльник?

— Скорняк, — ответил я.

— Скорняк? — усмехнулся старик. — Забавно. Так или иначе это многое объясняет. И не отменяет того факта что с профессиональной точки зрения всё сделано было из рук вон плохо. К счастью для вас, правда, ничего непоправимого, но ваши товарищи имеют полное право поминать вас недобрым словом.

Я махнул рукой.

— Ладно, пусть поминают. Главное что есть кому. Скажите лучше, а что именно было не так?

— Не считая того что вообще полезли в открытую рану с иглой какого-либо без опыта?

— Да.

— Ну-с... основное — это то что вы пережгли мягкие ткани этим вашим пойлом. Видите ли, у любого живого существа под кожей — живой, а не дубленой, как вы понимаете — всё очень нежное и уязвимое. И если перестараться с вот такими вот промываниями, то верхний слой тканей отмирает. Как следствие: всё срастается намного дольше. И причиняет больший дискомфорт.

— А как было правильно?

— Правильно было сначала промыть рану теплой кипяченой водой, а потом уже — РАСТВОРОМ этого вашего алкоголя. А не в чистом виде его лить. Хотя в идеале стоило бы использовать не алкоголь, а винный уксус, опять же, слабый раствор оного.

— Ну тут извините. Что было под рукой.

— Тогда я бы вам посоветовал на всякий случай прикупить себе бутылёк у аптекаря. У уксуса расход меньше чем у этого вашего джина, даже с учётом того что и то и другое нужно разбавлять. Ну и в крайнем случае, если совсем уж ничего нет, то рану стоит прижечь раскаленным железом. Я сам этот метод не рекомендую, но в иных ситуациях он лучше чем ничего. Поверьте, лучше потерпеть боль, чем потом умереть в мучениях от септического шока.

— А что такое септический шок? — я чувствовал себя несмышлёнышем, засыпающим няньку бесконечными вопросами «почему». Это было до ужаса стыдно, но я не мог не спросить. Старичок недовольно покосился на лежаки с больными, но всё-таки снизошел до ответа:

— Видите ли, если на открытые ткани попадает грязь, то с большой долей вероятности может возникнуть воспаление. Оно же “сепсис”, как это называют натурфилософы. Только правильная обработка раны может обезопасить пациента от необратимых последствий. Если же пренебречь обработкой — то начнётся заражение, которое с высокой долей вероятности повлечет за собой лихорадку, столбняк, гангрену, а то и смерть. Вот такая вот смерть от воспалительного процесса, быстрая и почти необратимая, и называется “септическим шоком”. Это к слову истинная причина по которой двое ваших друзей не дотянули до города. У обоих при ранении был поврежден кишечник, а это, считайте, приговор. Так что шансов у них все равно не было.

— Спасибо... — сказал я, ощущая что вопросов стало значительно больше, но

испытывать терпение старика вряд ли стоит. — А с самим швом что не так?

— Слишком широкий, и при этом слишком слабо стянуто. А в неплотно прилегающие края раны опять же может попасть грязь, и кончиться все тем же заражением.

— Вот как... А я был уверен что всё перетянул... То есть нужно делать его плотнее?

— Да. И желательно перед этим всё-таки попрактиковаться под руководством человека знающего.

— А можно посмотреть как это делается?

— Слушайте, молодой человек, — резко оборвал меня целитель. — Это, безусловно, похвально что вы так интересуетесь оказанием первой помощи, но у меня, к сожалению, нет на это времени. Можете посмотреть как мы перешли одного из ваших товарищей, того, который всё время сквернословит. Он как раз сейчас спит, и ничего вам не припомнит. Всё. Не смею вас более задерживать. — сказал он и отошёл к одному из лежаков на полу, давая понять что разговор окончен.

Лазарет в Тэйл-Бэй занимал старые складские помещения недалеко от порта. И окна, соответственно, были маленькие, слюдяные. От них и в обычную погоду было мало толку, не то что сегодня, в эту туманную дождливую хмарь, поэтому закуток куда пристроили наших раненых был слабо освещен масляными лампами. Пол здесь регулярно мылся начисто, если судить по его идеальному виду (насколько вообще идеальным может смотреться пол из старых камней, конечно), но общего удручающего впечатления это не умоляло. Запахи уксуса, спирта и травяных составов густо висели в воздухе, но стойкого амбре мочи и человеческого пота перекрыть не могли.

Больных было много, кроватей — мало, и поэтому весь пол был устлан импровизированными лежанками, кто во что горазд. Как я понял по разговору старшего целителя с Чёрным, вопросом размещения как правило занимались родственники или попечители больного.

Капитан Эйннсли, который после вчерашних приключений костерил без остановки всех подряд, начиная с берегового патруля и заканчивая Императорской Семьёй, много что сказал ещё и в адрес градоправителя Тэйл-Бэй, который не может выделить средств на правое дело, нерадивых горожан, которые не додумаются лишнее одеяло больнице пожертвовать, и саму лечебницу до кучи, за то что не может донести до первых двух мысль о необходимости помогать подобным заведениям. Но одеяла для своих всё-таки раздобыл.

Тимш и правда спал, хоть и очень беспокойно. Его явно лихорадило. Полненькая тётушка из числа сестёр милосердия, которая совершала обход, как раз в этот момент меняла влажную тряпку на его лбу. Стоило приблизиться и она тут же неодобрительно покосилась в мою сторону.

— Мэтр разрешил мне глянуть на правильно наложенный шов, — пояснил я, очень надеясь что эта грозная на вид женщина не станет поднимать шума, как частенько бывало в обыкновении у дам подобного сорта. Головная боль немного поутихла, но я опасался что это затишье будет длиться только до первого громкого звука.

Дама вмиг просветлела лицом и заулыбалась.

— А-а-а! Так ты и есть тот доморощенный коновал, на которого мэтр ругается с утра пораньше?

— Увы мне, — не стал спорить я. — Дайте хоть взгляну как правильно?

— Да Императора ради, гляди! — тётушка аккуратно откинула одеяло с Тимшева пуза, давая в деталях разглядеть новый шов и его отличия от моего. Я даже аккуратно поднес

поближе чадящую лампу.

Мда... Небо и земля, конечно. И шов этот на швейный не похож: каждый стежок — отдельная петля с узелком. Зато перекося по диагонали, который так меня смущал, при таком шве просто не могло быть в принципе. Потрясающе просто, да и нить вытаскивать потом легче, если я правильно понял суть. Да уж. Ночью в панике мне такое в голову не пришло.

— За “коновала” это ты бери в голову, — как-то примирительно произнесла сестра милосердия. — Мэтр-то, конечно, ругался, но это больше для порядку. У него “коновал” — это всяк кто меньше тридцати годков целительство. Вы-то все по уму сделали. Не зашили б — дык на сырости намного сильнее б воспалилась. А так делов-то осталось: перешли чтоб лучше лежало, и всё: покой и уход своё дело сделают. Жить будет. И этот, и остальные ваши, что уж, даже без ампутации обойтись выйдет. Пусть грубо сделано, за то правильно. И вовремя.

— Спасибо на добром слове, — ответил я. — Правда всё равно беспокойно теперь. Верите — нет, терпеть не могу быть беспомощным. Вот бы мне посмотреть как это делается, или чтоб хоть рассказал кто...

— Ну, милоч, за день это тебе не объясним ни я, ни мэтр, — добродушно развела руками сестра милосердия. — Тут наука цельная, да и без практики... — она осеклась и задумалась ненадолго. — А знаешь что, милоч? Вы ж со своим грузом до Креймора идёте?

— До него самого.

— Так вот, ежесть есть охота учиться — можешь пристроиться в госпиталь к мэтру Янсенсу, с больными помогать.

— О как... — я заинтересованно уставился на неё, внутри уже соглашаясь что это, пожалуй, лучшая идея из всех возможных. — Думаете меня возьмут?

— Возьмут — не то слово: с руками оторвут! — с жаром посулила тётка. — Работы там невпроворот, а народу мало. Людей не хватает, так что берут любого желающего, хоть бы и просто ухаживать. А ты ещё и толковый, насколько я погляжу. Жалованье там, конечно, не золотые горы, за то мэтр Янсеннс — целитель, каких ещё поискать! Сам он в молодости тож в Академии учился и в Столице врачевал, но потом он со своими там рассорился едва ль не насмерть. Вроде как за то что те харчами перебирали, брались лечить тех кто познатней да побогаче будет, а кто заплатить не мог того и гнали за порог, помирать. Мэтр Янсенс-то им за врачебную клятву сказал, а они в обиду ударились. Ну и выжили его сначала из госпиталя, а затем и из города. А мэтр подумал малёк да и поехал туда где был более всего нужен — в Блэкшир, стало быть. Характер у него, конечно, не подарочек, но зато дело своё он знает. И тебя научит. Учить-то он большой любитель...

Я невольно улыбнулся.

— Спасибо за совет, уважаемая. Думаю, мы с ним найдём общий язык.

Я как-то слышал одну по-житейски мудрую фразу: «если хочешь сделать человеку хорошо, то сначала сделай плохо, а потом верни как было».

В этот вечер я был согласен с ней как никогда прежде.

Усилившийся ливень беспощадно хлестал в оконце, а нам, наконец, было тепло и сухо.

Была небольшая комнатка на первом этаже постоянного двора.

Был каменный очаг, чёрный от копоти, и в нём потрескивали ивовые поленья.

Были две двухъярусные кровати, с упругими матрасами из соломы, на которых можно было вытянуться во весь рост, не рискуя ничего отлежать или застудить.

Было шерстяное одеяло, в которое при желании можно было завернуться дважды.

Была большая чашка горячего травяного отвара из мяты, душицы, мелиссы и ромашки, благодаря которой мучительная головная боль превратилась в неприятное воспоминание.

И был стол, накрытый на четверых: уха из карася, варёные раки, буженина, хлеб и козий сыр.

А ещё были Вилл, Зак и Бонза. Целые и невредимые.

И это всё казалось пределом мечтаний.

Омрачал это всё только мой собственный рассказ, который я задолжал приятелям. Я старался быть максимально кратким и не слишком погружаться в мучительные воспоминания, и на сей раз у меня почти получилось. Даже от скорби можно просто устать. Даже от самого праведного гнева нужен перерыв. Тем более за последние сутки я словно потерял способность испытывать и то, и другое. Просто отстраненно рассказывал, а сам тихо радовался про себя, что впервые за чёрт знает сколько времени снова нахожусь под крышей, да ещё и не на птичьих правах. А за одно тому, что можно говорить свободно, умолчав разве что о своём подлинном происхождении. Похоже, от недоговорок я тоже устал.

Зак сказал, что это и правда неплохой задел для баллады, но тут важен дальнейший сюжет. Порадовать его было пока нечем, и оставалось надеяться что баллада эта не выйдет насквозь трагической.

Вилл заметил, что если бы речь шла только о личной неприязни Орфа ко мне, то уже за пределами Хартленда можно было смело забыть о возможном преследовании. Но вот убийство двух следопытов вряд ли спишут на егерей: его светлость, несомненно, поведает где видел пропавших в последний раз буде кто-либо спросит его. А там немудрено скумекнуть куда мог податься беглый арестант. Впрочем, могут и не смекнуть, тут как карта ляжет. Но всё равно стоило бы впредь быть осмотрительней.

А вот Бонза плевался ядом от души, словно я своей историей задел его за живое.

— Ненавижу их всех, тварей в законе, — прорычал он, вгрызаясь в бутерброд так словно это было горло одной из тех самых «тварей». — Что инквизиция, что городская стража — один хрен, мерзавцы как на подбор, которых в младенчестве давить надо.

— Да ладно, не все они такие, — возразил я, возвращая на стол опустевшую тарелку. — Даже в моём случае: никуда я не ушёл бы из нордвицкого леса, если б один из паладинов не был моим старым приятелем. Ослушаться прямого приказа он, конечно, не мог, но вовремя отвернуться — вполне. И спасибо ему за это. Да и среди стражи в целом предостаточно людей порядочных. И я это из своего опыта говорю, знал-то я их немало, что в Столице, что

в Нордвике. Бывают, конечно, и паскудные, но всех чёрной краской малевать не стоило бы.

— Это тебе просто повезло жить в Аддершире, — вздохнул Вилл.

— Ага, — закивал Зак, отвлекаясь от настройки лютни, за которой он коротал вечер на своей верхней полке. — Сравнил тоже: жить в одном из владений Хартленда, это почти как в другом мире. У вас же Столица рядом! Конечно же все тамошние лендлорды следят за порядком пуще глаза, а то неровен час можно титула лишиться. А вот в других провинциях — ууу... вот такие истории — обычное дело.

— Кстати, я ведь тебе не рассказывал за что в первый раз попал на каторгу? — спросил Бонза, усаживаясь на табурете поудобнее.

— Нет, — припомнил я. — И за что?

— За пьянство.

— Да ладно! За пьянство и на каторгу?!

— Ага, — в его карих глазах мелькнул нездоровый огонёк. — Потому что ничего страшнее сна под забором я до той поры не совершал. Дело было в Тимингеме, меня туда на заработки занесло. Даже на честные, представь себе! Разнорабочий, ничего незаконного, подай-принеси. Дела хорошо пошли, ну я сдуру и решил отметить это дело. Накидался до потери сознания, совсем немного до работного дома не дошёл: вырубился под каким-то забором. На утро прихожу в себя от того что меня куда-то волочёт городская стража, будь она неладна. А я ещё и с похмела, понять ничего внятного не могу. Помню только как их старшой посмотрел на меня брезгливо и одобрил. «Подойдёт» сказал. И всё. Кинули в застенки и ушли, а я лежал и гадал: что ж я такого сделать-то успел, что теперь не помню? Бухал, да. До беспамятства, верно. Но ведь помню же как под забор тот проклятый сполз, из под которого они меня и забрали. Так и не понял ничего. Кричал как мог, в решётку стучал, всё без толку: делают вид что не слышат, и хоть ты тресни! Даже воды зажали, до сих пор не пойму как я кони не двинул.

— Хм... Мда, — я представил себе каково было бы мне этим утром не окажись Закари таким предусмотрительным, и содрогнулся. — Жёстко тебя...

— Да ты погоди, это только начало! Самое сладкое после обеда случилось, когда пришёл помощник судьи и зачитал приговор. Я как услышал — у меня глаза на лоб полезли: два убийства, три изнасилования, целая череда краж... да я б в жизни за одну ночь столько не успел, даже если б очень старался! А в качестве приговора утешили тем что, мол, за такие преступления нынче вместо повешения ссылают в глушь на рудники. Мол, всё одно подыхать, а так хоть польза от тебя, ничтожества, государству будет.

— Ничего себе... А ты...?

— А я что? Меня никто слушать не стал. Это уже потом, по дороге в Саами, один из собратьев по несчастью мне объяснил, что так господа стражники нераскрытые дела списывают. Поймают кого-нибудь отщепенца, обвинят на суде во всех грехах, и на каторгу. Бедолагу никто не хватиться, а они на бумаге зато во всём молодцы молодцами выходят. И власти довольны что преступность наказана, и в дальних колониях рабочих рук прибавиться, и рядовым стражникам премия за добрую службу. И главное: не особо-то хлопотное это дело. Главное — удобного крайнего найти. Красота ж, ага?

— Да какая уж тут красота, — я почувствовал как внутри шевелиться поутихшая злость на сильных мира сего. — Знаешь, всякое, конечно, можно сказать про герцога Аддерли, но порядок он и правда поддерживает хорошо. У нас и за меньшее могут со службы выгнать, а то и повесить, если совсем уж злоупотреблять положением. Правда тут есть и другая

сторона: у меня вот в Нордвике осталась дальняя родственница. Она замужем была за офицером городской стражи, столичным. Он сам-то нормальный был мужик, толковый, и совесть была при нём, и голова варила что надо, пусть и немного по-солдафонски. Служил — служил, никого не трогал, за повышениями не гонялся, и вроде как никому особо не мешал. Потом проштрафился как-то на службе за какую-то неудачную оплошность, и попал под трибунал. А там на него вдруг списали целый обоз должностных преступлений, за которые уже не вешать должны были, а колесовать. Вот так же, ни за что. И казнь тоже заменили на ссылку в один из пограничных фортов, но это ведь один чёрт верная смерть, с нашими-то границами. Ну а мою бедную кузину с ребёнком на руках свекровь из дому выгнала, и эта бестолочь месяц ютилась неизвестно по каким ночлежкам, просто потому что стеснялась передать мне весточку. И стеснялась бы и дальше, как бы не наши общие знакомые, спасибо им. Я её едва не прибил за такие фортели. Нашла время...

— Мда, — протянул Вилл, задумчиво глядя в потолок. — Женщины... Что вообще у них в головах?

— Без понятия, — пожал плечами я. — Слов порой никаких нет. Ну а что в итоге с каторгой-то вышло? Ты вроде здесь, живой, и даже на калеку не смахиваешь.

— Да чем? Отослали меня в бескрайние леса в Саами, которые сто лет осваивают, и ещё двести осваивать будут. Мы пока тамошними дёбрями пробирались, я их возненавидеть успел: там с конвоем и обозами идти опасно, а уж в одного и вовсе шансов нет. Зверьё непуганое, лютует, кто охотой промышлял — говорят, нигде в Империи таких бесстрашных и голодных волков не видели. А уж о медведях без содроганья не вспомнишь: бывало набрасывались прямо на толпу, словно бешеные. Ей-ей не вру, человек десять, наверное, задрали в общей сложности пока мы до места дошли. Словно и без них лишений было мало: север, холодно ночами, не поспать толком, да ещё и идти почти всё время в гору. Вроде уклон всего ничего, а изматывает насмерть, особенно при мысли что впереди ничего хорошего не ждёт.

Сам не знаю как мы через этот зелёный ад пробрались до ущелья, где форт и колония при нём. Ну а там — бараки, кандалы и клеймо на плечо. Ну и понеслась: машешь киркой в каменоломне как проклятый, а потом приходишь в барак и просто падаешь. Не спишь даже, скорее в беспомощности валяешься, и сны тебе не сняться. Паёк — чёрствый хлеб и, если повезёт, пресная каша. Питьё — вода. Другие каторжники либо озверели в край, либо превратились в жалкую немочь, которая только подчиняться умеет. Их к слову большинство. Надсмотр такой, что волей-неволей сломаешься, рано или поздно. Видно, на то у них и расчёт. А уж если занемог, то считай конец тебе: в лучшем случае не заметят что ты, к примеру, руку сломал или лихорадит тебя, и оставят в покое. В худшем — избыют, чтоб неповадно было. А плеть — такое себе лекарство.

Меня ощутимо передёрнуло.

— А теперь представь что отлежаться тебе не дадут, — продолжил бывший каторжник. — Работай как хочешь, иначе получишь ещё. Люд там на вроде скота. А то и хуже: со скотом всё ж получше обращаются. Короче, через пару месяцев понял я что больше не могу. И лучше уж сгинуть в лесах, чем вот так.

Понять то понял, да вот как сделать? Сбегать-то сбегали, куда ж без этого, но в ходу была круговая порука: один дёру дал, а все остальные за это получают с десятков плетей каждый. Так что стоило не так дёрнуться или не туда посмотреть, так сразу находился доносчик, которому страсть как не хотелось лишний раз отхватить за чужие грешки. Вот

тогда-то пришлось во все тяжкие пускаться, во имя свободы.

Смешно сказать: приехал я на каменоломню невинный как монашка, а уходил уже убийцей и вором. Чтобы вырваться всё же пришлось нож притырить и пару глоток перерезать. И вышло: сбежал! Сначала обрадовался, дурак, что от погони оторвался, а потом понял насколько дело моё гиблое. Вокруг на много дней пути глухие леса, чтоб их! А время было — конец октября, то есть пищи пропало. Но лучше уж было так, чем в шахтах.

Сколько в лесу шатался — не знаю. Вечность, кажется. Волки по следу шли — не присесть, ни отдохнуть. Я их голодные взгляды спиной ощущал. Ну или чудилось это мне, не знаю. И жрать в лесу было нечего — поздняя осень ж! Чудом каких орехов разве что добудешь, или мыша какого словить и съесть можно, если свезёт. День там короткий, а ночь — длинная, всё длиннее и длиннее делается с каждым закатом. Скоро я сам стал как дикий зверь: бежал себе неведомо куда, и единственное чего хотел, так это дотянуть до следующего утра. И чтоб утро это вообще настало: зимой, если верить старожилам, солнце над Саами вообще не восходит.

— Интересно, а это слухи или правда? — задумчиво спросил Вилл.

— Сам не видел, но вот летом и правда был бесконечный день. Не верилось даже, и, честное слово, я едва кукухой не повредился. А надзиратели ещё глумились: работайте мол, солнце ещё высоко! Так что про долгую ночь я верил, и мечтал выбраться из дебрей живым и как можно скорее. Но чёртов лес взял надо мной верх. Смотрю вперёд, вижу: вроде просвет. Вроде бы лес кончается. Всё, думаю, ура! Там-то уж точно даже если и пустошь, то хоть видно куда идти. Да и зверьё может поотстанет. Добегаю туда, значит, из последних сил, воображаю себе уж что там может деревня какая, да хоть бы и местных даже, за дерево хватаюсь чтоб не упасть... и понимаю что стою на вершине всхолмья, а внизу под ним всё то же: сосны, сосны, сосны, вот не вру, до самого горизонта, насколько хватает глаз.

Вот тогда-то я и сдался. Как щас помню: лежу на обрыве в изнеможении, ног-рук от холода не чувствую, с голодухи в глазах мутнеет, и мысли уже не о еде и не о смерти вовсе. Просто мучительно хотелось перед матушкой извиниться за всё в чём был не прав. И батину могилу навестить.

Когда почувствовал что конец мне, вот щас глаза закрою и не открою больше, подумал: а вот она, смерть. Не так уж и страшно это, оказывается. Закрыл глаза. Открыл. Тепло, чувствую, и кто-то в глотку мне вливает некое горячее пойло, вроде как даже на глинтвейн похожее, только вкус такой будто его на травах варили. Ну и вокруг эти, местные. Охотники видимо, или кто ещё... Я ведь и не знаю даже. По нашему-то они разговаривать не желают. Вот понимают вроде, а в ответ — ни слова, только меж собой по-свойски переговариваются, и всё на том. А я смотрю на них во все глаза и не верю почти. Кроме шуток, этих чудных дикарей в Саами хрен отыщешь, разве что они сами придут. Загадошные, дальше некуда. Меня они не бросили, но и нянькаться особо не стали: покормили, обогрели и вывели к тракту. До него, правда, ещё два дня топать пришлось, но с ними было уже не страшно. Я едва «спасибо» сказать успел, как провожатые в лесу скрылись, словно призраки какие. Даже сам теперь порой сомневаюсь, а было ли это на самом деле, или они мне привиделись? История как байка звучит. Ну и пусть звучит, в общем-то. Спасибо, что живой.

— А потом что?

— А потом всё скучнее было. Сначала перебирался от селенья к селенью: еду воровать пришлось, спать — где придётся, но теперь хоть было у кого и где. Я ж поначалу вот прям как ты от каждой тени шарahalся. Но обошлось. Шёл по тракту, шёл, и пришёл, наконец, в

Йормарк. А уж там и города большие, и народу много, и дороги большей частью торные. Жить уже можно, непонятно только как. По-честному уже не вышло б, да и я ведь был уже не тот. Зато с лихими ребятами которым на закон начихать я теперь быстро общий язык находил. Мне в целом после Саами больше ничего и не страшно. Да и платят они больше, пусть работёнка порой гаже некуда. С тех пор вот и понеслась она, родимая, по наклонной. Но это уже другая история.

— Эх. Жаль ты в гостях у саами не задержался, — почти мечтательно сказал Зак. — Дорого бы я дал чтоб узнать о них побольше! Говорят, у них в том лесу сокрыты целые города, которые без провожатых не сыскать.

— Не удивлюсь если так оно и есть, — согласился Бонза. — С этих станется.

— Интересно, а они вообще в курсе что их земли теперь имперская провинция? — сонно сказал Вилл, поправляя подушку. — Даже жаль что это так далеко. Говорят там сказочно красиво, дичи в лесу полно, а если зачерпнуть ведром воды из реки, то заплывшей туда рыбы хватит на уху.

— А чёрт его знает, наверное и правда красиво. Мне не до красоты было, — наш рассказчик лениво поднялся с места, примеряясь как бы половчее взобраться на верхнюю полку. — И возвращаться поглазеть чёт желания нет.

— Расслабься, тебя ж никто и не гонит туда! — благодушно сказал Зак. — Тем более осень, самая пора всем вольнонаёмным работникам перебираться на юг. Кстати, слу-ушай, а после того как сплавимся вниз по Рене поехали в Грауэрштайн? Там и зазимует если уж на то пошло. Нет, ну а что? Там даже зимой чудо как хорошо, и работёнка всегда найдётся!

— Да нет там нормальной работёнки, и не было никогда, — хмыкнул Бонза. — Ты, небось, по зазнобе своей соскучился, а на остальное тебе начхать с высокого собора.

— Конечно соскучился, — не стал отпираться менестрель. — А как по ней можно не скучать? И в этот раз я уж точно уломаю ее поехать со мной!

— Если она ещё помнит как тебя зовут, — за ехидным тоном нашего каторжника, как мне показалось, скрывалось нечто наболеее. — Бабы они вообще народ ветряный: с глаз долой — из сердца вон.

— Ещё раз назовёшь Хельгу «бабой», и цикл лимериков о тебе станет частью народного фольклора по всей стране, — пожалуй впервые за всё время нашего знакомства я услышал от Закари угрожающую интонацию. — Да и не хочешь — я тебя с собой и не тащу, твоё дело. Сам себе будешь виноват. Вилл, а ты дальше куда? Поехали в тоже в Грауэрштайн?

Ответа не последовало.

— Вилл?

Вилл недовольно перевернулся на другой бок и сонно натянул подушку на голову.

Я устало отметил что он как всегда прав: ну его, надо спать. Утренняя беготня, конечно, сон прогнала, но сейчас, в тёплом углу и на сытый желудок усталость брала своё.

— Ну, тоже верно, — Зак понизил тон и аккуратно убрал лютню в чехол. — Утро вечера мудренее.

Я стою на палубе нашей баржи с кинжалом в руке, а вокруг полыхает огонь.

Слышаться крики, шум битвы, среди языков пламени мечутся тени, но всё словно бы происходит за некой завесой, вдали от меня. У моих ног же ничком простёрся человек с клинком под рёбрами, а рядом с ним лежит памятный здоровяк с топором в боку. Он глядит

в небо побелевшими, словно у дохлой рыбы, глазами, и сам по себе тоже похож на дохлую рыбу.

Проклятье... Почему? Почему я здесь, почему вижу это?

Я защищался. Я защищался вместе со всеми. Мы бились за свою жизнь! Или они или мы, выбор у нас был невелик. А эти люди... мне их не жаль. Они были убийцами и мерзавцами. Они не заслуживали ничего кроме смерти. Остались бы живы — продолжили бы убивать и грабить. В этот раз я не жалею о том что сделал.

Но тогда почему?...

— Потому что тебе это понравилось.

Одна из теней отделилась от остальных и обрела человеческие очертания.

— Ты сам в тот миг не очень-то отдавал себе отчёт в том что испытываешь, — говорила фигура, неспешно подходя ближе. — Но сути это не меняет. Вонзив клинок в плоть ты ощутил триумф. Он — умер, ты — остался невредим. Он — проиграл, ты — одержал верх. Ты свершил своё правосудие. Ты определял, жить ли ему или нет, и за тобой осталось последнее слово. И как тебе это на вкус? Как тебе на вкус власть над человеческой жизнью? Как тебе это, а, скорняк из Нордвика? Это ведь и есть то, ради чего ты отправился в путь. То что будет стоить всех лишений. Власть над людьми, над жизнями, над судьбами. Власть изменять мир на своё усмотрение. Интересно, как далеко ты решишься зайти на этом пути?

Что он несёт?

Откуда ему знать?

Я ведь ничего такого...

...никогда бы...

— Ты ещё кто?

Огонь полыхнул ярче, освещая лицо говорящего.

Моё собственное.

Я вздрогнул и оказался в крошечной тьме. Никакого огня, никаких теней. Только несколько спёртый воздух, да мерное похрапывание Вилдара. Всё.

Сон. Всего лишь сон. Из тех снов которые хочется смыть с себя ледяной водой прежде чем заснуть снова. Просто нужно встать, на ощупь натянуть рубаху и сапоги, выйти в коридор. Тут немногим светлее, но достаточно чтобы добраться до двери во внутренний двор. Она не заперта.

Снаружи лучше. Глаза попривыкли, и очертания построек вполне различимы. Дождь прекратился. Холодно. Очень. То что надо чтоб прийти в себя. Осталось до полного счастья только умыться дождевой водой из стоящей у стены кадки, и вновь почувствовать: я всё ещё жив, и я по-прежнему — я.

А ещё осознать что я во дворе не один.

Некто сидел в углу у конюшни, сжавшись в комок. Не взрослый — ребёнок. Наш юнга, всеми забытый и печальный, бессмысленно взирал в одну точку. И, судя по всему, находится он здесь не первый час.

— Эй, ты как? — спросил я, подходя поближе.

— Никак, — бесцветным голосом ответил юноша.

— Совсем никак?

Он молча кивнул.

Никак... Очень даже "как", мне ли не знать. И мне ли не знать, как важно чтоб в такой момент хоть кто-то оказался рядом. Пусть бы и случайный прохожий.

— Ты б не сидел тут, всё-таки не лето уже, — я пожалел что поленился прихватить куртку или плащ. На парня было жалко смотреть.

— Мне не холодно, — безучастно ответил он.

Если он надеялся что теперь я оставлю его в покое, то очень крупно ошибался.

— Отри был твоим братом?

— Старшим.

— А родители?...

— Мама уже три года как нет. А теперь вот и Отри...

Он замолчал, пытаясь выровнять дыхание, изо всех сил сдерживая слёзы.

— Да не зажимайся ты, — сказал я, усаживаясь рядом. — Плакать потерю близких — это нормально. Если б ты не плакал — вот это было бы странным.

— Я же не девочка, чтоб реветь. Мне нельзя.

— Бороду ещё не бреешь, значит можно.

— Отри говорил что мужику никогда нельзя.

— Ну это он палку-то перегнул. Иногда нужно. Просто главное чтоб не видел никто.

— Ты теперь видел.

— Я никому не расскажу. Клянусь.

— И будешь считать меня малолетним размазнёй.

— Нет. Не буду.

— Будешь.

— Нет.

— Ты так говоришь потому что тебе меня жалко! — почти обиженно произнёс он.

Я обречённо вздохнул. Мальчишка... Тяжело быть мальчишкой. Особенно когда ты ещё мал, а жизнь уже требует от тебя быть взрослым. Но тут, как сказал Вилл, не он первый, и не он последний.

— Знаешь, когда мои родители и братья погибли, я был вдвое младше тебя.

— Погибли?... — мальчик наконец поднял на меня глаза. — А что случилось?

— Разбойники деревню сожгли. Мой отец в самый последний момент спас меня, а остальных уже не успел.

— И ты тоже остался совсем один?

— Ну да, практически один. Если честно, то со мной был мой кузен по матери и ещё одна девочка, тоже с нами в родстве. Но они были немногим старше, да и не ладилось у нас с ними. Особенно с кузеном — он меня недолюбливал. Я не виню его: очень тяжело заботиться о ком-то, если тебе самому не хватает любви и заботы. Это как черпать воду из пересыхающего колодца: с каждым разом её всё меньше и она всё грязнее, и пить это уже нельзя. Так что мы вроде бы и были вместе, но при этом — каждый сам по себе.

Мальчик задумчиво взгляделся в меня, что-то для себя отмечая.

— И... ну... что ты делал дальше, после того как... ну... — он махнул рукой, мол, ну ты сам, дяденька, понимаешь про что речь.

— Что делал?... Ну, сначала погоревал как следует, хотя вот так же как ты, долго пытался не реветь. Зря, очень зря, потому что всё равно потом прорвалось, за то легче стало. А дальше — стал решать как жить. Дело-то было в Столице, а она, как известно, беспощадна к тем кто слабее. Даже взрослым, не говоря уже о детях. Ну а я... выбор у меня был большой: я мог стать попрошайкой, я мог стать уличным воришкой, я мог попроситься в рабочий дом (кстати, сразу говорю: ни в коем случае туда не суйся!). Можно было к какому-нибудь

богатею пойти в услужение: есть такой сорт аристократов охочих до маленьких мальчиков, но мне, благо, вовремя объяснили чем это обернётся. Можно было связаться на рынке с местными шарлатанами и продавать поддельные лекарства. Можно было пойти на мануфактуру и стать чем-то вроде бесправного раба. Можно было обувь за гроши чистить людям на улицах, или например к трубочисту наняться ученики, и задохнуться в итоге в чьём-нибудь дымоходе — это в такой работе обычное дело. Но я вдруг подумал: а что сказал бы мне отец если б узнал что я ворую кошельки у прохожих? Или как расстроилась бы мама увидев как я вымогаю еду у сердобольных бабулек?

— Ох... моя бы точно ругалась сильно, — согласился мальчик.

— Вот-вот. А мою так и вовсе бы удар хватил, наверное. Ну и я решил тогда для себя одну очень важную вещь: да, пусть мамы с папой больше нет. Но в память о них и ради них нужно прожить жизнь так, чтоб они мной гордились. Ну или в крайнем случае — чтоб им не было за меня стыдно. И с тех пор как я стал так думать, жить стало легче. И моя семья теперь вроде как всегда со мной, в том что я делаю.

— И они бы тобой гордились?

— На счёт гордости не уверен, но, надеюсь, что всё-таки не стыдились бы.

— А я думаю что гордились бы, — уверенно возразил мальчик. — Ты ведь спас всех нас вчера.

— Мне просто повезло, — отмахнулся я. — Вернее сказать, сначала не повезло свалиться за борт, а потом повезло что меня не заметили.

— А почему нельзя соваться в работный дом? Там же можно жить бесплатно!

— Потому что в работном доме тебе в голову быстро вобьют то что ты — нищий, должен радоваться грошам за рабский труд, и иначе в твоей жизни быть не может. А это не так, ты уж мне поверь. Нищий на самом деле это не тот у кого нет дома или денег, а тот кто думает что он нищий.

— Это как?

— Это смиренно. Соглашаясь с отведённой тебе ролью. Не пытаюсь хоть что-то изменить.

— Хм... кажется, я понимаю о чём ты, — просиял мальчик. — Я и правда так не хочу. И Отри бы не хотел. А как это — изменить? Тебе самому удалось?

— Ну вообще это история длинная. Как мы вообще выжили в первые месяцы — я ума не приложу. Чудо, не иначе. Я у старших товарищей по несчастью считался едва ли не бесполезным грузом. Они меж собою, видимо, решили что они за меня отвечают, а с меня, младшего, какой спрос? Кузен в итоге спутался с местной шпаной и ушёл во все тяжкие, но хлеб худо-бедно иногда добывал. Девочка попросилась на швейную мануфактуру. Её взяли, и в качестве оплаты пустили нас троих пожить в подсобке при складе. Собственно с тех пор мы с кузеном видели её только по ночам: она как с раннего утра уходила в мастерские, так и торчала там до наступления ночи.

— Без отгулов?

— Да практически без. Её там очень быстро убедили в том что она должна быть благодарна за то что её терпят и не гонят прочь. Она и поверила. Работала как проклятая, всё боялась что нас троих выгонят. Ну и очень быстро превратилась в бледную тень самой себя, которую было не узнать.

— А ты?

— А я был не согласен быть обузой. И думал что делать. Благо мои горе-опекуны и

трети всего не знали о моих отчаянных попытках куда-то устроиться. И знали бы ещё меньше, если б меня тогда с крыши не столкнули.

— С крыши? Высокой?

— Этажа три было.

— А столкнули за что?

— Кхм... как бы это сказать-то... За попытку устроить бунт на ткацкой фабрике.

Парень глянул на меня с неподдельным уважением.

— И как?

— Несколько переломов и неделя в беспомощности, — я ловко увильнул от темы бунта, которая к делу не относилась. — Очнулся в храмовой богадельне. Меня, оказывается, кузен нашёл и туда притащил. Кое-как наскрёб денег на лечение, и потом долго мне ещё припоминал этот случай. И это, если честно, меня добило, потому как из просто обузы я превратился в обузу втройне.

— Скверно, — посочувствовал юнга. — Я сам когда был малышом болел часто, и отец пока жил с нами, всё говорил что я де просто ярмо на шее, и проще было меня, дохлого такого, ещё в младенчестве удавить.

— Что, серьёзно? Родной отец?

— Ага.

— А мама?

— Мама боялась его, что он её ударит. А вот Орти не боялся. Отец его бил, а Отри всё равно за меня заступался. Потом Отри вырос и стал давать сдачи, и в конце концов выгнал отца из дому. И стало легче. Он был очень смелый и сильный. Вот прямо как ты.

Ну приехали.

— Как я?

— Конечно! Ты и дерёшься хорошо, и в медицине понимаешь, и даже устроил бунт в детстве, ты ведь сам только что сказал!

— Нет, не устроил. Я тогда не знал как, поэтому детей быстро разогнали по местам и лишили пайка, а я вообще чудом выжил. Так что тут речь не о силе и смелости, а о дурной детской голове без мозгов. Такие вещи надо делать по уму, а тогда вышло только хуже. Причём всем.

Парень нахмурился и помрачнел.

— Все мы иногда выходим дураки дураками, в жизни без набитых шишек вообще никак. И не об этом речь, — нужно было попытаться вернуться к сути, ради которой я и пустился в рассказы. — Короче, как я встал на ноги после падения, так в первый же день и побрёл в город, искать на удачу хоть какую работу. Ей-ей, в таком отчаянье, что и на подмастерье трубочиста согласился бы.

На дворе был ноябрь месяц: сыро, холодно, и никому до уличных оборванцев дела нет. Меня, помнится, какой-то грузчик с ящиком в руках не заметил и с ног сбил, и прямо в лужу. Мокрый я едва с тротуара отполз чтоб меня прохожие не затоптали. Стою у витрины какой-то лавки, думаю что же дальше делать, а мыслей — ну совершенно никаких.

И не знаю как оно бы всё дальше вышло, не появившись тогда передо мной старичок с корзинкой в руках. А из корзинки пахнет свежим хлебом и копчёностями, а я в последний раз нормально ел два месяца назад, в отчем доме, которого и нет уже. Ну и старик мне такой «э, малец! Чего стоишь тут, замёрзнешь же!». Я ему — простите, мол, уважаемый, я уже ухожу. Старик глянул на меня и говорит «да ладно, мол, зайди хоть погрейся раз уж на то

пошло, а то на тебя смотреть холодно. Хоть обсохнешь, а то не ровен час ледяной коркой покроешься». И пустил внутрь.

Ооо, я потом ни раз вспоминал как переступал тот порог, не представляя себе ещё сколько всего меня ждёт! Дедуля меня отогрел, накормил и провёл душеспасительную беседу, которую я на всю жизнь запомнил. Что, мол, туго мне пришлось, но в мире всем туго, каждому по-своему. Однако есть такое поверье, что никакому человеку не даётся груза тяжелее чем он мог бы вынести. «И раз уж ты осиротел и остался на улице, значит, сказал он, тебе по силам будет и выбраться с этого дна, не опустившись до воровства».

Вот и тебе я сейчас то же самое скажу: раз так вышло с тобой, значит ты недюжей силы паренёк, брату твоему под стать! И как знать, может, подрастёшь и сам станешь, например, капитаном на службе у Бравонской Судоходной Гильдии. Или Рэнской. Или ещё какой. Если тебе нравится река, конечно, и тебе не хотелось бы чего-то другого.

— Не знаю, — задумался юнга. — К реке я привык, конечно, но чтоб хотеть... тут, наверное, надо подумать. А ты так стал скорняком?

— О да. Для меня всё стало решено едва я отогрелся и почувствовал себя сытым. Лавка была галантерейная, и товар там, надо сказать, был рассчитан на бургеров и аристократов. Работа тончайшая, даже не очень верилось что простые смертные так могут. Я освоился, стал смотреть и спрашивать — откуда это всё, из каких краёв привезли, каким волшебством создали? И был ошарашен тем, что, оказывается, большую часть из этих вещей дедушка делал сам, а другую — его друзья и ученики из Лоскутного Квартала. Вполне себе простые смертные делают, сказал он, как я или ты. А всё волшебство кроется в мастерстве и практике.

Помню, я ушёл от него когда совсем стемнело. Уходил нехотя, но побоялся что мои кузен с сестрой будут беспокоиться. Дедушка на прощанье дал мне немного еды и пригласил заглянуть ещё как-нибудь. Не знаю насколько он был серьёзен, но я пришел, а потом снова, на следующий день, и потом еще и еще. Я приходил к нему почти с раннего утра, погреться, поговорить, и чего греха таить — поесть нормально. Старик понял что это надолго и предложил помогать ему во всяких мелочах, сначала по дому, а потом в мастерской. Он давал мне разные поручения, доверял простенькие заготовки, а за одно прикидывал чего я стою.

— А ты?

— Я конечно старался. Мне хотелось хоть что-то сделать для этого славного старикана. Мне-то было невдомёк что на самом деле его зовут Эжен Куратье, и он один из самых уважаемых и известных мастеров в Столице. А ещё что он уже много лет не брал учеников. Но видно мои старания все же даром не прошли, и для меня он сделал исключение. Начал учить, и очень скоро стал представлять меня гостям как своего подмастерье. И с другими мастерами познакомил, конечно же. Так и сказал: если хочешь действительно достичь высот, то нужно не у одного мастера учиться, а у многих, чтоб потом выработать свой собственный стиль.

Ну и самое приятное: стал платить мне жалование за труды. Сначала немного, и скорее из милосердия, чтоб я с голоду не помер. Потом уже побольше, по количеству сделанной работы, как только от этой самой работы появился толк.

Удивительное время было, каждый день что-то новое. Три года я у него учился, впитывал все что старик делал и говорил. Но потом старость взяла своё, и мастера не стало. Просто пришёл я утром как всегда, а мастер откинулся в своём кресле и не дышит, книга на

полу, свеча догорела до основания. Другие потом сказали что это его удар хватил, и что в его возрасте это не самая худшая смерть. Ни мучился, ни ослаб, ни впал в слабоумие. Просто заснул — и ушёл. Меня это мало утешало тогда, я успел очень сильно к нему привязаться, а ещё — откровенно побаивался того что со мной теперь будет. Зря побаивался: меня, как ученика Круатье, буквально с руками были готовы оторвать лучшие мастера города, и я с удивлением обнаружил что могу выбирать наставника на свой вкус. И самое важное — что уже кое-чего стою.

— Да, вот это повезло тебе с ним! — сказал новоиспечённый сирота.

— Ну тут как... да, мне повезло его встретить. Но если бы он не видел как сильно мне интересно его ремесло, то чёрта с два он взялся бы меня учить. Так что дело тут не только в везении, но и в том, что ты знаешь чего хочешь, и не боишься ради этого пройти через множество трудностей.

— Тебе его не хватает?

— Мастера? Первое время не хватало мучительно сильно. Я ведь был маленький, и невольно искал кого-то, кто хоть немного заменил бы мне родителей. А потом жизнь продолжилось, и у меня появились новые друзья и близкие. Так всегда бывает: говорят, мир не терпит пустоты, а раны со временем заживают.

Да, хорош из меня советчик... Зажить-то они заживают, но от некоторых остаются шрамы, серьёзные раны иногда болят на непогоду, а особо страшные и вовсе оставляют тебя калеккой. Но тебе я этого не скажу. Лучше верь что всё будет хорошо. Что в память о брате ты должен сам стать тем, кем он бы гордился. Живи дальше, и живи на светлой стороне. Упаси тебя Забытые Боги вступить на другую...

Парень задумался о чём-то ненадолго, уставившись в одну точку. А потом спросил:

— Как думаешь, а меня возьмут в береговой патруль?

Ну я же просил, не вступай!.. впрочем, кто я чтоб тебя отговаривать?

— Честно говоря, понятия не имею. Но если ты хочешь, завтра мы могли бы сходить к ним в управу и спросить.

— Мы? То есть ты можешь пойти со мной? — вдруг воодушевился мальчик.

— Почему нет? Мне не сложно, да и всё равно в ближайшие дни делать нечего, — я замаялся, ощущая некоторую неловкость. — Тебя хоть как звать-то?

— Анри, — ответил юнга.

— Анри, — повторил я. — Давай-ка сейчас лучше пойдём спать, иначе завтра в управе нас с недосыпу примут за похмельных и просто выгонят. А с утра, как раз после завтрака и пойдём. Идёт?

— Идёт, — согласился Анри.

Я встал и подал ему руку.

— Тогда идём. Не хватало ещё простыть на такой сырости.

Утро началось с неприятного першения в горле: видимо, сказались ночные посиделки.

Анри, как выяснилось, тоже хлюпал носом, и в этот раз отнюдь не из-за слёз. Поэтому поход к береговому патрулю пришлось отложить, и, оставив парнишку на попечение Михала, отправится на поиски местной аптеки. Должна же она здесь быть?...

За ночь распогодилось, и из рваных прорех в покрывале серых туч проглядывало голубое небо. Вот славно. Хоть погреться напоследок, а то сентябрь подступил вплотную. Сколько их ещё осталось-то, погожих деньков, прежде чем осень вступит в свои права?...

А осень приближалась. Это ощущалось в самом воздухе, который неуловимо меняется к её началу. Особенный, терпкий, холодный поутру, он возвещал о её приходе, и даже богатый букет городских запахов не мог этого перебить.

Сам город вызывал противоречивые чувства: люди здесь на первый взгляд жили довольно бедно. Здания сплошь из дерева, даже черепица на крыше, и далеко не каждый дом мог похвастаться каменным фундаментом. Причём построено это всё было, видимо, в большой спешке и довольно давно, в очередной раз подтверждая поговорку: нет ничего более постоянного чем временное.

Даже побелка от ветхости не спасала: сырость делала своё черное дело. Исключение составляла разве что центральная площадь с прилегающими кварталами: главная городская улица была выложена брусчаткой, а дома её окружавшие возвышались над головами прохожих аж на целых три этажа. Здесь же расположились ратуша и здание Бравонской Судоходной Гильдии, а так же местные лавочки и рынок.

А вот аптеки в городе не было как таковой, что было досадно.

Зато среди рыночных торговцев попался толковый травник, который продал мне сушёных солодки, шалфея, багульника и малинового листа, и долго, со знанием дела пояснял как это правильно заваривать, и в каких пропорциях пить. А за одно порекомендовал свою соседку, торговавшую грибами и ягодами: мол, брусника или малина сильно делу пособят.

Я с удовольствием приобрёл и того и другого.

На обратном пути едва не заблудился в узких лабиринтах улочек, но не пожалел об этом. Утреннее солнце всё чаще выглядывало из-за туч, волшебным образом преображая мрачные серые подворотни в залитые золотистым светом уютные закутки. Помниться, Бригги ни раз восхищалась тем как удивительно солнечный свет влияет на то как мы чувствуем мир. Всякий раз берясь за кисть она переливала это ощущение солнца в свою работу, словно раз за разом пыталась постичь его суть. И я постигал это вместе с ней.

Память об этом сама по себе была словно солнечный свет, в лучах которого скорбь утраты превращалась в нежность, пусть и исполненную печали.

С Анри пришлось повозиться, убеждая что насморк — это, конечно, пустяк, но общаться с бывалыми вояками лучше без него. И если он хочет скорее к ним попасть, то придётся выпить шалфея на молоке и подналечь на ягоды. Юнга поспорил немного для приличия, но под нашими с Михалом суровыми взглядами всё-таки сдался, пообещав проявить сознательность и выпить всё до капли.

Я же предпочёл провести день в нашей коморке, в обнимку с чашкой отвара. Простуда вскоре отступила, и теперь обстановку не омрачало уже ничего. Мы с парнями просто

коротали день предаваясь сладкому безделью и отдыхая не только за прошедшие две недели в пути, но и впрок, за грядущие четыре дня отделявшие нас от Креймора. Шутка ли, я впервые с того момента как покинул дом оказался под нормальной крышей и в нормальной постели! Почти райское блаженство, которое я не спешил разрушать раньше времени. Даже братья за грифель не было никакого желания, хотя привычка занимать руки рисованием давно уже стала частью меня.

После обеда приходила прачка, спросить не требуются ли нам её услуги. Ушла она с целым ворохом тряпья и двумя медяками в кармане.

Потом заглянул Михал, сообщить что в купальнях на заднем дворе разогрели воду, и если мы не планируем разводить вшей, то баня ждёт.

А мы как раз и не планировали.

...вот что-что, а постоянный двор в Тейл-Бэй и правда оказался пределом мечтаний. Здесь действительно были и купальни, и конюшни, и огромный общий зал с большим камином, и целых четыре этажа с комнатками для постояльцев. Не богато, но уютно, и в аккурат рассчитано на то чтоб разместить в этих стенах не одну уставшую команду отважных покорителей реки. Здание было добротное, в окнах стояло, ни много ни мало, настоящее стекло, а первый этаж так и вовсе выложен из камня. Короче, зуб даю что в строительство вложилась судоходная гильдия.

Так что теперь я полностью разделял трепетное отношение матросов к этому месту: плавай я по Бравоне — тоже б мечтал сюда вернуться, и задержаться на денёк другой.

Вечером в общем зале случился спонтанный концерт. Жители Тэйл-Бэй не были избалованны вниманием заезжих менестрелей, уж больно неудачно для гастролирующих трупп располагался их городок. А вот Зака местные знали и ждали.

Сам Зак за музыку оплаты не брал из принципа, твёрдо стоя на том что деньги убивают искусство. Он просто играл и пел в своё удовольствие, как душа просила. Правда многие всё равно бросали монеты «менестрелю на чарку эля» в организованный предприимчивым Бонзой мешок.

Было хорошо и душевно, несмотря на то что я ощущал себя чужаком на этом празднике жизни. Случайным прохожим, которого пустили на постоя, накормили и обогрели у очага.

Зак — пел, местные — подпевали, свистели, танцевали и требовали ещё.

Вилл что-то рассказывал Анри про службу в Легионе, а тот внимал разинув рот.

Чёрный и Михал сидели за соседним столом вместе с парочкой капитанов грузовых барж, приплывших следом за нами.

Одна из трактирных девиц попыталась построить мне глазки, но, убедившись что это бесполезно, переключилась на Бонзу, который ответил ей взаимностью.

Кто-то из наших, уже изрядно подвыпивший, взобрался на стол с кружкой эля в руках и стал предлагать тост за этот чудесный город и его добрых, радушных жителей. Люди в зале ответили на диво дружным одобрительным криком.

Так не хотелось чтоб этот вечер заканчивался. Я был счастлив просто сидеть в компании приятелей и наслаждаться тем что всё в кои-то веки в порядке. И тем как хорош чай из местных трав. И как захватывающе Вилл травит байки.

...до чего же мне не хочется расходиться с этими славными ребятами в разные стороны. На кой чёрт я всё время так быстро привязываюсь к людям?...

На утро я, как и обещал, составил Анри компанию в походе до патруля. Дежурный офицер выслушал нашего юнгу с неожиданным участием и увёл парнишку к коменданту,

оставив меня гадать как долго его не будет и что ему скажут.

Вернулся мальчик в смятении.

— Комендант сказал, что для службы в патруле нужно ещё подрасти, — рассказывал он мне по дороге назад. — Но они могут взять меня помогать на конюшне, а там, если хорошо себя покажу, то через пару лет, возможно, примут на службу.

— Неплохо, — сказал я. — И как, пойдёшь к ним?

— Пойду, — твёрдо ответил Анри. — Только вот с мистером Эйнсли поговорю да попрощаюсь со всеми. И пойду.

Возможно, подумал я, это и впрямь хорошее решение. Береговой патруль, как-никак, служба важная, хорошо оплачиваемая, пусть и опасная. Впрочем, а где вообще нынче безопасно-то? Но если парень тут приживётся, то за него можно быть спокойным. Не пропадёт.

После обеда мы с Виллом прошвырнулись до лазарета, проведать своих. Тимш и остальные были ещё далеки от того чтоб встать на ноги, но, хвала богам, худо-бедно шли на поправку. Ребята поругались на нас для приличия, но, когда Вилл тайком от сестёр милосердия передал Задире фляжку с джином, все пятеро резко стали приветливыми как портовые девки.

Потом я, гонимый уколом совести, заглянул на конюшню, убедиться что бедолага Серый в порядке. Беспокоился я напрасно: в уютном деннике конь чувствовал себя явно лучше чем на палубе корабля, был сыт и доволен, но моркови, принесённой в качестве извинения, обрадовался всё равно. При этом явно ощущалось что бедолага уже давно застоялся без дела, но тут уж я ничего пока поделывать не мог.

Немного застоялся и я сам. Сидеть в гостинице и смотреть в потолок расхотелось, а пройтись по ожившим улочкам Тэйл-Бэй — как раз наоборот, появилось желание. Город был полон людьми и жил своей жизнью, наполненной обычными человеческими хлопотами. И я тоже ненадолго позволил себе потеряться в её течении. Тёплая постель и вкусная еда имелись в наличии, и никто никого никуда не гнал.

Днём я спокойно, не таясь, мог ходить по городу, избегая, разве что, храмового квартала. Ну а ближе к ночи Зак играл для публики на постоялом дворе, превращая каждый вечер в настоящий праздник.

Правда совсем без приключений всё-таки не обошлось: во время одной из прогулок на меня вывалился некий невзрачный мужик с четырьмя прихлебателями, и потребовал немедля выдать ему "этого смазливового стихоплета" которому он, мужик, собирается скормить его же лютию. При нехитром разбирательстве оказалось что вчера некая особа, на которую этот хмырь положил глаз, весь вечер пялилась на Зака словно на божество.

Я про себя посетовал на человеческую глупость, но тут же совершил её сам, посоветовав недалёкому продолжать в том же духе, а то вдруг загадочная красавица ещё не рассмотрела какой мелочный подонок за ней ухлёстывает.

Не знаю что на меня нашло. Страху не было ни грана, а вот злости и раздражения — хоть отбавляй. Хотелось драки. Сильно, почти безумно. Свернуть этому типу челюсть и раз и навсегда отбить у подонков желание толпой угрожать одиноким прохожим, а за одно сметь угрожать моим «своим».

Тот факт что их больше я даже не принял в расчёт, и всё обошлось буквально чудом: мимо шли наш Марвин и сотоварищи, которые сходу смекнули что стоит вмешаться. Спасибо им. С ребятами силы уравнились, и боевой пыл местных поутих.

Красная пелена слетела и с моих глаз, оставив после себя целый букет неприятных мыслей и ощущений. Чем я думал пять минут назад? Куда делась моя привычка всё осмыслять? Ситуация не стоила такой слепой вспышки гнева.

Что происходит со мной?...

Зак новости о ревнивых мстителях не особо удивился, но на заметку взял. А наши просто приняли за правило не ходить в город поодиночке.

Однако к вечеру неизвестные таки побили двоих матросов с другой команды. Те были вообще здесь не причём, но видно местных это мало волновало. Наше речное братство не на шутку обозлилось, и вышло на тропу войны, разбившись на небольшие карательные отряды и отправившись на поиски обнаглевших мужиков. Мужики поначалу как сквозь землю провалились, а потом явились с подкреплением — видать подняли всех кого могли. Это было не сложно: уставшие с трёх дней пути матросы как правило гуляли в Тэйл-Бэй на всю катушку, чем причиняли горожанам массу неудобств. Кто ж откажется наконец поквитаться с матроснёй раз выпал такой случай?...

В какой-то момент это действие стало больше походить на игру мальчишек-переростков, с детским азартом гоняющихся друг за другом по городу. Самой безумной частью была, безусловно, идея ловить зачинщика «на живца» — то есть на одиноко идущего по улице Зака — принадлежавшая, собственно, самому Заку. Идея эта с блеском сработала, и повлекла за собой самую настоящую «финальную битву».

И, если честно, когда в дело вмешалась городская стража, стало даже жаль. К тому моменту невиновных ни с одной из сторон уже не осталось, и все почли за благо просто разойтись, заверив офицеров что претензий друг к другу ни у кого нет.

Патрульные вернулись на третий день. Как Вилл и предполагал, приехали они не солоно хлебавши. Естественно банда не стала ждать: карательный отряд нашёл останки баржи Салливана и признаки поспешной переправы на другой берег. Разведчики, естественно, отправились по следу, но как долго они провозятся и с чем вернуться — сложно было предположить.

Теперь в нашем присутствии в городе больше не было необходимости, и Чёрный распорядился готовиться к отплытию. Сам он в эти дни, в отличие от нас, носился по городу как ужаленный, организовывая похороны, улаживая дела со стражей, нанимая новых матросов. наших раненых оставили в лазарете, передав попечение над ними Бравонской Судоходной Гильдии. Гильдия же оплатила и сожжение погибших, и отправку праха родственникам. Только Анри получил погребальную урну прямо на руки. Он никому ничего не говорил, но наши матросы рассказывали, что парень просил старого рыбака вывести его подальше от берега и развеял прах брата над рекой.

К вечеру последнего дня всё было улажено, и капитан с облегчением напился так, что я всерьёз засомневался что на утро мы куда-то поплывём.

Зря. Я недооценил настойчивость нашего старпома. Правда Эйнсли, похоже, проклял всё.

На утро Анри пришёл попрощаться.

— Ты не передумал? — обеспокоенно спросил Михал. — Мы-то тебя с корабля не гоним. Да и дело ты знаешь хорошо.

— Уверен, — ответил юноша. — Я хочу попытаться.

— Это будет долго и непросто, — сказал старпом.

— Я знаю. Но все равно останусь, — парень неловко замолчал и опустил глаза. —

Простите. И спасибо вам за всё что вы для меня сделали.

— Да чего ты извиняешься-то? — отмахнулся Михал. — Дерзай. А ежели передумаешь, то мы в октябре вернёмся и заберём обратно на борт. Идёт?

— Идёт, — мальчик немного просветлел лицом. — Спасибо, господин Михал. И тебе тоже спасибо! — парень повернулся ко мне.

— За что?

— За разговор. Я тогда понял что должен делать, — взгляд его стал ясным и пронзительным. — Я хочу вступить в береговой патруль и бороться с разбойниками, чтоб такого больше ни с кем не случилось.

— Малыш, всех спасти невозможно, — осадил парня Вилл.

— Но я всё равно попробую, — упрямо сказал Анри.

Да, парень... хорошая цель, благородная... жаль такие быстро разбиваются об бессердечную реальность. Мы ведь не в сказке живём. Но как знать, может быть этот огонь и проведёт тебя через все дальнейшие невзгоды. Они будут. Непременно будут. Не бойся их, главное.

— Я думаю из тебя выйдет отличный офицер патруля. Честный и верный своему делу, не чета многим, — я похлопал парня по плечу. — Главное, что бы ни случилось — всегда действуй по совести.

Анри кивнул.

— Я буду. А тебе удачи, куда бы ты там не шёл. И прощай.

— И ты прощай, — ответил я. — Пусть у тебя всё сложится.

Когда мы наконец отчалили, я ощутил нехилое облегчение. Как не крути, подзадержались мы изрядно, а дорога звала. Плыть предстояло четыре дня, и их хотелось преодолеть как можно скорее. Дальше матросы получали заслуженный отгул на неделю, а за тем должны были загрузиться по-новой и уйти по искусственному каналу в сторону Рэны. Видимо, тогда мне и предстояло проститься и с ними, и с чётким планом действий. Что я буду делать в Крейморе пока виделось очень расплывчато.

После случившегося на реке (и, видимо, нагоняя от Судоходной Гильдии) патрульные сопровождали нашу баржу по берегу два дня, до самой границы владений.

Первую ночь мы провели в прибрежном селении, куда спокойно выпустили и меня, и Бонзу.

Но перед этим Вилл оттащил меня в сторонку на пару слов.

— Слушай, тут идея есть как тебе не слишком мелькать своим приметным шрамом, — сказал он, разрывая на полоски кусок тонкого ситца.

— Прикинуться одноглазым? — прозорливо догадался я.

— Агась, — кивнул Вилл. — Новоиспечённым, после стычки с бандитами. Тем более стычка-то и в самом деле была. Тоже, конечно, особая примета, но может хоть не с ходу всплывёт в случае чего.

Чтож, лучше поздно, чем никогда.

Ходить с повязкой я привыкал долго, но Вилл, как всегда, был прав. Правда, пришлось стерпеть несколько сочувственных взглядов от местных жительниц, за то команда всё поняла без лишних слов.

Вторую ночь, в аккурат на границе, мы провели на очередном островке, густо поросшим ивами. Их подмытые течением корни торчали из воды, словно сетями собирая дрейфующий по реке плавник. Именно его и пришлось собирать для костра, так как дров в лагере

традиционно не было, а Чёрный, не смотря на дразги с ныне покойным Ершом, и правда не больно-то заботился о том чтобы их привезти.

Всё на первый взгляд было хорошо. И вечер был ещё по летнему тёплый, и форели Виллу попало за день на коронное блюдо, и барак для ночлега был почти под стать нормальному дому. Никаких драк, никаких чужаков, даже назойливых мыслей. Только усталость до ломоты в суставах, которой я был скорее рад.

Но не смотря на всё это, меня не покидало странное ощущение, что что-то не так. Сильно не так. Хотя внешне всё было как обычно.

С этим ощущением я не раз просыпался ночью, то от холода, то от беспорядочных тошнотворных видений, заменивших сны. В них мешались образы реки и Нордвика, в который мы каждый раз прибывали в конце пути, и меня всякий раз ждали там с распростёртыми объятиями то Орф с дюжиной паладинов, то матушка Финч с обвинениями что я мол бросил её одну на старости лет, то Бригги в обгоревшем платье и полными ужаса глазами. Она с обезумевшим видом кидалась ко мне и кричала «Уходи! Уходи, ты в опасности! Он близко, он ищет тебя!». «Кто?» — спрашивал я раз за разом, но она отталкивала меня, возвращая в реальность, в барак на острове, в котором дружно храпели уставшие за день матросы.

Боги... интересно, есть ли на свете зелье или ещё какой способ вообще не видеть снов? Со дня казни они превратились в какую-то изощренную пытку, хоть не засыпай вовсе.

Что меня так встревожило? С этим островом что-то не так? Или случилось что-то такое, что я пропустил? Или это просто нервы совсем ни к чёрту стали, и я просто сам себя запугиваю?...

Так и не найдя правильного ответа, я коротал ночь в тревожной дрёме.

Новый день на вёслах немного развеял стусившуюся тревогу, однако она никуда не делась — ушла на дно.

Между тем местность вокруг существенно изменилась: берега были высокие, скалистые, и широкое речное русло больше напоминало затопленное ущелье. Чтобы проплыть здесь и не оказаться на середине реки, потребовалось немало усилий и бдительности. Так что к вечеру, когда мы миновали наиболее опасный участок и причалили у небольшого рыбацкого городка, меня едва хватило на то чтобы сдать беднягу Серого с рук на руки конюшим в гостинном дворе и доползти до своей постели, даже не поужинав толком.

Однако тревожные сны пришли вновь.

Да что же происходит?

Грести. Просто грести, чёт возьми, и не о чём не думать, иначе невероятно клонит в сон. Я мог, конечно, подмениться на вёслах и попытаться вздремнуть, как в один голос советовали Вилл и Михал, но, по правде сказать, уже откровенно побаивался закрывать глаза. Тем более мы двигались через самое опасное место из всех что встретились нам на пути.

Бравона здесь была бурной и узкой, и требовала от нас постоянной бдительности. Нужно было держаться умеренного течения: на середине реки мы рисковали перевернуться вместе со всем нашим грузом, а слишком близко к берегу непременно разбились бы об скалы. Как Чёрный и его старпом прокладывали этот единственно верный путь среди потоков воды я не знал, но не восхищаться не мог. Всё-таки мастерство — всегда мастерство. Его никак не пропьёшь. Хотя Чёрный, безусловно, старался.

— Всё, братва. Вон он, Креймор. Добрались! Осталось выгрести через Железные

Ворота.

Я поднял глаза и почувствовал, что забыл сделать вдох. Сердце вдруг заколотилось как бешенное.

Солнце склонилось к западу, играя тёплым, золотисто-рыжим светом на отвесных берегах реки. Впереди, вдалеке две огромные скалы, словно два стража, отмечали собой конец ущелья, за которым Бравона вырывалась из тисков гор и словно с облегчением разливалась по долине.

Меж этих каменных стражей был мост. Невероятный, почти фантастический мост, настоящее чудо инженерной мысли древних строителей.

А за ним, в долине, виднелся город.

— Что, нравится? — спросил Вилл, заметив, видимо, мой взгляд. — Вид шикарный, ничего не скажешь.

— Я уже видел это место, — произнёс я даже не осознавая что говорю вслух.

— Ты ж говорил что не бывал здесь никогда.

— Не бывал. Но видел. Не вживую. На одной картине...

Я никак не мог поверить собственным глазам.

За то теперь был точно уверен что не ошибся в выборе пути.

Больше книг на сайте - Knigoed.net